

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (57) 2021

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминологической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминологической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – **322761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции и издателя:
400089, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
17.06.2021.

Дата выхода в свет:
27.06.2021.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,75.
Усл. печ. л. 21,15.
Тираж 500. Заказ 24.

Цена по подписке на II полугодие 2021 г. по каталогу «Пресса России» 750 руб. 20 коп. (2 номера)

Отпечатано в ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская академия МВД России, 2021

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

И. А. Крепкова, заместитель начальника отдела — начальник отделения (отделение полиграфической и оперативной печати) редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 2 (57) 2021 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2021. — 182 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index for the second half of 2021 at the catalogue "Pressa Rossii": **322761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№. 2 (57)
2021**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University. Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
17.06.2021.

Date of publication:
27.06.2021.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 22,75.
Conventional print sheets 21, 15.
500 copies. Order 24.

Subscription price for the
second half of 2021
according by catalogue
"Pressa Rossii"
750 ruble 20 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2021

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seitenov, the First Vice Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

I. A. Krepkova, Deputy Head of the Department — Head of the Department (Department of Printing and Operational Printing) of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Смагоринский Б. П., Сычева А. В.
Некоторые проблемные вопросы расследования
и предупреждения мошенничеств,
совершенных в отношении
социально незащищенных категорий граждан

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Попов В. В.
Субъективное право как элемент
непредписывающего правового регулирования
в системе социально-правовых оценок:
оценки ante legem и pre legem (окончание)
Рыженков А. Я.
Обман как юридический факт
в частном праве: вопросы теории и практики

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Бугера М. А., Чхвимиани Э. Ж., Антоненко А. А.
Инновационные технологии
как средство предупреждения хищений
денежных средств с банковских карт
и счетов граждан
Григорьев В. Н., Терехов А. Ю.
Об усилении уголовной ответственности
создателей треш-стримов
Захаров Н. Д.
Современное состояние преступности,
посягающей на половую неприкосновенность
несовершеннолетних с использованием сети Интернет
Ильницкий А. С.
Криминальная идеология в сети Интернет:
методология и методика
криминологического исследования
Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А.
Модернизация нормы
об уголовной ответственности за хулиганство:
аргументы за и против
Поникаров В. А., Поникарова Т. В.
Административный надзор
как основа вторичной превенции в России
Поникаров С. В.
Уголовно-правовые основания
применения огнестрельного оружия
сотрудниками Федеральной службы
исполнения наказаний Российской Федерации
Семененко Г. М., Базулина А. А., Четвероус А. Н.
Об основных детерминантах
дорожно-транспортных происшествий
с участием водителей легкового такси

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

8 *Smagorinsky B. P., Sycheva A. V.*
Some problematic issues of investigation
and prevention of frauds committed
against socially disadvantaged categories of citizens

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

16 *Popov V. V.*
Subjective right as an element
of non-prescriptive legal regulation
in the system of social and legal assessments:
ante legem and pre legem assessments (ending)
25 *Ryzhenkov A. Ja.*
Deception as a legal fact in private law:
theory and practice issues

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

31 *Bugera M. A., Chkhvimiani E. Zh., Antonenko A. A.*
Innovative technologies as a means to prevent stealing
of monetary funds from the citizens' bank cards
and accounts
36 *Grigoryev V. N., Terekhov A. Yu.*
On strengthening the criminal liability
of the creators of trash streams
41 *Zakharov N. D.*
Current state of the crime
encroaching on sexual inviolability
of juveniles by using the internet
52 *Il'itskiy A. S.*
Criminal ideology in network:
methodology and technique
of criminological research
61 *Likholetov A. A., Likholetov E. A.*
Modernization of the rule
on criminal liability for hooliganism:
arguments for and against
67 *Ponikarov V. A., Ponikarova T. V.*
Features of supervision
of convicts in the penitentiary system of Russia
72 *Ponikarov S. V.*
Criminal law grounds
for the use of firearms
by officers of the federal penitentiary service
of the Russian Federation
77 *Semenenko G. M., Bazulina A. A., Chetverous A. N.*
The main determinants of road traffic accidents
involving taxi drivers

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Волох В. В., Городилов Н. С.
Возбуждение уголовного дела
в российском уголовном процессе:
актуальные проблемы
Гусева С. Д.
Особенности деятельности
сотрудников правоохранительных органов
при расследовании допинговых преступлений
Дронова О. Б., Храмова Е. С.
Актуальные пути повышения наглядности
иллюстративного материала,
подготовленного с использованием
беспилотных летательных аппаратов
Золотухина Н. В., Жукова П. Н., Горкина Е. В.
Виды процессуальных документов
в следственных органах
Козаренко В. С.
Проблемы реализации мер государственной защиты
сотрудников органов внутренних дел
Колесников С. И.
Вопросы обеспечения правовых гарантий лицам,
оказывающим содействие органам,
осуществляющим оперативно-разыскную деятельность
Костенко Н. С., Рыжкова О. А.
Онлайн-допрос на досудебных стадиях
уголовного судопроизводства: миф или реальность?
Мелихов А. И., Харченко А. В., Андрющенко Т. И.
Институты безопасности в оперативно-разыскной науке
Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В.
О некоторых проблемах взаимодействия
следственных и оперативных подразделений
органов внутренних дел при направлении
и исполнении поручений
Третьяков В. И., Корнаухова Н. Г., Новичихин П. Г.
Отдельные вопросы проверки соблюдения законности
в ходе осуществления прокурорского надзора
за оперативно-разыскной деятельностью
Шестакова Л. А.
Влияние карательных и реабилитационных
юридических доктрин на формирование
ювенального уголовного судопроизводства в России

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Астафичев П. А.
Институт народного представительства
в российском праве: специфика становления
и основные этапы развития
в советской государственно-правовой системе

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Жигалов П. Н.
Взаимодействие подразделений
органов внутренних дел на транспорте
с иными субъектами обеспечения
транспортной безопасности на современном этапе

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

84 *Volokh V. V., Gorodilov N. S.*
The initiation of the criminal case
in criminal procedure: current issues

93 *Guseva S. D.*
Features of the activities
of law enforcement officers
in the investigation of doping crimes

99 *Dronova O. B., Khramova E. S.*
Current issues of improving the visibility
of illustrative material
prepared using unmanned aerial vehicles

108 *Zolotukhina N. V., Zhukova P. N., Gorkina E. V.*
Types of procedural documents
in military investigative bodies

119 *Kozarenko V. S.*
Problems of implementation of measures
of state protection police officers

124 *Kolesnikov S. I.*
Issues of support the legal guarantees
to persons providing assistance to the bodies
making the operational investigative activities

132 *Kostenko N. S., Ryzhkova O. A.*
Online interrogation at the pre-trial stages
of criminal proceedings: is it myth or reality?

137 *Melikhov A. I., Kharchenko A. V., Andryushchenko T. I.*
Security institutions in operational-search science

146 *Tarasova M. Yu., Kontemirova Yu. V.*
On some problems related to cooperation
among investigative and detective units
of the interior bodies while dealing
with assignments: delivery and execution

154 *Tretyakov V. I., Kornaukhova N. G., Novichikhin P. G.*
Some issues to check observing legality,
while implementing prosecutor's
supervision on detective activity

160 *Shestakova L. A.*
Influence of punishment and rehabilitation
legal doctrines on formation juvenile justice
in Russia

PAGES OF HISTORY

166 *Astafichev P. A.*
Popular representation in Russian law:
the specifics of formation and the main stages
of development in the soviet state legal system

SCIENTIFIC DISCUSSION

174 *Zhigalov P. N.*
Interaction of departments of the internal affairs
on transport with other support subjects
transportation security at the modern stage

УДК 343.985.7:343.72
ББК 67.523.12
doi:10.25724/VAMVD.TSTU

Б. П. Смагоринский, А. В. Сычева

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ
СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН**

С учетом специфики мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан, в статье проанализированы следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования данных преступлений. Следственные ситуации дифференцированы по различным критериям. На основе изученной литературы, практики расследования дел данной категории сформулирован алгоритм производства следственных и иных процессуальных действий при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан. При анализе следственных ситуаций приведены примеры из практики расследования данной категории преступлений. Исследованы меры, предпринимаемые государственными и иными организациями в целях борьбы с мошенничествами, совершаемыми в отношении социально незащищенных категорий граждан, а также предложены рекомендации по предупреждению данных преступлений. Сформулированы специфические особенности уголовных дел рассматриваемой категории.

Ключевые слова: мошенничество, социально незащищенные категории граждан, социальное мошенничество, следственные ситуации, предупреждение, алгоритм действий следователя (дознавателя), первоначальный этап расследования, телефонное мошенничество.

B. P. Smagorinsky, A. V. Sycheva

**SOME PROBLEMATIC ISSUES OF INVESTIGATION
AND PREVENTION OF FRAUDS COMMITTED
AGAINST SOCIALLY DISADVANTAGED CATEGORIES OF CITIZENS**

Taking into account the specifics of the frauds committed against socially disadvantaged categories of citizens, the article analyzes the investigative situations that arise at the initial stage of the investigation of such crimes. Investigative situations are differentiated on various grounds. On the basis of the studied literature and the practice of investigating cases of this category, an algorithm for the investigative and other proceedings in the disclosure and investigation of frauds committed against socially disadvantaged categories was formulated. When analyzing investigative situations, examples from the practice of investigation are given. The measures taken by state and other organizations in order to combat fraud committed against socially unprotected categories of citizens are investigated, and recommendations for the prevention of these crimes are proposed. The specific features of criminal cases of the category under consideration are formulated.

Key words: fraud, socially disadvantaged categories of citizens, social fraud, investigative situations, prevention, algorithm of the investigator's actions, the initial stage of the investigation, phone fraud.

Согласно данным статистики, в последние годы в России наблюдается рост числа хищений, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием. В общей структуре преступности за январь — март 2021 г. мошенничества составляют 17 % от общего числа преступлений [1].

Особую общественную опасность имеют мошенничества, совершенные в отношении социально

незащищенных категорий граждан (так называемые социальные мошенничества) [2, с. 85], которых с каждым годом становится все больше. Данный вид уголовно наказуемых деяний приобрел большое распространение на территории всей страны. Эти преступления обусловлены особым цинизмом, так как действия злоумышленников направлены против граждан, которые по тем или

иным причинам не могут сами защитить свои права. Жертвами мошенников становятся представители практически всех слоев общества, но наиболее негативным проявлением социальной несправедливости в первую очередь является то, что мошенничества все чаще совершаются в отношении наиболее уязвимой части населения — социально незащищенных категорий граждан (инвалидов, пенсионеров, детей). Обладая излишней доверчивостью, наивностью, а зачастую и физиологическими отклонениями, пожилые люди становятся жертвами мошенничества, лишаясь последних средств к существованию.

«Социальные» мошенничества совершаются различными способами, в том числе и с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в первом квартале 2021 г. в IT-сфере совершено на 33,7 % больше преступлений, чем год назад, в том числе с использованием сети Интернет (на 51,6 %) и при помощи средств мобильной связи (на 31,6 %). В январе — марте 2020 г. удельный вес таких деяний составлял 19,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений, а за январь — март 2021 г. — увеличился до 27,1 % [1].

С учетом сложившейся ситуации на законодательном уровне неоднократно выносились предложения об ужесточении ответственности за совершение мошенничеств в отношении лиц старше 60 лет, о введении отдельного квалифицирующего пункта в ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и т. д. [3—6], но пока такие изменения в УК РФ не внесли.

В данной статье мы рассмотрим основные направления расследования с учетом типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан, а также вопросы противодействия данной категории преступлений.

В теории криминалистики подход к определению понятия следственной ситуации в юридической литературе неоднозначен. Одни ученые обозначали следственную ситуацию как совокупность определенных данных об определенном этапе расследования (например, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин) [7; 8]. Другие характеризовали следственную ситуацию как реальную, в которой в данный момент осуществляется процесс доказывания (В. И. Шиканов, Н. А. Селиванова и Р. С. Белкин) [9—10].

Мы согласны с мнением А. Н. Васильева и Н. П. Яблокова, которые трактуют следственную ситуацию как «фактическое положение, склады-

вающееся на определенный момент расследования или перед его началом, характеризующее все следственное своеобразие данного момента и определяемое совокупностью доказательственной, оперативно-разыскной, процессуально-тактической, методической, организационно-технической, методической и иной значимой для расследования информации» [11, с. 37].

На первоначальном этапе расследования «социального» мошенничества субъект расследования обладает минимальной криминалистически значимой информацией, которая, как известно, является основой следственной ситуации.

Иные сведения можно получить в ходе следственной проверки. Безусловно, при качественном проведении следственной проверки следователь (дознатель) получает больше криминалистически значимой информации, чем без ее проведения. Данные сведения указывают следователю (дознателю) на «способ совершения преступления и его сокрытия, данные о личности вероятного преступника, сумме причиненного ущерба» [2, с. 86] и т. д.

Рассмотрим типичные следственные ситуации по уголовным делам о «социальных» мошенничествах.

1. Относительно преступника:

а) подозреваемый явился с повинной или задержан с поличным;

б) информация о скрывшемся преступнике имеется в сообщениях потерпевших, свидетелей;

в) информация о подозреваемом имеется только в виде материальных следов.

Рассмотрение данных следственных ситуаций может оказать помощь следователю в выборе наиболее эффективных средств и методов расследования, а также в определении вопросов, подлежащих разрешению.

В первой следственной ситуации действия следователя (дознателя) должны быть направлены на сбор доказательств виновности лица в совершении «социального» мошенничества, необходимых и достаточных для привлечения его в качестве обвиняемого.

Для этого следователю (дознателю) необходимо провести следующие следственные действия и иные мероприятия: допросить потерпевших и свидетелей; провести выемки предметов, документов, в дальнейшем их осмотреть и приобщить к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств; получить образцы для сравнительного исследования; назначить соответствующие судебные экспертизы; задержать подозреваемого; провести обыски по месту жительства

подозреваемого; допросить подозреваемого; получить у подозреваемого образцы для сравнительного исследования; назначить дополнительные судебные экспертизы, если в этом возникнет необходимость, и др.

Если в распоряжении следователя (дознателя) имеется какая-либо информация о скрывшемся преступнике (вторая следственная ситуация), действия субъекта расследования должны быть направлены на получение информации о причастности данного лица к совершению «социального» мошенничества. Следователь, как правило, проводит допросы потерпевших, свидетелей; запрашивает информацию из соответствующих организаций (компании сотовой связи, банки, отделения Пенсионного фонда и т. д.); дает поручения органу дознания на установление местонахождения вероятного преступника и его последующее задержание; проводит допрос подозреваемого; назначает соответствующие экспертизы.

Приведем пример из следственной практики. 8 января 2021 г. на мобильный телефон А., 12.05.1930 года рождения, поступил звонок с неизвестного номера от гражданина Р., который представился сотрудником филиала Пенсионного фонда. В ходе разговора Р. сообщил, что пенсию А. возможно увеличить на законных основаниях примерно на 5—7 тысяч рублей. Для этого ей необходимо оплатить госпошлину в размере 1 000 рублей и прийти в офис № 302 филиала Пенсионного фонда Российской Федерации (указал при этом адрес) для составления соответствующего договора об оказании юридических услуг. Р. продиктовал А. номер карты, на которую необходимо перевести денежные средства. А. перевела нужную сумму на указанную Р. карту, о чем ей на мобильный телефон поступило СМС-сообщение из банка. Р. сообщил ей, что при переводе денежных средств якобы произошла ошибка, деньги на счет якобы Пенсионного фонда Российской Федерации не поступили, и для подтверждения банковской операции ему необходимо получить данные банковской карты А., на которую поступает пенсия (номер карты, срок действия и защитный код). А. сообщила все личные данные, и в тот же день явилась по указанному Р. адресу для составления договора об оказании ей юридических услуг. Офис якобы Пенсионного фонда Российской Федерации находился в бизнес-центре «Сатурн». При входе в бизнес-центр А. спросила у сотрудника охраны, где расположен офис Пенсионного фонда, на что тот ответил, что Пенсионного фонда в этом бизнес-центре нет. Пройдя в офис № 302, она встре-

тила Р., который сообщил ей, что деньги по оплате госпошлины поступили на счет якобы Пенсионного фонда, и теперь ей необходимо подписать договор на оказание платных юридических услуг по увеличению пенсии А., при этом пояснил, что стоимость юридических услуг составляет 80 тысяч рублей, и в течение 30 дней пенсия А. будет увеличена. Оплатив данную сумму сразу и получив копию договора, А. направилась домой. Через несколько минут с банковской карты А. было похищено 354 тысячи рублей.

В данном случае имеет место следственная ситуация № 1б, так как потерпевшая А. достаточно длительное время общалась с преступником Р. и смогла запомнить его внешность и голос.

В ходе предварительной проверки была опрошена заявитель А., которая пояснила все обстоятельства преступления и описала внешность преступника. А. при этом пояснила, что с уверенностью сможет опознать преступника, так как она длительное время общалась с ним в спокойной обстановке, не подозревая никакого обмана со стороны Р.

Следователем было дано поручение органу дознания на установление личности подозреваемого. В результате проверки по учетам ранее судимых лиц было установлено, что данное преступление совершил Р., ранее неоднократно привлекавшийся к уголовной ответственности за совершение краж и мошенничеств.

Впоследствии по поручению следователя местонахождение Р. было установлено, и он был задержан.

В ходе предварительного расследования у потерпевшей А. был изъят договор на оказание юридических услуг, в котором было указано, что она заключила договор на оказание информационных услуг с гражданином Р., т. е. Р. не являлся ни сотрудником Пенсионного фонда, ни юристом.

Допрошенный в качестве свидетеля сотрудник охраны бизнес-центра «Сатурн» пояснил, что офис № 203 был сдан в аренду на три месяца гражданину Р., внешность которого он также подробно описал и пояснил, что сможет опознать последнего.

В ходе обыска в кабинете № 203 указанного бизнес-центра были обнаружены и изъяты 12 договоров с подписями граждан и оттиском печати «Филиал № 1 Пенсионного фонда Российской Федерации».

В ходе осмотра носителей компьютерной информации, находящихся в офисе № 203 бизнес-центра «Сатурн», на флеш-карте, принадлежащей Р., было обнаружено 12 договоров об оказании информационных услуг на различные суммы с гражданами.

Допрошенные в качестве потерпевших 12 человек, которые были указаны в изъятых договорах (все лица пенсионного возраста), пояснили, что их денежные средства были похищены таким же способом, как и у гражданки А.

Допрошенный в качестве подозреваемого Р. свою вину в совершенных преступлениях признал полностью и пояснил, что он подыскивал людей пенсионного возраста, звонил им на стационарный или мобильный телефон и, представляясь сотрудником филиала Пенсионного фонда Российской Федерации, предлагал за определенную сумму увеличить их пенсию. В ходе разговора с потерпевшими он получал данные их банковских карт, с которых впоследствии похищал денежные средства. При составлении договора об оказании якобы юридических услуг данные услуги он не собирался и не мог предоставлять, так как по образованию являлся программистом. Договор нужен был только для незаконного получения денежных средств [12].

Из рассмотренных выше двух следственных ситуаций видно, что они неоднородны. Как справедливо отмечали Н. П. Яблоков и А. Н. Васильев, «говорить о единой структуре следственных ситуаций нельзя, так как структура следственной ситуации на различных этапах расследования различна: в конце расследования, непосредственно перед решением судьбы дела могут терять свое значение элементы следственной ситуации, характеризующие ход расследования и его возможное развитие, элементы методического характера и т. д. В то же время появляются новые элементы, связанные с характеристикой состояния расследования перед его прекращением или окончанием» [11]. Это утверждение представляется нам верным, так как содержание следственных ситуаций показывает наличие криминалистически значимой информации, а также указывает на необходимость сбора недостающих данных по делу.

2. Относительно потерпевшего от «социального» мошенничества:

а) потерпевший сам заявил о совершенном в отношении него мошенничестве;

б) потерпевший в силу ряда причин скрывает факт совершенного в отношении него мошенничества.

Такие следственные ситуации возможны, если потерпевший не желает придавать огласке факт своей излишней доверчивости, наивности, простодушия. В подобных случаях, как правило, с заявлением в полицию обращаются родственники потерпевших.

3. Относительно похищенного имущества:

а) похищенное имущество обнаружено при задержании мошенника (данная следственная ситуация чаще всего имеет место, когда преступник задержан «по горячим следам», либо с момента совершения преступления прошел небольшой промежуток времени);

б) местонахождение похищенного имущества неизвестно.

4. Относительно способа передачи денежных средств (при совершении «социальных» мошенничеств с использованием мобильной связи):

а) потерпевший передал денежные средства лично мошеннику;

б) потерпевший перевел денежные средства посредством банковских организаций или платежных терминалов на номер телефона, указанный мошенником;

в) потерпевший передал деньги через курьера (соучастника «социального» мошенничества).

В данном случае следователь проводит допрос потерпевшего с установлением следующих обстоятельств:

— способа связи преступника с потерпевшим: номера телефона, с которого ему звонил преступник; времени поступления звонка; длительности разговора; установления, кем представился преступник (сотрудником банка или иной организации); о чем говорил с потерпевшим, какие выдвигал требования, предложения; запомнил ли потерпевший голос преступника, может ли охарактеризовать его, сможет ли опознать преступника (по каким характерным признакам); какую сумму денежных средств и за оказание каких услуг преступник просил передать;

— способа передачи денежных средств:

если деньги переведены на счет мобильного телефона, то на какой именно номер;

если деньги переведены с помощью банковских учреждений, то через какой банк, номер расчетного счета, на который осуществлен перевод, данные лица (Ф. И. О), которому переводились денежные средства;

если перевод осуществлялся с использованием мобильного приложения, то необходимо установить номер карты или телефона, на который был осуществлен перевод, и данные получателя денежных средств;

если денежные средства передавались через курьера, то нужно установить место и время передачи денег; выяснить признаки внешности человека, которому были переданы деньги (может ли потерпевший его опознать и описать внешность), и т. д.;

— иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: сообщал ли потерпевший своим родственникам о произошедшем, если да, то в какой момент; звонил ли потерпевший мошеннику повторно, если да, то о чем они беседовали;

— источника, с которого был осуществлен звонок потерпевшему: детализация звонков с мобильного телефона потерпевшего; запросы в компании сотовой связи об установлении данных лица, на которого зарегистрирован номер телефона; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и др.

Таким образом, по каждой из рассмотренных нами следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования «социальных» мошенничеств, перед следователем стоит задача выбора наиболее рациональной и эффективной системы действий и построения их в определенной последовательности, т. е. разработка алгоритма расследования «социальных» мошенничеств.

Рассмотренные нами типичные следственные ситуации, встречающиеся при расследовании уголовных дел по фактам мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан, безусловно, на этом не исчерпываются. Мы отдаем себе отчет, что по рассматриваемой нами категории уголовных дел могут быть и другие следственные ситуации, но, как нам представляется, изложенные нами являются наиболее актуальными и часто встречающимися на практике.

Изучение уголовных дел о «социальных» мошенничествах показало, что в большинстве случаев жертвами таких преступлений становятся пожилые люди, в связи с чем необходимо рассмотреть специфику данных преступлений и меры борьбы с ними.

Пожилые люди, как правило, характеризуются излишней доверчивостью, открытостью, эмоциональным голодом, страхом невольно обидеть кого-либо своим недоверием, недостатком общения, которое может быть вызвано одиночеством, а также недостаточной информированностью по многим вопросам (незнание законодательства, неумение пользоваться Интернетом, компьютерами, смартфонами и другими техническими средствами), а также незнание мер предосторожности при пользовании банковскими картами. Кроме того, при расследовании «социальных» мошенничеств необходимо учитывать возможные возрастные особенности потерпевших (слабоумие, расстройство памяти и др.).

Представители общероссийского народного фронта «За права заемщиков» направили в Центробанк предложение о том, чтобы позволить пенсионерам России отказываться от исходящих пере-

водов и онлайн-платежей в целях их защиты от мошенничеств. Данная инициатива пока находится на рассмотрении [13].

Кроме того, представители общественного движения «За безопасность» предложили ввести лимит в размере 10 тысяч рублей в сутки на онлайн-переводы с банковских карт для пенсионеров. Это, по мнению авторов инициативы, помешает мошенникам похищать у пожилых людей крупные суммы денег. Данное предложение также направлено в Центробанк и находится на рассмотрении [14].

Компания Tele2 осуществляет борьбу с мошенничеством посредством «антифрод-платформы (от англ. fraud — „мошенничество“) для защиты клиентов коммерческих банков от мошенничеств с использованием социальной инженерии. Платформа интегрируется с коммутаторами телеком-оператора и CRM-системой банка. Антифрод-решение отличает звонки из клиентской службы банка от звонков мошенников даже при использовании подменных номеров и помогает препятствовать незаконному выводу денег со счетов клиентов» [15].

В целях борьбы с телефонным мошенничеством 9 марта 2021 г. был принят Федеральный закон № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [16], согласно которому поставщики телекоммуникационных услуг обязаны прекратить обслуживание абонентских номеров, незаконно используемых подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов.

Для предупреждения совершения «социальных» мошенничеств представляется возможным сформулировать некоторые рекомендации:

— информирование пожилых людей о том, где и какие услуги они могут получить (социальные, медицинские и др.);

— создание единого номера телефона, по которому пожилой человек мог бы получить консультативную помощь, информационную поддержку по вопросам, касающимся социальной сферы;

— информационная работа различных организаций, контактирующих с пожилыми людьми: тренинги, разъяснительные беседы и т. д.

В завершение необходимо отметить, что типичная следственная ситуация, сложившаяся на первоначальном этапе расследования мошенничества, совершенного в отношении социально незащи-

щенных категорий граждан, позволяет следователю сделать вывод о том, что типичная общая версия, выдвинутая при проведении доследственной проверки с предположением о совершенном «социальном» мошенничестве, действительно имевшем место, подтвердилась.

Таким образом, типичная следственная ситуация есть результат проверки типичной версии, и в то же время она служит основанием выдвижения последующих следственных версий. От того, как следователь (дознатель) оценит сложившуюся по уголовному делу ситуацию, какие решения примет, зависит успех расследования в целом.

При расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан, следователю (дознателю) необходимо учитывать специфику данной категории уголовных дел: психофизиологические, интеллек-

туальные, возрастные свойства личности потерпевших, зачастую отсутствие свидетелей совершенного преступления, во многих случаях длительный временной интервал с момента совершения преступления до обращения пострадавшего в правоохранительные органы и возбуждения уголовного дела, а также длительность исполнения запросов следователей компаниями сотовой связи.

В целях борьбы с «социальным» мошенничеством необходимо вести постоянную разъяснительную работу с социально незащищенными категориями граждан, информируя их о том, как необходимо действовать при поступлении звонка на мобильный телефон или СМС-сообщения с неизвестного номера с просьбой или требованием перевода денежных средств, чтобы пожилые люди не отдавали мошенникам свои последние средства к существованию.

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — март 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756/> (дата обращения: 02.04.2021).

2. Сычева А. В. Криминалистическая характеристика мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 85—91.

3. Совершение преступления в отношении пенсионера предлагается включить в перечень обстоятельств, отягчающих уголовное наказание. URL: <https://www.garant.ru/news/1375265/> (дата обращения: 01.03.2021).

4. В Партии пенсионеров отреагировали на отказ Госдумы ужесточить наказание за мошенничество в отношении пожилых людей. URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/v-partii-pensionerov-otrea-girovali-na-otkaz-gosdumy-uzhestochit-nakazanie-zamoshennichestvo-v-otnoshenii-pozhilyh-lyudej-6133.html> (дата обращения: 06.04.2021).

5. Попов Н. В. Человек и закон. Обман — преступление против стариков // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 31—34.

6. В Госдуме предложили защитить пенсионеров от мошенников. URL: <https://finance.rambler.ru/other/41048683-v-gosdume-predlozhili-zaschitit-pensionerov-ot-moshennikov/> (дата обращения: 10.04.2021).

7. Герасимов И. Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. Москва, 1973.

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January — March 2021. Available from: <https://mv.d.rf/reports/item/23816756/>. Accessed: 2 April 2021 (in Russian).

2. Sycheva A. V. Forensic characteristics of frauds committed against socially vulnerable categories of citizens. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 85—91, 2013 (in Russian).

3. The commission of a crime against a pensioner is proposed to be included in the list of circumstances aggravating criminal punishment. Available from: <https://www.garant.ru/news/1375265/>. Accessed: 1 March 2021 (in Russian).

4. The Party of Pensioners reacted to the refusal of the State Duma to toughen the punishment for fraud against the elderly. Available from: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/v-partii-pensionerov-otrea-girovali-na-otkaz-gosdumy-uzhestochit-nakazanie-zamoshennichestvo-v-otnoshenii-pozhilyh-lyudej-6133.html>. Accessed: 6 April 2021 (in Russian).

5. Popov N. V. Man and law. Deception is a crime against old people. Topical issues of combating crimes, 31—34, 2015 (in Russian).

6. The State Duma offered to protect pensioners from fraudsters. Available from: <https://finance.rambler.ru/other/41048683-v-gosdume-predlozhili-zaschitit-pensionerov-ot-moshennikov/>. Accessed: 10 April 2021 (in Russian).

7. Gerasimov I. F. Principles of constructing a methodology for disclosing crimes. In: Questions of criminalistic methodology, tactics and methods of investigation. Moscow; 1973 (in Russian).

8. Драпкин Л. Я. Понятие и иллюстрация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975.

9. Шиканов В. И. Разработка теории тактических операций — важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Москва, 1976. С. 155—159.

10. Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. Москва, 1982. 150 с.

11. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 143 с.

12. Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

13. В России придумали способ защитить пенсионеров от мошенников. URL: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/v-rossii-pridumali-sposob-zashhitit-pensionerov-ot-moshennikov/> (дата обращения: 12.04.2021).

14. В России предложили способ, как защитить деньги пенсионеров от мошенников. URL: <https://news.vtomske.ru/news/179462-v-rossii-predlozili-sposob-kak-zashchitit-dengi-pensionerov-ot-moshennikov> (дата обращения: 11.04.2021).

15. Телефонное мошенничество: как противодействовать обману. URL: <https://www.garant.ru/article/1448451/> (дата обращения: 02.04.2021).

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: федер. закон от 9 марта 2021 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2021).

© Смагоринский Б. П., Сычева А. В., 2021

Смагоринский Борис Павлович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского
института ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

8. Drapkin L. Ya. Concept and illustration of investigative situations. In: Investigative situations and disclosure of crimes. Sverdlovsk; 1975 (in Russian).

9. Shikanov V. I. Development of the theory of tactical operations — the most important condition for improving the methods of investigating crimes. In: Methods of investigating crimes. Moscow; 1976: 155—159 (in Russian).

10. Selivanov N. A. Soviet criminalistics. System of concepts. Moscow; 1982: 150 (in Russian).

11. Vasiliev A. N., Yablokov N. P. Subject, system and theoretical foundations of criminalistics. Moscow: Publishing house Moscow University; 1984: 143 (in Russian).

12. Materials of the investigative practice of the Main Investigation Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Volgograd Region (in Russian).

13. In Russia, they have come up with a way to protect pensioners from fraudsters. Available from: <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/v-rossii-pridumali-sposob-zashhitit-pensionerov-ot-moshennikov/>. Accessed: 12 April 2021 (in Russian).

14. In Russia, they proposed a way to protect pensioners' money from fraudsters. Available from: <https://news.vtomske.ru/news/179462-v-rossii-predlozili-sposob-kak-zashchitit-dengi-pensionerov-ot-moshennikov>. Accessed: 11 April 2021 (in Russian).

15. Phone fraud: how to counter cheating. Available from: <https://www.garant.ru/article/1448451/>. Accessed: 2 April 2021 (in Russian).

16. Federal Law No. 44-FZ on 9 March 2021. "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the termination of the provision of communication services on the territory of pre-trial detention centers and institutions executing criminal sentences in the form of imprisonment". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

© Smagorinsky B. P., Sycheva A. V., 2021

Smagorinsky Boris Pavlovich,

professor at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
senior researcher of research institute
of Federal penitentiary service of Russia,
doctor of juridical sciences, professor,
honored science worker
of the Russian Federation;
e-mail: Smagvolg@rambler.ru

Сычева Анна Викторовна,
старший преподаватель кафедры
криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Viktorovna,
senior lecturer at the criminalistics department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: anna002@yandex.ru

* * *

УДК 34
ББК 67.0
doi:10.25724/VAMVD.TTUV

В. В. Попов

**СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО КАК ЭЛЕМЕНТ
НЕПРЕДПИСЫВАЮЩЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОК:
ОЦЕНКИ ANTE LEGEM И PRE LEGEM
(окончание)**

Субъективные права относятся к средствам идеологического влияния как ценностно-ориентирующего этапа алгоритма социального управления, включающего в себя правовое регулирование. Это верно для любых систем права в силу того, что любая правовая норма является семантическим симбиозом аксиологических оценок. Социальные оценки алгоритмически предшествуют любой норме права, хотя появление правовой нормы не является необходимым этапом в каждом алгоритме социального (само)управления. Наиболее точным описание данных процессов представляется лишь при использовании управленческого контекста. Это требует введения таких терминов, как «контрольные и непосредственно управляемые параметры» (протекания социального процесса), а также «средства изменения управляемых параметров». Это позволяет осуществить сообразную объективной реальности теоретическую реконструкцию места и роли субъективных прав в правовом регулировании, что является полноценной теоретической основой не только для эффективного обеспечения данных прав, но и для эффективного использования их регулятивного потенциала в государственном управлении.

Ключевые слова: субъективное право, непредписывающее правовое регулирование, социально-правовые оценки, контрольные параметры, управляемые параметры, средства изменения управляемых параметров.

V. V. Popov

**SUBJECTIVE RIGHT AS AN ELEMENT
OF NON-PRESCRIPTIVE LEGAL REGULATION
IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND LEGAL ASSESSMENTS:
ANTE LEGEM AND PRE LEGEM ASSESSMENTS
(ending)**

Subjective rights refer to the means of ideological influence as a value-oriented stage of the algorithm of social management, which includes legal regulation. This is true for all legal systems, because any legal norm is a semantic symbiosis of axiological assessments. Social assessments algorithmically precede any rule of law, although the appearance of a legal norm is not a necessary stage in every algorithm of social (self-directed) management. The most accurate description of these processes is provided only when using the management context. This requires the introduction of such terms as "control and directly managed parameters" (of the social process course), as well as "means of changing of the controlled parameters". This makes it possible to carry out a theoretical reconstruction of the place and role of subjective rights in legal regulation in accordance with objective reality, which is a full-fledged theoretical basis not only for effective legal regulation, but also for an effective usage of their regulative potential in state administration.

Key words: subjective law, non-prescriptive legal regulation, socio-legal assessments, control parameters, controlled parameters, means of changing controlled parameters.

Ценность средств, изменения управляемых параметров может быть названа инструментальной. Соответственно, в норму права соединяются

pre legem оценки контрольных параметров и средства изменения управляемых параметров (средства управляющего воздействия), т. е. норма права

(понимаемая как правовые запреты / обязанности) — это, по сути, семантический симбиоз *pre legem* оценок контрольного параметра и позволяющего достигнуть его (как минимум повышающим вероятностью его достижения с точки зрения субъекта оценки) средства управляющего воздействия. Как видно, поскольку речь идет не только об объективной, но и о субъективно-управленческой связи контрольных и управляемых параметров, а также выбора средств изменения управляемых параметров (вкуче с осознанием управленцем вероятности таких изменений, т. е. в некотором смысле — эффективности данных средств), это делает возможным совершение ошибок управления, которые можно назвать, например, снижением / утратой эффективности правового регулирования.

Приведем пример. Некий субъект (например, «Суверен» — С) позитивно оценивает некоторое положение вещей в социальной сфере, точнее — желает протекания социальных процессов в соответствии с определенным значением контрольных параметров (например, «казна пополняется» — КП). Однако если говорить точнее, то казну пополняют подданные своими платежами, что и следует описывать как контрольный параметр КП. УП (управляемый параметр) связан с КП и объективно, и субъективно-управленчески. Исходя из того, что УП здесь — сознание (и воля) подданных, значимыми становятся средства воздействия на сознание. Выбор таких средств (например, правового предписания или же учения о сакральности уплаты податей и т. п.) и будет наиболее ярко отражать субъективно-управленческую связь КП и УП. Качество управления при этом будет предопределено соответствием между, с одной стороны, объективностью связи КП, УП и СИУП (средств изменения управляемого параметра), и с другой — представлениями субъекта управления об этой связи. Если средством изменения управляемого параметра выбрано наказание за неуплату податей, то такое наказание можно выразить как *pre legem* СИУП.

Иными словами, контрольный параметр — уплата налогов (S есть P). Оценка *pre legem* — «хорошо, когда платят налоги» ($M(S$ есть $P)$), что можно символически записать как *pre legem* КП. Средство воздействия на управляемый параметр — наказание тех, кто не платит налоги, что в управленческом контексте переводимо в информацию «не уплативших налоги наказывают» ($S1$ есть $P1$). С субъективно-управленческой точки зрения (т. е. с точки зрения управленца) это будет статистически вероятно побуждать статистически значимое количество людей к уплате налогов. Соот-

ветственно, данному фактору также приписывается позитивно ценностное значение — «хорошо, когда наказывают того, кто не платит налоги ($M(S1$ есть $P1)$)», что можно символически записать как *pre legem* СИУП.

Говоря о содержательной характеристике масштабности социальных оценок, можно назвать, например, то, что все потребности человека имеют филогенетические корни в потребностях животных [1, с. 26]. Поэтому, несмотря на «итоговую уникальность» каждого человека, существенное сходство чувственного восприятия мира подавляющего большинства людей генетически запрограммировано («человек — мера всех вещей»). В совокупности с общностью социальной среды и определенной общностью базовых мировоззренческих установок, трансформирующих потребности в интересы, это приводит к тому, что люди, достигающие схожих целей в схожих социальных условиях, действуют алгоритмически схожим образом. Оценки целей и алгоритмов их достижения, проходя «...массовое тиражирование, транспортиацию по информационным каналам связи в процессах социальной коммуникации» [2, с. 19], приобретают свойство типичности. Однако, будучи типичными, массовыми, *ante/pre legem* оценки контрольных и управляемых параметров (а соответственно — и управляющего воздействия) остаются субъективными, что вполне соответствует положениям аксиологической логики.

Итак, поскольку типичность, массовость лежит в основе нормы («нормативной переработке подлежат, как правило, массовые ряды социальных явлений...» [3, с. 11]), постольку можно отметить, что оценками *pre legem* (если их разделяет, т. е. воспринимает законодатель) в целом ряде случаев становятся те из оценок *ante legem*, которые имеют значительную субъектную масштабность. Широкий масштаб оценки можно рассматривать как предпосылку того, что принято называть «всеобщностью нормы». Своеобразное преобразование оценок *ante legem* в оценки *pre legem* являет собой то, что иногда (не очень удачно) и называют «слиянием потоков нормативности» [3, с. 25].

Далее, вспомним три обстоятельства. Во-первых, семантический симбиоз оценок *pre legem* порождает именно правовое предписание общего характера, т. е. норму права. Во-вторых, субъективное право (само по себе) таким предписанием не является, хотя может рассматриваться как дублирующий и/или косвенный экспонент такого предписания.

В-третьих, то, что принято описывать как содержание так называемых правомочий, составляющих субъективное право (обладание неким благом, некое поведение и притязание на некое поведение со стороны третьих лиц), в рамках логики человеческого взаимодействия в большей или меньшей мере связано с поведением адресатов норм-семантических симбиозов оценок *pre legem*. Для удобства можно присвоить буквенные индексы пяти видам данных правомочий:

А — «правомочие» обладать неким благом;

Б — «правомочие» на некое собственное поведение;

В — притязание на воздержание третьими лицами от определенного поведения (препятствующего осуществлению «правомочий, указанных в пп. А, Б);

Г — притязание на совершение со стороны третьих лиц определенного поведения;

Д — притязание на деятельность правоприменителя по обеспечению совершения и/или воздержания от такого поведения в рамках определенной модели социального взаимодействия.

Соединение трех этих обстоятельств в совокупности с различием контрольных и управляемых параметров, являющихся предметом оценок *ante/pre legem*, позволяет утверждать, что *pre legem* оценки контрольных параметров — это именно те социально-правовые оценки, которые и выражаются так называемыми правомочиями, составляющими субъективные права. Это могут быть параметры КПА, КПБ, КПВ и КПГ, но не параметр КПД, поскольку речь бы уже шла об управляемом параметре и средствах воздействия на него. В таком случае обязанность платить налоги можно записать как *pre legem* КПГ + *pre legem* СИУП, где *pre legem* КПГ можно было бы выразить также посредством права / правомочия собирать налоги.

Приняв это во внимание, можно заметить, что в контексте анализа природы субъективных прав оценки *ante/pre legem* следует рассматривать не только как «строительный материал» для юридических обязанностей и запретов, которые далее будут выражены через субъективные права, выступающие дублирующим или косвенным экспонентом данных предписаний. Речь также можно вести и о собственной, хотя и непредписывающей регулятивной природе данных оценок, т. е. о том, что оценки *ante legem* контрольных параметров (КП, точнее КПА, КПБ, КПВ, КПГ) также могут иметь регулятивные свойства, хотя это не будут предписывающие свойства.

Если мы говорим о *правовом* контексте исследования, то речь будет идти о правовом предписании и правовом регулировании, т. е. о том, что рассматриваемые оценки *по определению* (раз уж эти оценки названы «*ante legem*»), а не просто, например, «*ante normam*») находятся в сфере «действия права» и, соответственно, их регулятивные свойства в определенной мере подобны регулятивным свойствам правовых предписаний, хотя ими и не являются. В связи с этим можно сказать и так: из всего множества социальных оценок *ante normam* можно выделить подмножество оценок *ante legem* на том основании, что последние находятся в так называемой сфере действия права. Если мы далее говорим о том, что эти оценки разделяются (в смысле — воспринимаются) субъектом правотворчества, то мы будем вести речь уже об оценках *pre legem* лишь на том основании, что их семантический симбиоз порождает норму права. Но это, условно говоря, «простая ситуация».

О «сложной ситуации» можно говорить тогда, когда субъект правотворчества по каким-то причинам не воспринял эти оценки *ante legem* и не издал норму права. Сложность заключается в поиске оснований говорить об оценках *ante legem*, а не просто, например, об оценках *ante normam*. Попробуем найти такое основание в следующей формулировке — оценки *ante legem* имеют юридическую природу. В таком случае можно сказать и так: субъект правотворчества в некоторых случаях не формирует из оценок *ante legem* нормы права (что и превращает данные оценки в оценки *pre legem*), хотя должен это делать. Однако, исходя из того, что долженствование задается предписанием, возникает вопрос: должен в соответствии с каким предписанием?

Для ответа на данный вопрос следует обратить внимание на иную проблему, сопряженную с рассматриваемой. В частности, можно отметить такую давнюю проблему, как так называемые пробелы в праве. Прежде всего следует отметить, что проблематично само описание пробела, поскольку давней традицией можно считать иносказательность и (или) неопределенность таких описаний. Например, к иносказаниям можно отнести характеристику пробела через указание на отсутствие тех норм, которые должны присутствовать [4, с. 9] (нормы не могут быть должны), через указание на общественные отношения, требующие правового регулирования [5, с. 44] (отношения не могут требовать), и т. д.

Описание пробела в терминах необходимости (отсутствует норма, которая необходима) [4, с. 37] требует уточнения. Дело в том, что высказывание «отсутствует правовая норма, существование которой необходимо» в силу взаимной определенности алетических и темпоральных модальных характеристик («необходимо то, что было, есть и будет») эквивалентно высказыванию «отсутствует норма, которая существует (необходима)». В такой формулировке абсурдность (внутренняя противоречивость) вполне очевидна.

В связи с этим более точным представляется рассмотрение пробельности права через схему «аксиологической необходимости», которая обычно применяется при практическом силлогизме, формулирование которого восходит еще к Аристотелю и используется при рассмотрении проблемы понимания поведения. В рамках этого силлогизма производится, в частности, следующее построение (на примере нашего рассуждения):

Позитивно ценно (П).

Норма (Н) есть причина (П).

Следовательно, позитивно ценна норма (Н).

В данном случае «позитивно ценна» и означает «аксиологически необходима». Однако наделение нормы статусом причины для некоторого поведения уместно, если и только если мы вслед за Лейбницем будем придерживаться так называемого старого модализма (т. е. признаем транзитивность деонтических и алетических модальностей), для чего в схемах транзитивности установим особые константы *vir bonus* — нравственно идеального или просто доброго человека (как адресата предписания) (см.: [6, с. 24]).

Такая константа позволяла положительно решать вопрос о статистически приемлемой однозначности предопределенности отклика сознания (*vir bonus*, нравственно безупречный человек) на соответствующее информационное воздействие (нормы-предписания), т. е. подобная константа фактически наделяет предписание характером причины, а нормативно соответствующее поведение — характером следствия. Иными словами, если есть какая-либо норма, то она неизбежно порождает свою реализацию. Однако такой подход вряд ли можно считать приемлемым, поскольку допущение, что все люди нравственно идеальны или даже просто добры, не соответствует реальным параметрам протекания реальных социальных процессов.

Поэтому более точным представляется описание пробельности права не через аксиологическую необходимость, а через аксиологическую

оценку. Например, так. Субъект (С) позитивно оценивает некоторое положение вещей в социальной сфере, точнее — желает протекания социальных процессов в соответствии с определенным значением контрольных параметров (КП). Например, таким параметром будет некое поведение (П) (со стороны третьих лиц). Это поведение информационно-алгоритмически связано с сознанием соответствующего лица (УП). Субъект (С) полагает при этом, что некая правовая норма (ПН) была бы средством изменения УП, а значит — фактором (или одним из факторов), повышающих вероятность совершения поведения П. Иными словами, С позитивно ценно оценивает КП и, соответственно, приписывает значение «позитивно ценно» правовой норме как СИУП.

Если истолковать позитивно ценное в терминах желательности, то можно сказать и так: С, стремясь достигнуть КП, считает желательным наличие ПН, генерирующей П. В таком случае пробел можно охарактеризовать как отсутствие желаемой нормы. Но в связи с этим для юридической науки, основанной на постулатах о том, что законодатель не формирует, но лишь формулирует право [7, с. 162], и, соответственно, на идеях о том, что «при издании очередного нормативного акта правотворец озабочен, в первую очередь, необходимостью урегулировать актуализированные в общественной практике общественные отношения» [8, с. 13], что система права имеет (в отличие от системы законодательства) объективный характер (см., например: [9, с. 363], и т. п., может возникнуть не очень удобный вопрос: наличие этой нормы права желаемо кем именно? «Неудобство» данного вопроса обусловлено тем, что ответ на него позволяет указывать на огромную долю реального и неизбежного управленческого субъективизма в правовом регулировании и праве вообще.

Самый простой и очевидный (хотя и не исчерпывающий) ответ на этот вопрос: пробел — это отсутствие нормы, желаемой тем субъектом, который делает вывод о пробельности права. Следует учесть, что подобный вывод фактически предопределен указанием на то, что пробел в праве следует отличать от «квалифицированного молчания законодателя», поскольку подобное высказывание в качестве аналитической («само собой разумеющейся») предпосылки предполагает мысль о том, что одну и ту же ситуацию в юридической деятельности разные субъекты могут по-разному оценивать. То, что один субъект считает пробелом, другой относит к квалифицированному молчанию, умышленному (преднамеренному, мнимому, квалифицированному и т. п.) пробелу.

Именно поэтому в научной литературе подчеркивается нетривиальность проблемы нахождения границ между квалифицированным молчанием законодателя и пробелами в праве. В. М. Баранов, рассматривая вопрос о том, как отграничить пробел от квалифицированного молчания законодателя, указывает на его остроту и для практиков, и для теоретиков: «Возникает резонный вопрос — как правоприменителю и обучаемому достоверно определить: считает или не считает законодатель необходимым регламентировать определенный фрагмент деятельности?» [10, с. 75]. Особо примечательно при этом то, что В. М. Баранов, с одной стороны, называет масштабы пробельности права существенно преувеличенными, поскольку зачастую ученые-правоведы не отличают квалифицированное молчание законодателя от пробела в праве [10, с. 75]. С другой стороны, В. М. Баранов подчеркивает, что ни один ученый-правовед, ни один даже самый опытный практик не может «додумывать» за законодателя и решать — следовало или не следовало ему издавать соответствующую норму права [10, с. 76].

Иными словами, идентификацию пробела в праве весьма проблематично отрывать от субъекта, осуществляющего эту идентификацию, т. е. весьма проблематично утверждать: пробел в праве объективно существует (например, как закон всемирного тяготения) и осталось только выявить его (найти «соответствующего Ньютона», который его сформулирует). Неслучайно наиболее радикальной формой выражения субъективизма в проблеме пробельности права является давняя идея о том, что объективно пробелов в праве вообще не существует [11, с. 312—314]. Есть лишь пробелы в наших знаниях о праве, т. е. пробел обнаруживается не в праве, а в ищущем право (Бергбом).

С этой точки зрения хорошо видно, что теоретическая реконструкция ситуации с так называемыми пробелами в праве, независимо от того, считаем ли мы их реальным явлением или иллюзией («пробел в правосознании»), довольно успешно осуществляется с помощью оценок *ante legem*. Такая унификация языка описания позволяет более четко выявить тот камень преткновения, который делит ученых на сторонников и противников реальности пробелов в праве. Кроме того, включение тематики пробелов в праве в анализ оценок *ante/pre legem* позволяет более точно описать сами эти оценки, используя такое свойство *любой* теории, как ее полнота и непротиворечивость, основанные на системности научных знаний.

Итак, некий субъект (например, правоприменитель) в ходе осуществления своей деятельности оценивает определенный КП функционирования социального процесса (например, бытия некоего социума) как позитивно ценный. Таким параметром будет, например, некое поведение. Можно ввести удлиняющее алгоритм уточнение — оценивает *отсутствие* КП (отклонение от параметра) как негативно ценное, т. е. все равно оценивает его *наличие* как позитивно ценное. Говоря коротко, это и есть позитивная *ante legem* оценка КП.

Осознавая (более или менее верно) достижимость КП через побуждение соответствующих субъектов к соответствующему поведению с помощью нормы права (пусть даже как *одного из* факторов, повышающих вероятность совершения этого поведения), субъект (идентифицирующий наличие пробела) дает позитивную *ante legem* оценку наличию такой нормы (т. е. негативную оценку отсутствию *такой* нормы). Вопрос об объективности пробелов в праве трансформируется при этом в вопросы: 1) о масштабности числа субъектов оценок; 2) мере осознания данными субъектами того, насколько реально норма (Н) повышает статистическую вероятность КП, т. е. по сути — реально ли, объективно ли ПН является СИУП, информационно-алгоритмически связанным с КП.

Вместе с тем именно масштабность числа субъектов оценок выражает идею той самой непредписываемой нормативности, которую принято закладывать в основу права, говоря о том, что «при издании очередного нормативного акта правотворец озабочен, в первую очередь, необходимостью урегулировать актуализированные в общественной практике общественные отношения» [12, с. 13], или о том, что право — это «слияние двух потоков нормативности» [3, с. 25]. Соответственно, именно масштабность числа субъектов оценок и можно считать *одной из* составляющих юридической природы оценок *ante legem*.

Говоря о проблеме соотношения субъективизма оценок *ante legem* и их юридической природы, хотелось бы обратить особое внимание на тот факт, что субъективизм в идентификации пробела не столько вносится приведенной моделью теоретической реконструкции, сколько формализуется более явно и более точно, нежели это обычно принято, по крайней мере, в отечественной юридической науке. На само же фактическое присутствие субъективизма в описании пробельности права указывают не только приводимые сложности разграничения «реальных» и «мнимых» пробелов, но и, например, особенности критики В. М. Барано-

вым идеи о том, что в советский период были пробелы в праве в сфере обжалования действий должностных лиц и возмещения государством вреда, причиненного их имуществу преступными деяниями. В частности, В. М. Баранов отмечает, что политический режим того времени *не желал* того, чтобы имело место соответствующее поведение [10, с. 76].

Если, критикуя приведенный довод о юридической природе оценок *ante legem*, изменить аспект аргументации и говорить не о субъективизме в отношении выбора инструментария регулирования, но об объективности предмета (сферы) правового регулирования, на чем обычно и основаны многочисленные суждения об объективности системы права, то весьма уместно привести совершенно правильное высказывание В. М. Баранова: «Нельзя упускать из виду принципиального плана факт — сферу правового регулирования „очерчивает“ государство, и именно ему решать: что и как „внутри“ этой сферы регламентировать» [10, с. 77].

В управленческом контексте точнее было бы сказать так: руководство страны либо не включало определенные параметры функционирования общества в список целей управления, либо включало, но рассматривало в качестве средств изменения управляемых параметров не те, которые мыслятся таковыми со стороны критиков соответствующего периода власти. Именно поэтому необходимо подчеркнуть — УП и СИУП связаны с КП не только и не всегда объективно, но *всегда* субъективно-управленчески. В таком случае пробел в праве — это интерпретация социальной ситуации с позиции того или иного целеполагания, предопределяющего концепцию управления, т. е. и правовое регулирование в том числе. Связь целеполагания с правовым регулированием ярко просматривается в *данном случае* через оценки *ante legem*.

Соответственно, устранение пробела — это перевод оценок *ante legem* (КП, УП, СИУП) в семантический симбиоз (*pre legem* КП + *pre legem* СИУП), являющийся правовой нормой. Но это — предписывающее правовое регулирование. Непредписывающее правовое регулирование здесь будет проявляться через оценки *ante legem* так:

1. Идентификация пробела — это интерпретация социальной ситуации с позиции того или иного целеполагания, когда цель можно формализовать как модальную аксиологическую оценку некоторого положения вещей (формализованного в стандартной субъектно-предикатной форме), т. е. «*M (S есть P)*», что в нашем случае — *ante legem* КП. Исходя

из логики человеческого взаимодействия, субъективно-управленчески устанавливается (как минимум — мыслится) связь между КП и УП, а также УП и СИУП, т. е. мы получаем *ante legem* (КП, УП, СИУП).

2. Преодоление пробела заключается в совмещении интерпретации социальной ситуации *ante legem* (КП, УП, СИУП) с интерпретацией нормы права, которая, будучи деонтической модальностью *M (S есть P)*, рожденной семантическим симбиозом аксиологических оценок, будет выглядеть как *pre legem* КП + *pre legem* СИУП. По сути дела, это расширительное толкование предметов оценок (КПА, КПБ, КПВ, КПГ, СИУП), что *при определенных уточнениях* будет соответствовать так называемой аналогии права или закона, т. е., по сути, сблизиться с «расширительным толкованием» нормы права.

Если учесть тот факт, что оценки лежат в основе любых социальных норм, то предполагаем, что именно подобную ситуацию (совмещение интерпретаций предметов оценок) описывает в несколько иных терминах В. М. Баранов, когда говорит о решении юридического дела «„на стыке“ с нормами морали, обычаями, корпоративными и даже религиозными нормами» [10, с. 78].

При таком подходе особенно заметна связь между оценками *ante legem*, не трансформировавшимися в правовую норму, и «несовершенными субъективными правами» (*imperfect rights*), а также «договорами, лишенными исковой защиты» (*unenforceable contracts*), хотя интерес к данной проблеме присущ скорее зарубежной, нежели отечественной юридической науке. Думается, что в отечественной юридической науке подобная проблема рассматривается как «законный интерес», т. е. оценки *ante legem*, не сложившиеся в семантическом симбиозе в нормы права, могут проявить себя как так называемые законные интересы.

Следует учесть, однако, что проблема законных интересов имеет характерную особенность. С одной стороны, в законодательных текстах (правовом экспоненте) данная формулировка встречается довольно часто. Например, по подсчетам В. В. Субочева, в российских нормативно-правовых актах данный термин встречается более 700 раз [13]. С другой стороны, несмотря на то что проблемы законного интереса привлекали внимание и дореволюционных ученых (Ю. С. Гамбаров, Н. М. Коркунов, А. А. Рождественский, Е. Н. Трубецкой и др.), и ученых советского периода (С. С. Алексеев, Н. В. Витрук, Р. Е. Гукасян, Н. С. Малеин, А. В. Малько,

Г. В. Мальцев, Н. И. Матузов, В. В. Степанян, Н. А. Шайкенов, А. И. Экимов и др.), можно проследить диаметрально противоположные суждения об идентифицирующих признаках законных интересов. Это обстоятельство дает основание некоторым ученым утверждать, что «в основном, исследования законного интереса сводятся к тому, что ничего не ясно, нет никакой определенности, подождем, что скажет законодатель...» [14, с. 28].

3. Учитывая тот факт, что управление — это процесс информационного обмена, а культура — это совокупность всей генетически ненаследуемой информации, то можно говорить о «тиражировании» оценок *ante legem* (КП, УП) в ходе «транспортировки по информационным каналам связи в процессах социальной коммуникации» [2, с. 18—19] и об их общекультурном влиянии на субъектов любой юридической деятельности. В таком случае можно говорить не только об оценках УПВ, но и об оценках УПС, если, конечно, есть соответствующий субъект, осознающий управленческий потенциал воздействия на субъект управления через среду и способный дать такую оценку.

Вместе с тем массовость оценки *ante legem* (КП, УП, СИУП) — это не единственный признак, позволяющий относить данные оценки к правовой сфере. Учитывая тот факт, что кроме регулятивной статической существует также регулятивная динамическая функция права, следует признать, что массовость не является не только достаточным, но также и необходимым условием отнесения *ante legem* (КП, УП, СИУП) к правовой сфере. Это лишь одно из возможных условий такого отнесения.

Как можно заметить, массовость оценки обусловлена повторяемостью (стереотипностью) отношений и стереотипностью преобразований информационных модулей, составляющих информационную базу субъекта (субъекта оценки), моделирующего на этой основе не только свое поведение и поведение субъектов-«контрагентов», но также и поведение иных субъектов, составляющих *социальную среду*, с которой *неизбежно* взаимодействует и он, и субъекты-«контрагенты». Иными словами, управляемые параметры характеризуют не только объект управления и непосредственное управленческое воздействие, но и социальную среду, *по которой также* проходят прямые (от субъекта управления к объекту) и обратные (от объекта управления к субъекту) связи и что обычно должным образом не учитывается в различных теориях управления. Информационный обмен через социальную среду может рассматриваться как косвенное, опосредо-

ванное управленческое воздействие, значимость и эффективность которого часто недооценивается.

Если учесть, что среда, в которой взаимодействуют два субъекта, может оцениваться некой условной третьей стороной как *объект* управления (т. е. формирование определенных качеств этой среды для этого субъекта есть КП + УП), то видно, что эти два субъекта не распознают воздействие на среду как на управленческий процесс. В таком случае определенное состояние среды они могут рассматривать не как результат управленческого воздействия, а, например, как обстоятельства, «сложившиеся сами собой». Иными словами, упомянутые повторяемость (стереотипность) отношений и стереотипность преобразований информационных модулей, составляющих информационную базу субъекта, моделирующего на этой основе не только свое поведение и поведение субъектов-«контрагентов», но и сопряженное поведение субъектов, оказываются *предопределенными* некоторыми обстоятельствами.

Далеко не всегда правильно принимать в качестве допущения идею о том, что эти обстоятельства сложились сами собой, поскольку в реальности обычно подобные обстоятельства являются следствием определенной управленческой деятельности, пусть даже не вполне заметной для многих людей. Следует особо отметить, что незаметность для многих вовсе не тождественна значимости для многих, т. е. некое управляющее воздействие, не идентифицируемое многими как таковое, вполне может оказывать фундаментальное, определяющее влияние на жизнь значительного числа членов общества. В связи с этим можно также вести речь об определенном аспекте массовости, позволяющем включать оценки *ante legem* в правовую сферу. Этот аспект можно, в отличие от ранее рассмотренной массовости, условно считать неосознаваемой массовостью, т. е. оценка *ante legem*, имеющая узкий субъектный состав, может при соответствующих обстоятельствах генерировать поведение, имеющее весьма масштабный социальный эффект, порождающее последствия, которые затрагивают огромные массы людей. По сути, неосознаваемая массовость — это неосознаваемая значимость для масс, т. е. значимость для масс, не осознаваемая этими массами. Однако более подробно данную проблему следует рассматривать через другую разновидность социально-правовых оценок — оценок *praeter legem* («параллельные» праву).

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва: Юрид. лит., 1989. 288 с.

2. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. Москва: Мысль, 1985. 255 с.

3. Липатов Э. Г. Нормативность правовых явлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 1996. 26 с.

4. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. Москва: Юрид. лит., 1974. 140 с.

5. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров, И. Н. Кузнецов [и др.]. Москва: Юрид. лит., 1975. С. 8—74.

6. Глинчикова А. В. Деонтика Эрнста Малли и становление логики норм в середине XX века: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2014. 190 с.

7. Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 698 с.

8. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. 640 с.

9. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008. 624 с.

10. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве: юрид. журн. 2008. № 1. С. 75—79.

11. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие. В 2 т. Т. 2. Москва: Юрид. колледж МГУ, 1995. 362 с.

12. Вепенко Н. Н. Понятие системы права // Вестник ВолГУ. Сер. 5, Юриспруденция. 2009. № 11. С. 11—16.

13. Субочев В. В. Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 501 с.

14. Мызников А. А. Правовые категории «субъективное право» и «законные интересы» в современной теории государства и права // Общество и право. 2006. № 3 (13). С. 28—32.

1. Alekseev S. S. General permissions and general prohibitions in Soviet law. Moscow: Juridical literature; 1989: 288 (in Russian).

2. Plakhov V. D. Social norms. Philosophical foundations of general theory. Moscow: Mysl; 1985: 255 (in Russian).

3. Lipatov E. G. Normative character of legal phenomena. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov: Saratov State Academy of Law; 1996: 26 (in Russian).

4. Lazarev V. V. Gaps in the law and ways to eliminate them. Moscow: Juridical literature; 1974: 140 (in Russian).

5. Bratus S. N., Vengerov A. B. The concept, content and forms of judicial practice. In: Bratus S. N., Vengerov A. B., Kuznetsov I. N. (et al.) Judicial practice in the Soviet legal system. Moscow: Juridical literature; 1975: 8—74 (in Russian).

6. Glinchikova A. V. Deontics of Ernst Malli and the formation of the logic of norms in the mid-twentieth century. Dissertation of the candidate of philosophical sciences. Saint-Petersburg; 2014: 190 (in Russian).

7. Marx K. Draft law on divorce. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955: 698 (in Russian).

8. Marchenko M. N. Theory of state and law. Textbook. 2nd ed., repr. and add. Moscow: Prospect; 2015: 640 (in Russian).

9. Theory of State and law. Textbook. Ed. by V. Ya. Kikot, V. V. Lazarev. 3rd ed., repr. and add. Moscow: FORUM: INFRA-M; 2008: 624 (in Russian).

10. Baranov V. M. "Qualified silence of the legislator" as a general legal phenomenon (on the question of the essence and scope of functioning of gaps in law). Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridical journal, 75—79, 2008 (in Russian).

11. Shershenevich G. F. General theory of law. Textbook. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Juridical college of MSU; 1995: 362 (in Russian).

12. Vopenko N. N. The System of Law Concept. Bulletin of VolSU. Series 5, Jurisprudence, 11—16, 2009 (in Russian).

13. Subochev V. V. Theory of legitimate interests. Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Tambov; 2009: 501 (in Russian).

14. Myznikov A. A. Legal categories "subjective law" and "legitimate interests" in the modern theory of state and law. Society and law, 28—32, 2006 (in Russian).

Попов Виктор Викторович,
доцент кафедры теории и истории
права и государства
Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: lkj5@mail.ru

Popov Victor Victorovich,
associate professor at the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lkj5@mail.ru

* * *

УДК 347.1
ББК 67.404.0
doi:10.25724/VAMVD.TUVW

А. Я. Рыженков

ОБМАН КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья посвящена осмыслению обмана как юридического факта. Делается вывод, что гражданско-правовая норма о недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана, несмотря на кажущуюся строгость, вовсе не означает полной незаконности лжи в гражданско-правовых отношениях. Сам факт, что сделка, совершенная под влиянием обмана, отнесена к категории оспоримых, а не ничтожных, означает, что законодатель вполне допускает сохранение юридической доброкачественности подобной сделки в соответствии с волеизъявлением обманутого лица, иначе говоря, оно может счесть, что такая сделка вполне соответствует его интересам, даже невзирая на факт обмана. В собственно юридическом смысле этическая сторона обмана ничего не прибавляет к тому правовому последствию, которое установлено для такого морально безразличного факта, как совершение сделки под влиянием заблуждения. Из этого, в свою очередь, приходится сделать вывод, что в гражданском праве обман сохраняет свое значение лишь в познавательном-волевом аспекте, а остаточная этическая оценка выражается лишь в том, что такое основание недействительности сделок продолжает существовать в качестве отдельного состава.

Ключевые слова: обман, ложь, сделка, недействительность, заблуждение, мораль.

A. Ja. Ryzhenkov

DECEPTION AS A LEGAL FACT IN PRIVATE LAW: THEORY AND PRACTICE ISSUES

The article is devoted to understanding deception as a legal fact. It is concluded that the civil law norm on the invalidity of transactions made under the influence of deception, despite its apparent severity, does not mean that lies are completely illegitimate in civil law relations. The fact that the transaction made under the influence of fraud, classified as voidable, and not void, means that the legislator admits the conservation law of purity such transactions in accordance with the will of the deceived person, in other words, it may deem that such transaction is consistent with its interests, even in spite of the fact of fraud. In the proper legal sense, the ethical side of deception adds nothing to the legal consequence that is established for such a morally indifferent fact as the Commission of a transaction under the influence of delusion. From this, in turn, we have to conclude that in civil law, deception retains its significance only in the cognitive-volitional aspect, and the residual ethical assessment is expressed only in the fact that such a ground for invalidation of transactions continues to exist as a separate composition.

Key words: deception, lie, transaction, invalidity, delusion, morality.

В соответствии со ст. 179 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота» [1].

Конструкция этой статьи содержит в себе несколько мировоззренческих установок.

Во-первых, как и в большинстве положений российского гражданского законодательства, посвященных сделкам, здесь присутствует своеобразный дух психологизма. Конечно, считается, что гражданско-правовое регулирование, как и правовое регулирование вообще, может затрагивать лишь внешнее поведение субъектов права и не распространяется на их мысли, переживания и другие явления человеческой психики. Это вполне относится, прежде всего, к правовому регулированию,

осуществляемому путем сделок. Однако гражданско-правовое регулирование, осуществляемое органами власти, будь то индивидуальное или нормативное, основано на постоянном обращении к внутреннему миру человека. Так, в рамках института недействительности сделок предполагается, что суд способен определять юридическое качество сделки путем проверки различных психических состояний человека, чтобы на этом основании подтвердить или отменить соответствующие правовые последствия [2, с. 65].

Обман чаще всего рассматривается как намеренное введение в заблуждение: «...при совершении сделки под влиянием обмана воля лица формируется под влиянием неправильных представлений или неведения об элементах сделки. Но если при заблуждении неправильное представление складывается помимо воздействия на него других лиц, то при обмане имеет место умышленное, намеренное создание ложных представлений у участника сделки контрагентом или третьим лицом либо умышленное использование уже создавшегося у контрагента ложного представления для побуждения его к заключению сделки, которую без обмана он бы не совершил. В этом случае порочность сделки заключается в расхождении между действительной волей и волеизъявлением, которое сложилось под влиянием обмана, тогда как характерным для сделки является свободное, добровольное волеизъявление» [3, с. 131].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» содержится характеристика обмана применительно к смежному составу мошенничества и непосредственно к ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ): «2. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» [4].

Следовательно, квалификация какого-либо действия (бездействия) субъекта гражданского пра-

воотношения в качестве обмана не исчерпывается фиксацией его внешней стороны; предполагается проникновение во внутренний мир лица.

Коль скоро обман представляет собой сообщение другому информации, заведомо не соответствующей действительности, то для того, чтобы дать соответствующую квалификацию, правоприменителю необходимо:

— иметь представление о том, каково же «истинное», или подлинное, положение дел (идея, которую Л. И. Петражицкий мог бы охарактеризовать как «наивный реализм»);

— установить, что лицо, сообщившее сведения, было изначально осведомлено об их ложности (с тем, чтобы отличить обман от ошибки);

— установить, что именно обман стал решающим мотивом, побудившим субъекта к совершению сделки.

Во-вторых, идея обмана основывается на строго индивидуалистической модели гражданского права, поскольку субъектом обмана может быть только единоличный, но не коллективный субъект.

Таким образом, практически исключается возможность, при которой обман совершает юридическое лицо (некоторый выход из этой ситуации, впрочем, законодателю удалось изыскать через конструкцию действий «третьих лиц»).

В-третьих, при квалификации обмана не учитывается мотив субъекта, совершающего обман, — правовые последствия наступают вне зависимости от того, с какой целью он совершен.

Наконец, наиболее важное значение имеет характер связи между природой самого факта и предусмотренными законом правовыми последствиями.

Определяя эти последствия, законодатель всегда ориентируется прежде всего на ценностные представления социума, от которых зависит не только само наделение событий и действий общим позитивным или негативным значением, но и конкретный способ реагирования на них.

Так, в отношении общества к феноменам лжи и обмана, очевидно, произошла существенная этическая эволюция, предметом которой стало, прежде всего, не столько понимание сути обмана, сколько мера его допустимости или недопустимости.

Примером абсолютного морального запрета на ложь является, в частности, философская позиция И. Канта, требующего полного отказа от обмана независимо от каких-либо, пусть даже благих целей [5, с. 293].

С юридической точки зрения в теории Канта наиболее важным является тот аспект, что запрет на обман в его понимании никак не обусловлен

наличием или отсутствием причиняемого им ущерба [5, с. 293].

Однако кантовские предельно строгие представления никогда не являлись общепринятыми в культуре, даже на момент их формирования, а в последующем все более начинает распространяться релятивистский подход ко лжи, т. е. признание ее ценностной относительности.

Как отмечает Ю. В. Синеокая, «начиная с последней четверти XX в. в литературе все чаще можно встретить следующее понимание лжи и обмана: обман не является чем-то противным человеческой природе, более того, представляет собой ее неотъемлемую часть. Во многом благодаря лжи стала возможна эволюция человеческого вида. С помощью лжи люди берегут чувства друг друга. Люди, умеющие хорошо врать, гораздо более уравновешенны, чем многие из тех, кто придерживается принципа говорить правду в любой ситуации и всем без исключения. Быть предельно честным даже с самим собой никому не по силам» [6, с. 76].

Многообразие сложившихся к настоящему моменту представлений о ценностном статусе лжи можно свести к следующим трем вариантам:

— ложь как совершенно недопустимое и морально запретное при любых обстоятельствах поведение (что выражается, как правило, в требовании осуждения или наказания лжи и обмана, совершенных в какой бы то ни было форме);

— амбивалентное отношение ко лжи, которая может расцениваться как неприемлемое или как ценностно нейтральное явление в зависимости от условий;

— признание того, что ложь может выступать не только в негативном качестве, но в некоторых случаях быть полезной и даже необходимой (примером чего может служить так называемая родительская ложь, когда сообщение детям ложной информации в воспитательных целях рассматривается как неизбежность) [6, с. 78—80].

Таким образом, от выбора этической позиции зависит характер законодательного решения относительно лжи и обмана с точки зрения их правовой оценки и вызываемых ими юридических последствий.

Действующее российское законодательство не знает полного запрета лжи.

Недопущение лжи закрепляется в сфере права лишь выборочно и скорее косвенным, чем прямым образом — через установление мер юридической ответственности (ст. 14.7 «Обман потребителей» КоАП РФ, ст. 165 «Причинение имущественного

ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» УК РФ и др.).

Даже исследуемая здесь гражданско-правовая норма о недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана, несмотря на кажущуюся строгость, вовсе не означает полной незаконности лжи в гражданско-правовых отношениях.

1. Сама законодательная формулировка «сделка, совершенная под влиянием обмана», допускает двоякое толкование: либо речь идет о том, что само решение о совершении сделки стало результатом обмана, либо возможна ситуация, когда воздействие обмана определяло лишь отдельные аспекты или условия сделки.

Судебная практика отдает явное предпочтение первому варианту интерпретации. Так, в постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 28 декабря 2010 г. по делу № А33-8166/201010 отмечается: «Обман должен затрагивать существенные моменты формирования внутренней воли, такие, при достоверном представлении о которых сделка бы не состоялась»; именно обман выступает «побудительной причиной совершения сделки». В абзаце 3 п. 99 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» особое внимание обращено на то, что «сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана недействительной, только если обстоятельства, относительно которых потерпевший был обманут, находятся в причинной связи с его решением о заключении сделки».

Таким образом, обман, касающийся второстепенных условий, в соответствии с этим толкованием не является достаточным поводом для оспаривания сделки.

2. В пункте 1 ст. 179 не уточняется, кто именно выступает субъектом того обмана, который служит основанием недействительности сделки.

Однако из п. 3 становится ясно, что учитывается, по общему правилу, только обман, исходящий от другой стороны той же сделки или от благополучателя.

Обман со стороны третьего лица влечет аналогичные юридические последствия только в том случае, если о нем знал контрагент или благополучатель: «Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка,

знали или должны были знать об обмане. Считается, в частности, что сторона знала об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником либо содействовало ей в совершении сделки» (п. 3 ст. 179 ГК РФ).

Таким образом, если обман совершен третьим лицом без их ведома, то юридическая сила сделки не страдает.

Возможность обмана со стороны третьего лица, как связанного со стороной по сделке, так и не связанного с ней, предусмотрена в Принципах международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА). Так, в ст. 3.11 «Третьи лица» гл. 3 «Действительность» принципов УНИДРУА указано: «Если обман, угроза, существенное неравновесие или заблуждение стороны вызываются третьим лицом, за которое отвечает другая сторона, или это третье лицо знает об этом, или должно было знать, от договора можно отказаться на тех же условиях, как если бы соответствующее поведение или информация принадлежали самой стороне. Если обман, угроза, существенное неравновесие вызываются третьим лицом, за которое другая сторона не отвечает, от договора можно отказаться, если эта сторона знала или должна была знать об обмане, угрозах или существенном неравновесии или при отказе от договора она не совершала действий, основываясь на договоре» [3, с. 133—134].

3. Сам факт, что сделка, совершенная под влиянием обмана, отнесена к категории оспоримых, а не ничтожных, означает, что законодатель вполне допускает сохранение юридической доброкачественности подобной сделки в соответствии с волеизъявлением обманутого лица, иначе говоря, оно может счесть, что такая сделка вполне соответствует его интересам, даже невзирая на факт обмана.

Собственно, как замечает М. А. Рожкова, оспоримые сделки вообще не совсем корректно относить к разряду недействительных, поскольку «п. 1 ст. 166 ГК РФ разрешает относить к недействительным сделкам только те из оспоримых сделок, которые признаны судом недействительными по специально предъявленному иску. До вынесения судебного решения по такому иску оспоримая сделка является обычной (действительной) сделкой и влечет соответствующие ее природе юридические последствия, а при отсутствии упомянутого иска (и, следовательно, судебного решения) так и продолжит свое дальнейшее существование» [7, с. 18].

Согласно наиболее убедительной модели различие ничтожных и оспоримых сделок примерно соответствует разграничению публичных и част-

ных интересов: «Сделка считается ничтожной, если противоречит публичному (общему) интересу (или „превалирующим ценностям общежития“), и оспоримой, если противоречит защищенному правом частному (индивидуальному) интересу. При ничтожности подлежащий защите публичный интерес превалирует над интересом сторон; при оспоримости же правопорядок охраняет одну сторону по отношению к другой; в этом случае охраняемый интерес лишь в широком смысле является публичным» [8, с. 152—153].

Следовательно, законодатель опирается не на кантовский принцип запрета лжи как таковой, а лишь на представление о ее условной опасности в случае, когда она противоречит интересам добросовестно действующего субъекта: «Сама природа права на защиту призвана защищать нарушенное право или законный интерес, т. е. сделка может быть признана недействительной лишь в случаях, когда в результате ее совершения реально нарушаются охраняемые права и законные интересы. Следовательно, законодатель прав, введя формулу „может быть признана недействительной“» [9, с. 93].

Собственно, по своим правовым последствиям сделка, совершенная под влиянием обмана, аналогична сделке, совершенной под воздействием заблуждения.

Это означает, что законодатель рассматривает обман, как и заблуждение, не в качестве этически осуждаемого деяния, а лишь как фактор, искажающий когнитивную сторону волеизъявления участников гражданского правоотношения.

Таким образом, сообщая другому лицу заведомо ложные сведения, побуждающие его к совершению сделки, субъект гражданского права в каком-то смысле осуществляет два функционально различных деяния: во-первых, он искажает информационную картину, необходимую контрагенту для выработки волеизъявления в собственных интересах; во-вторых, он демонстрирует пренебрежение определенными моральными правилами и ценностями, в частности: «...ложь предстает в качестве примера исключительно инструментального отношения к другому человеку. Она лишает обманываемых возможности осуществлять полноценный выбор на основе применения собственного разума. Обманываемый человек перестает контролировать течение собственной жизни и оказывается лишен свободы, или автономии, служащей основанием его достоинства» [10, с. 62].

По существу, второй аспект в данном случае почти не играет роли или представлен сугубо формальным образом, поскольку в собственно юриди-

ческом смысле этическая сторона обмана ничего не прибавляет к тому правовому последствию, которое установлено для такого морально безразличного факта, как совершение сделки под влиянием заблуждения.

Из этого, в свою очередь, приходится сделать вывод, что в гражданском праве обман сохраняет

свое значение лишь в познавательном-волевом аспекте, а остаточная этическая оценка выражается лишь в том, что такое основание недействительности сделок продолжает существовать в качестве отдельного состава.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Рыженков А. Я. Введение в философию гражданского права. Москва: Юрлитинформ, 2019. 184 с.

3. Пермяков А. В. К вопросу об определении понятия «обман» и его места в механизме гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 2 (12). С. 130—138.

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма / отв. ред. А. В. Гulyга. Москва: Наука, 1980. С. 292—298.

6. Синеокая Ю. В. Право на обман (К вопросу о пользе и вреде лжи в воспитательных практиках) // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 2. С. 70—87.

7. Рожкова М. А. Недействительность дозволенных и недозволенных действий (юридический очерк) // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. Москва: Статут, 2006. С. 7—57.

8. Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. Москва: Статут, 2006. 204 с.

9. Габоев Б. Х. Некоторые особенности деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые // Современное право. 2008. № 6 (1). С. 88—95.

10. Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5. С. 60—90.

1. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ on 30 November 1994. Part one. Collected Legislation of the Russian Federation. 1994; No 32; Art. 3301 (in Russian).

2. Ryzhenkov A. Ya. Introduction to the philosophy of civil law. Moscow: JurLitinform; 2019: 184 (in Russian).

3. Permyakov A. V. On the question of defining the concept of "deception" and its place in the mechanism of civil law regulation. Bulletin of Perm University. Legal sciences, 130—138, 2011 (in Russian).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 on 27 December 2007. "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. No. 2 (in Russian).

5. Kant I. On the imaginary right to lie out of philanthropy. In: Treatises and letters. General ed. A. V. Gulyga. Moscow: Nauka; 1980: 292—298 (in Russian).

6. Sineokaya Yu. V. The right to deception (On the question of the benefits and harms of lying in educational practices). Ethical thought, 70—87, 2015 (in Russian).

7. Rozhkova M. A. Invalidity of permissible and unlawful actions (legal outline). In: Invalidity in civil law: problems, trends, practice. Collection of articles. General ed. M. A. Rozhkov. Moscow: Statut; 2006: 7—57 (in Russian).

8. Tuzov D. O. The nullity and voidability of a legal transaction: pandectoral doctrine and modern law. Moscow: Statut; 2006: 204 (in Russian).

9. Gaboev B. Kh. Some features of dividing invalid transactions into void and voidable. Modern Law, 88—95, 2008 (in Russian).

10. Prokofiev A. V. Kant, deception, use of force... Logos, 60—90, 2008 (in Russian).

Рыженков Анатолий Яковлевич,
профессор кафедры гражданского права
и процесса
Калмыцкого государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: 4077778@list.ru

Ryzhenkov Anatoly Jakovlevich,
professor at the department of civil law
and procedure
of Kalmyk state University,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: 4077778@list.ru

* * *

УДК 343.97
ББК 67.515
doi:10.25724/VAMVD.TVWX

М. А. Бугера, Э. Ж. Чхвимиани, А. А. Антоненко

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ КАРТ И СЧЕТОВ ГРАЖДАН

Сегодня компьютер, мобильный телефон, планшет и иные девайсы являются неотъемлемыми элементами нашей жизни. С их помощью люди оплачивают различные счета, совершают покупки, смотрят кино, посещают музеи и т. д. — все это стало особенно необходимо в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и обусловленного ею локдауна. Однако интернет-активность, наблюдавшаяся в данное время, вызвала всплеск преступности в глобальной сети. Мошенники посредством различных способов (фишинга; спам-рассылок; звонков под предлогом выплат, положенных населению во время самоизоляции, и др.) все чаще стали совершать хищения денег со счетов и банковских карт граждан. Авторами статьи проанализированы статистические данные, отражающие количество мошенничеств и краж, совершенных с использованием мобильных телефонов в последние несколько лет, предложены превентивные меры, в том числе инновационного характера, направленные на предупреждение рассматриваемых преступлений, выявлены ключевые факторы, оказывающие существенное влияние на рост числа преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: хищение денежных средств, сотовые телефоны, инновационные технологии, предупреждение.

М. А. Bugera, E. Zh. Chkhvimiani, A. A. Antonenko

INNOVATIVE TECHNOLOGIES AS A MEANS TO PREVENT STEALING OF MONETARY FUNDS FROM THE CITIZENS' BANK CARDS AND ACCOUNTS

Today a computer, a mobile phone, a tablet PC and other devices are essential elements of our life. Using them people pay various bills, make purchases, watch movies, visit museums, etc. — all of this became especially necessary during the pandemic of coronavirus infection COVID-19 and the resulting lockdown. However, the Internet activity observed at that time caused a surge in crime on the global network. Using different methods (phishing; spam mailings; calls under the pretext of reimbursements due to the public during self-isolation, etc.) fraudsters increasingly began to steal money from the citizens' accounts and bank cards. The authors of the article analyzed statistics demonstrating the number of frauds and thefts committed by means of mobile phones in the past few years. They proposed preventive measures, including innovative ones, aimed to prevent the crimes examined, identified the key factors that have a significant impact on the growth in the number of crimes of the considered category.

Key words: stealing monetary funds, mobile phones, innovative technologies, prevention.

В настоящее время хищения денежных средств с банковских карт и счетов граждан, совершаемые с использованием мобильных телефонов, являются одной из острых проблем не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Активный рост этих преступлений пришелся на 2018—2020 гг., а пик —

на 2020 г. Причинами такой ситуации послужили распространение вируса COVID-19, а также увеличение практически на 70 % безналичных расчетов, чему поспособствовало развитие банковской сферы. На данные обстоятельства на расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2021 г. ука-

зал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «...по преступлениям в сфере информационных технологий: за последние 6 лет их число возросло более чем в 10 раз. Понятно, сами технологии быстро развиваются, мы за ними, к сожалению, не успеваем. Все мы хорошо понимаем при этом, что за развитием электронной торговли, за предоставлением в глобальной сети разного рода услуг, включая финансовые услуги, — за этим, конечно, будущее. Технологии здесь обновляются и меняются стремительно, но и поле для преступлений, для разного рода аферистов, к сожалению, тоже увеличивается» [1]. По данным Центробанка России, в 2020 г. «самый большой объем мошеннических транзакций пришелся на интернет-платежи — 1,2 млрд рублей. <...> Доля операций с использованием социальной инженерии составила 64 %, вырос средний чек похищенных средств с 7,6 тысячи рублей до 8,6 тысячи рублей. На 27 % вырос объем мошеннических переводов с помощью банковских услуг, а сумма транзакций увеличилась с 17,5 тысячи рублей до 30,3 тысячи рублей» [2]. С каждым годом преступные схемы хищений денежных средств, совершаемых с использованием мобильных телефонов, становятся все более изощренными. Злоумышленники умело применяют всю доступную информацию, совершенствуют знания в психологии, вынуждая затем жертву раскрыть свои персональные данные и играя на человеческих слабостях и чувствах.

Сведения о гражданах, находящиеся в базах данных банков, стали объектом пристального внимания мошенников. Хищения персональной информации и учетных записей, кибератаки, CNP-атаки ("card not present fraud") и авторизованные платежи мошенникам ("scam") — насущная проблема современности. Как показывает практика, в 80 % случаев причиной утечек в России были действия сотрудников различных компаний, которые в условиях кризиса пытались на этом заработать. Общее количество хакерских атак в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возросло на три четверти [3]. Приведем пример. В августе 2020 г. стало известно, что в Интернете в свободном доступе находятся персональные данные более 700 тыс. сотрудников ОАО «Российские железные дороги»: фамилии, имена, отчества; даты рождения; адреса; номера СНИЛС; должности; фотографии и номера телефонов. В ходе расследования было установлено, что в июне 2019 г. житель Краснодарского края 1993 года рождения смог получить неправомерный доступ к охраняемой законом информации,

находящейся на внутренних ресурсах организации. После этого он произвел незаконное копирование нескольких сотен тысяч фотографий работников ОАО «Российские железные дороги» и сведений о них и опубликовал все это на одном из интернет-ресурсов, хостинг которого расположен в Германии. В декабре 2019 г. ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 183 («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну») и ч. 1 ст. 272 («Неправомерный доступ к компьютерной информации») Уголовного кодекса Российской Федерации. Обвиняемый, являющийся специалистом в IT-сфере, признал вину в совершении кибератаки. 13 февраля 2020 г. Московское следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации завершило расследование. Дело было передано в суд [4].

Среди мошенников особой популярностью пользуются «сервисы IP-телефонии, позволяющие также без должной идентификации дистанционно подключать абонентские номера из емкости номеров, относящихся к телефонам Москвы и Московской области. Применяя один из протоколов такой связи (SIP-протокол), звонки можно проводить с помощью компьютера, установив специальную программу через сети Wi-Fi или 3G/4G с помощью SIP-программ для планшетов и мобильных телефонов, используя специальный стационарный SIP-телефон, который включается в роутер, либо через обычный телефон, подключив его к VoIP-шлюзу, а сам шлюз — к роутеру» [5, с. 192—196]. Это лишь один из множества способов совершения мошенничества с использованием мобильных телефонов [6].

Для выработки мер предупреждения хищений денежных средств с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием мобильных телефонов, нами была изучена оперативная информация, проанализированы такие преступления, совершенные на территории Волгоградской области в 2020 г. Так, наиболее часто хищения денежных средств со счетов граждан происходили:

- в ПАО «Сбербанк России» — 1 637, ущерб составил 93 049 252 руб.;
- ПАО «ВТБ» — 226, ущерб — 5 821 674 руб.;
- Альфа-Банк — 109, ущерб — 7 111 637 руб.;
- Тинькофф Банк — 95, ущерб — 4 467 131 руб.;
- Хоум Кредит Банк — 61, ущерб составил 5 241 904 руб.;
- Газпромбанк — 56, ущерб — 5 134 689 руб.;
- Промсвязьбанк — 53, ущерб — 3 468 154 руб.;

— Почта Банк — 42, ущерб — 3 757 431 руб.;
— ПАО ФК «Открытие» — 37, ущерб — 2 429 437 руб.;
— Совкомбанк — 35, ущерб — 3 426 233 руб.¹

В числе ключевых факторов, оказывающих существенное влияние на рост числа преступлений рассматриваемой категории, назовем низкий уровень правовой и компьютерной грамотности населения: незнание основ безопасности при пользовании высокотехнологичным оборудованием и информационно-телекоммуникационными сервисами и недостаточную осведомленность об основных способах совершения киберпреступлений и защиты от них. В связи с этим есть основания полагать, что регулярное информирование органами внутренних дел граждан в средствах массовой информации и на официальных интернет-ресурсах о киберпреступлениях и мерах противодействия им позволит повысить уровень компьютерной грамотности и, как следствие, сократит число уголовно наказуемых деяний.

Однако причина кроется не только в неграмотности и доверчивости людей. Иногда даже проинформированные граждане, включая сотрудников правоохранительных органов, попадают на удочку злоумышленников. Так, в апреле 2021 г. неустановленное следствием лицо, позвонив по телефону и представившись сотрудником ПАО «ВТБ», сообщило, что на рассмотрение в банк поступила заявка от потерпевшей на оформление потребительского кредита, которая вызвала у службы безопасности подозрение, при этом мошенник с уверенностью назвал паспортные данные, номера кредитных карт и иные конфиденциальные сведения. После этого в целях недопущения оформления данного кредита потерпевшей было предложено заключить соглашение, которое будет направлено посредством мессенджера WhatsApp, затем обратиться в офис ПАО «ВТБ» для его подписания. Ознакомившись с информацией, потерпевшая начала сомневаться в ее достоверности и позвонила в службу безопасности ПАО «ВТБ», сотрудникам которой рассказала о произошедшем. Они, в свою очередь, сообщили, что никто из служащих банка ей не звонил, заявок на получение кредита от ее имени не поступало. Когда потерпевшей вновь позвонил злоумышленник, она ему сообщила, что он является мошенником. Во время разговора ей стали приходить уведомления, посмотрев их, потерпевшая обнаружила, что неизвестный проник в ее онлайн-кабинет и украл с кредитной карты ПАО «ВТБ» более 100 000 руб. По данному факту проводится проверка. С сожалением приходится констатировать, что таких случаев множество. Часто потерпевшие, у которых

мошенники похитили менее 5 000 руб., не обращаются ни в правоохранительные органы, ни в банки, поскольку считают, что ни первые, ни вторые их проблем не решат.

По нашему мнению, для оптимизации работы по предупреждению хищений денежных средств с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием средств сотовой связи, необходимо реализовать следующий комплекс мер:

1. Разработать алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел при поступлении сообщений, заявлений о преступлениях указанной категории, а также методические рекомендации, где разъяснить порядок проведения следственно-оперативных мероприятий по фактам хищения денежных средств с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием средств сотовой связи, с дальнейшим направлением в территориальные ОВД. Примером может служить приведенный ниже алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел в рамках возбужденного уголовного дела:

1) подготовка запроса от начальника следственного подразделения по возбужденному уголовному делу, заверенного подписью и гербовой печатью;

2) сотрудник уголовного розыска нарочно передает данный запрос в банк, где на втором экземпляре ставится отметка о приеме запроса;

3) полученный запрос сотрудник банка перенаправляет по электронной почте в центр обработки запросов от правоохранительных органов;

4) отправление ответа происходит в течение 1—3 дней по электронной почте или 1—7 дней нарочно в центральный офис, откуда был направлен запрос.

Как положительный пример взаимодействия с ПАО «Сбербанк России» можно отметить раскрытие следующего преступления: 16 июля 2020 г. на территории г. Гуково Ростовской области сотрудниками отдела № 5 УУР ГУ МВД России по Волгоградской области был установлен и задержан гр. Я., который путем обмана и злоупотребления доверием с использованием абонентских номеров <****> под предлогом блокирования несанкционированной операции сотрудниками банка мошенническим путем завладел денежными средствами в сумме 37 000 руб., принадлежащими гр. Е., проживающей по адресу <***>, которые потерпевшая перевела в г. Камышин на банковскую карту ПАО «Сбербанк России» № <***>. По данному факту СО МО МВД России «Камышинский» возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 159 Уголовного кодекса Российской

ской Федерации. В рамках возбужденного уголовного дела был направлен запрос в ПАО «Сбербанк России» по движению денежных средств, установлению анкетных данных конечного получателя и места обналичивания. Анализ ответа, полученного в течение шести дней из ПАО «Сбербанк России», по транзакциям и IP-адресам, используемым при администрировании личного кабинета Сбербанк Онлайн, был установлен указанный фигурант¹.

2. С личным составом территориальных подразделений уголовного розыска, следственных подразделений постоянно проводить специальные занятия по фактам хищений денежных средств с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием средств сотовой связи.

3. Создавать на базе Всероссийского научно-исследовательского института МВД России технологические решения, нацеленные на выявление и предупреждение хищений денег с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием средств сотовой связи. В случае если сделать это не представляется возможным, заключать соответствующие договоры с IT-компаниями. Такими техническими решениями могут стать базы данных, например ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество», к которым должны подключиться все субъекты России. Кроме того, здесь же нужно сказать и о модуле «Антимошенник», призванном блокировать входящие звонки, SMS, MMS с телефонных номеров, сведения о которых содержатся в подсистеме ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество».

Однако, на наш взгляд, инновационных мер в борьбе с хищениями денег с банковских карт и счетов граждан, совершаемых с использованием средств сотовой связи, недостаточно. Полагаем, назрела необходимость и совершенствования правового регулирования. Средством достижения преступных целей является мобильный телефон, но само устройство без SIM-карты бесполезно. Чаще всего злоумышленники используют SIM-карты, оформленные на третьих лиц или вообще на несуществующих граждан. Это происходит из-за недобросовестности некоторых операторов сотовой связи либо дилеров, действующих от их лица. По нашему мнению, следует ужесточить ответственность сотовых компаний на законодательном уровне, а также создать общую базу данных лиц, осужденных за мошенничество и уволенных из организаций за распространение персональных данных граждан. Второе станет сдерживающим фактором: сотрудники компаний будут опасаться лишиться работы и не найти иной по причине подозрения в распространении конфиденциальной информации.

Предложенный нами комплекс мер, направленных на предупреждение хищений денег с банковских карт и счетов, совершаемых с использованием средств сотовой связи, конечно же, можно дополнить. Однако, на наш взгляд, именно эти меры способствуют предупреждению и, как следствие, сокращению числа рассматриваемых преступлений.

Примечание

¹ По данным ГУ МВД России по Волгоградской области.

1. Из выступления В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России в 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 18.04.2021).

2. Евсеева Е. ЦБ: объем мошеннических операций в 2020 году в России вырос на 32 % — до 2,5 млрд рублей. URL: <https://vc.ru/finance/192576-cb-obem-moshennicheskikh-operaciy-v-2020-godu-v-rossii-vyros-na-32-do-2-5-mlrd-rublej> (дата обращения: 18.04.2021).

3. Эксперты оценили объем «утечек» персональных данных в 2020 году. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/01/11/853607-eksperti-otsenili-obem-utechek-personalnih-dannih-v-2020-godu> (дата обращения: 18.04.2021).

4. Громкие случаи утечек персональных данных в России в 2019—2020 гг. URL:

1. From the speech of V. V. Putin at an expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2021. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>. Accessed: 18 April 2021 (in Russian).

2. Evseeva E. Central Bank: the volume of fraudulent transactions in Russia in 2020 increased by 32 % — up to 2,5 billion rubles. Available from: <https://vc.ru/finance/192576-cb-obem-moshennicheskikh-operaciy-v-2020-godu-v-rossii-vyros-na-32-do-2-5-mlrd-rublej>. Accessed: 18 April 2021 (in Russian).

3. Experts have estimated the volume of personal data leaks in 2020. Available from: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/01/11/853607-eksperti-otsenili-obem-utechek-personalnih-dannih-v-2020-godu>. Accessed: 18 April 2021 (in Russian).

<https://ria.ru/20200623/1573379104.html> (дата обращения: 18.04.2021).

5. Костенко Н. С., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Основные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на современном этапе // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 192—196.

6. Катков С. В., Семененко Г. М., Костенко Н. С., Алексеева А. П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123—128.

© Бугера М. А., Чхвимиани Э. Ж.,
Антоненко А. А., 2021

Бугера Михаил Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: ma.bugera@mail.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович,

доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

Антоненко Александр Александрович,

старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД
России

4. High-profile cases of personal data leaks in Russia in 2019-2020. Available from: <https://ria.ru/20200623/1573379104.html>. Accessed: 18 April 2021 (in Russian).

5. Kostenko N. S., Semenenko G. M., Pshe-nichkin A. A. The main problems of disclosing and investigating crimes committed with the use of information and telecommunication technologies at the present stage. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 192—196, 2020 (in Russian).

6. Katkov S. V., Semenenko G. M., Kostenko N. S., Alekseeva A. P. On measures to improve the organization of the work of operational and investigative divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to identify, disclose and investigate the theft of funds using bank cards on the territory of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 123—128, 2020 (in Russian).

© Бугера М. А., Chkhvimiani E. Zh.,
Antonenko A. A., 2021

Bugera Mikhail Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd academy
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: ma.bugera@mail.ru

Chkhvimiani Eduard Zhyulyenovich,

associate professor at the department
of special disciplines
of the Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

Antonenko Alexander Alexandrovich,

senior lecturer at the department
of physical and fire training
of the Volgodonsk branch
of Rostov law institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

* * *

УДК 343.2
ББК 67.408.0
doi:10.25724/VAMVD.TWXY

В. Н. Григорьев, А. Ю. Терехов

ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОЗДАТЕЛЕЙ ТРЕШ-СТРИМОВ

В статье формулируются условия усиления уголовной ответственности создателей треш-стримов. Отмечается, что предметом уголовно-правового запрета в треш-стриме является не техническая форма подачи материала, а преступное событие, которое демонстрируется на неопределенный круг зрителей в режиме реального времени и сопровождается возбуждением низменных мотивов и — вследствие технической возможности обратной связи — интеллектуальным пособничеством, в том числе в виде платы за продолжение этих действий или совершение иных, унижающих честь и достоинство человека, причиняющих вред его здоровью, угрожающих его жизни. Предлагается установить дополнительное отягчающее наказание обстоятельство в виде совершения преступления в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире (треш-стрим), а для отдельных составов преступлений — соответствующий квалифицирующий признак. В целях оперативности решения вопросов уголовного преследования по факту совершения преступления в условиях треш-стрима считаем необходимым перевести уголовные дела о таких преступлениях из частного и частно-публичного обвинения в разряд уголовных дел публичного обвинения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, треш-стрим, общественная опасность, преступное событие, низменные мотивы, отягчающее наказание обстоятельство, квалифицирующий признак состава преступления, дела публичного обвинения.

V. N. Grigoryev, A. Yu. Terekhov

ON STRENGTHENING THE CRIMINAL LIABILITY OF THE CREATORS OF TRASH STREAMS

The article formulates the conditions and possible technological methods for enhancing the criminal liability of the creators of trash streams. It is noted that the subject of a criminal law ban in a trash stream is not a technical form of material presentation, but an increased social danger of a criminal event, which is demonstrated to an indefinite circle of viewers in real time and is additionally accompanied by the initiation of base motives and intellectual complicity. It is proposed to establish an additional aggravating circumstance in the form of committing a crime in the context of a live video demonstration of its event (trash-stream). In addition, to establish an appropriate qualifying feature for certain corpus delicti. For the efficiency of resolving the issues of criminal prosecution on the fact of committing a crime in a trash stream, it is proposed to transfer possible criminal cases about such crimes from private and private-public accusation to the category of criminal cases of public accusation.

Key words: criminal liability, trash stream, public danger, criminal event, base motives, aggravating circumstance, qualifying sign of corpus delicti, public prosecution cases.

В России в условиях относительной стабильности общечеловеческих ценностей (жизнь, здоровье, достоинство человека, свобода, имущественная неприкосновенность) и достаточно совершенной формы деликтного права трудно придумать нормативно-правовые препятствия для наказания виновного в их нарушении. К уголовной ответственности можно привлечь любого преступника

(вора, грабителя, убийцу и т. д.), не являясь исключением и создатели треш-стримов. Никакие новые технически изощренные приемы совершения преступлений не могут здесь помешать: в момент установления уголовно-правовых запретов сведений о таких приемах не было, однако сейчас и в дальнейшем это можно исправить. Проблема состоит не в отсутствии запретов

треш-стрима, а в неумении, а иногда и нежелании правоприменителя в условиях загруженности заниматься дополнительной работой без гарантии позитивной оценки его усилий. В сложившейся ситуации может помочь инициатива, исходящая от гражданского общества, обостренно воспринимающего треш-стримы, ответственность за которые сегодня должна быть установлена как для средств массовой информации, так и для стримеров (административная и уголовная). Выскажем свои суждения о возможностях и путях **усиления уголовной ответственности** создателей треш-стримов.

Треш-стрим — это новое слово и средство подачи материала (прямые трансляции на видеохостингах Twitch, GoodGame и YouTube), но не новое явление. Стримерами называют людей, показывающих в режиме онлайн то, что они делают на своем компьютере. Публика может наблюдать за этим в режиме реального времени, писать в общий чат, прикрепленный к трансляции, и пересылать стримеру деньги [2]. «Так называемые треш-стримы — особый жанр на YouTube: в них ведущий совершает с собой, однако чаще со своими гостями опасные для здоровья или просто унижительные вещи. <...> Reeflay давал гостям пощечины, разбивал об их головы яйца, делал гостю татуировку с именем заплатившего за эту прихоть зрителя» [4]. Подобный жанр был и ранее, задолго до создания Интернета: в драме Сидни Поллака о танцевальном марафоне времен Великой депрессии в США «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (англ. *They Shoot Horses, Don't They?*, 1969) есть фраза «Они сюда приходят посмотреть на тех, кому хуже, чем им. Именно за это они платят!» (по таймеру копии на YouTube [3] — 01:08:01). Она является ключевой как для показанных в фильме событий, по сути, вековой давности, так и для современной реалии, именуемой треш-стрим.

Было бы ошибкой списывать весь негатив треш-стрима исключительно в неприглядную сферу, обиталище гопников [6]. Оценки здесь неоднозначны. Это понятие можно экстраполировать и на телевизионный проект «Дом-2», и на видео драк депутатов в залах парламентов и т. д., т. е. на все то, что не подпадает под наше эстетическое воспитание.

Как отмечается в печати, сегодня «сошлись в клинче» несколько факторов. Последствия коронавирусных ограничений обусловили рост развлекательных сервисов (для получения доступа к ним не нужно выходить из дома). Вслед за глобальной сетью игровая индустрия еще быстрее размывает

грань между участием в интернет-кино, прямым эфиром и игрой. Человеку «стыдно» отставать и не вписываться в новое время — не уметь «стримить» — или участвовать в создании двухсторонней связи между тем, кто ведет прямую трансляцию, и тем, кто ее смотрит [5]. Мы считаем, что не надо придавать современному треш-стриму большее значение, чем иным негативным явлениям, таким как патологическая лживость, завышенная самооценка, безудержное стремление к самообогащению и др. Здесь мы имеем дело с соединением отсутствия адекватного воспитания, уродливой морали, бесконтрольного стремления к обогащению и технического прогресса.

Является ли треш-стрим общественно опасным и должен ли быть запрещен законом? В рассматриваемом явлении имеются и положительные стороны, позволившие ему войти в мировое культурное пространство, и нейтральные с точки зрения закона видеотрансляции, воспроизводящие не самые красивые грани человеческой жизни. Безусловно, есть и то, что заслуживает уголовного наказания: причинение смерти в прямом эфире (ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), склонение к суициду (ст. 110 УК РФ), причинение телесных повреждений (ст. 111—112 УК РФ), нанесение побоев, истязания (ст. 116—117 УК РФ), склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) и т. д. [1] — на борьбу с этим и должны быть направлены все усилия.

Что является предметом уголовно-правового запрета в треш-стриме? Однозначно не техническая форма подачи материала. Полагаем, неразумно устанавливать уголовную ответственность за прямой эфир с места какого-либо события. Она должна наступать за демонстрируемый сюжет: причинение смерти, нанесение побоев, склонение к суициду и т. п. Однако это и так установлено уголовным законом. Но в условиях треш-стрима таким действиям свойственна повышенная общественная опасность: преступное событие демонстрируется на неопределенный круг зрителей в режиме реального времени, сопровождается возбуждением низменных мотивов и — вследствие технической возможности обратной связи — интеллектуальным пособничеством, в том числе путем платы за продолжение этих действий или совершение каких-либо дополнительных, соответственно, и наказание здесь должно быть жестче.

Повышение уголовной ответственности за треш-стрим возможно несколькими способами: введением

в УК РФ отдельного состава; введением квалифицирующего признака в уже существующие составы; введением дополнительногоотягчающего обстоятельства (преступление, совершенное в условиях треш-стрима) в систему отягчающих обстоятельств, установленных в ст. 63 УК РФ. Рассмотрим их подробнее.

Введение отдельного состава, предусматривающего уголовную ответственность за треш-стрим, обосновательно, поскольку сама по себе демонстрация каких-либо действий в прямом эфире не представляет общественной опасности. Можно, конечно, установить ответственность за трансляцию именно общественно опасных деяний, но тогда в этом составе либо придется приводить перечень всех действий, включенных в Особенную часть УК РФ, либо ограничиваться общетеоретической конструкцией, которая для установления конкретного уголовного наказания не приемлема.

Введение квалифицирующего признака в уже существующие составы более целесообразно. Однако его реализация потребует включения такого признака в достаточно обширный, а главное, неограниченный перечень составов, что с точки зрения законодательной техники представляется неоправданным. Хотя следует признать допустимость этого для отдельных, единичных составов, предусмотренных Особенной частью УК РФ (например, убийство, побои, истязание), путем установления более строгого наказания за соответствующее деяние по схеме: «То же деяние, совершенное в условиях видеодемонстрации события преступления в прямом эфире, наказывается...».

Наиболее целесообразно, на наш взгляд, ввести дополнительное отягчающее обстоятельство (преступление, совершенное в условиях треш-стрима) в систему отягчающих обстоятельств, установленных в ст. 63 УК РФ. Для этого указанную статью необходимо дополнить новым пунктом следующего содержания: «Совершение преступления в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире». Учет данного отягчающего обстоятельства при назначении наказания за те или иные совершенные в условиях треш-стрима преступления позволит реально усилить уголовную ответственность. Кроме того, считаем нужным исключить из общего порядка уголовного преследования по факту совершения преступления в условиях треш-стрима: перевести уголовные дела о таких преступлениях из разряда частного (ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) и частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) в разряд

уголовных дел публичного обвинения, которые возбуждаются независимо от заявления потерпевшего или его законного представителя и не подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Для этого необходимо дополнить ч. 4 ст. 20 УПК РФ после слов «законные интересы» словами: «, или если данное преступление совершено в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире». Это позволит правоохранительным органам своевременно подключаться к преследованию любого преступления, совершенного в условиях видеодемонстрации его события, в форме уголовного судопроизводства.

В завершение сделаем несколько выводов:

1. Имея достаточно давнюю историю, треш-стрим в условиях свободного доступа к Интернету обрел большую популярность, в том числе в виде демонстрации в прямом эфире событий с негативной социально-политической и морально-бытовой окраской.

2. Крайние с точки зрения негативности социально-политической и морально-бытовой окраски формы видеодемонстрации событий, связанные с показом жестокости, насилия, унижения, заслуживают отрицательной оценки и дают основания для мер административного и уголовно-правового характера.

3. Видеодемонстрация преступлений, ставших сюжетом для треш-стрима, которые сами по себе влекут уголовную ответственность, на неопределенный круг зрителей и сопровождающихся в связи с этим возбуждением низменных мотивов и интеллектуальным пособничеством, выраженным в том числе платой за продолжение тех же действий или совершение каких-либо дополнительных, обуславливает повышенную общественную опасность преступного события, в связи с чем такие преступления должны влечь за собой более строгое уголовное наказание.

4. По причине повышенной общественной опасности преступления, совершенного в условиях демонстрации его события в прямом эфире, предлагается ужесточить уголовную ответственность за него путем установления дополнительного отягчающего наказания обстоятельства в системе отягчающих обстоятельств, предусмотренных в ст. 63 УК РФ. Для этого дополнить данную статью новым пунктом следующего содержания: «совершение преступления в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире». Кроме того, для отдельных, единичных составов, предусмотренных Особенной частью УК РФ (например, убийство, побои, истязание), представляется

допустимым усиление уголовной ответственности посредством включения в качестве квалифицирующего признака его совершение в условиях треш-стрима и установления более строгого наказания: «То же деяние, совершенное в условиях видеодемонстрации события преступления в прямом эфире, наказывается...».

5. Для оперативности решения вопросов уголовного преследования по факту совершения преступления в условиях треш-стрима предлагается перевести уголовные дела о таких преступ-

лениях из частного (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) в разряд уголовных дел публичного обвинения, которые возбуждаются независимо от заявления потерпевшего или его законного представителя и не подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Для этого считаем нужным дополнить текст ч. 4 ст. 20 УПК РФ после слов «законные интересы» словами «, или если данное преступление совершено в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире».

1. Болотов А. На темной стороне. Рабство, пытки и смерть в прямом эфире — будни российских стримеров. Почему это смотрят миллионы? URL: <https://lenta.ru/articles/2020/12/13/trash/> (дата обращения: 20.03.2021).

2. Бурдыко А. Кто такие стримеры и как рекламироваться с их помощью. URL: <https://www.cossa.ru/trends/129195/> (дата обращения: 20.03.2021).

3. Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли? URL: https://www.youtube.com/watch?v=Hf8u-NpH_Ng (дата обращения: 20.03.2021).

4. Зотова Н., Сазонов Т. Смерть в прямом эфире: что такое треш-стримы и как умерла их участница. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55238100> (дата обращения: 20.03.2021).

5. Емельяненко В. Хлеба и стрима. Как остановить унижения и издевательства в Сети. URL: <https://rg.ru/2021/02/03/kak-ostanovit-unizheniia-i-izdevatelstva-v-seti.html> (дата обращения: 20.03.2021).

6. Рыбакова А. Кто такие гопники и откуда они взялись? URL: <https://www.vgoroden.ru/statyi/kto-takie-gopniki-i-otkuda-oni-vzyalis> (дата обращения: 20.03.2021).

© Григорьев В. Н., Терехов А. Ю., 2021

1. Bolotov A. On the dark side. Slavery, torture and death live are the everyday life of Russian streamers. Why are millions watching? Available from: <https://lenta.ru/articles/2020/12/13/trash/>. Accessed: 20 March 2021 (in Russian).

2. Burdyko A. Who are streamers and how to advertise with their help. Available from: <https://www.cossa.ru/trends/129195/>. Accessed: 20 March 2021 (in Russian).

3. Hunted horses are shot, isn't that so? (1969) drama. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=Hf8u-NpH_Ng. Accessed: 20 March 2021 (in English).

4. Zotova N., Sazonov T. Death on the air: what is trash streams and how their participant died. Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-55238100>. Accessed: 20 March 2021 (in Russian).

5. Emelianenko V. Bread and Stream. How to stop humiliation and bullying on the Web. Available from: <https://rg.ru/2021/02/03/kak-ostanovit-unizheniia-i-izdevatelstva-v-seti.html>. Accessed: 20 March 2021 (in Russian).

6. Rybakova A. Who are the Gopniks and where did they come from? Available from: <https://www.vgoroden.ru/statyi/kto-takie-gopniki-i-otkuda-oni-vzyalis>. Accessed: 20 March 2021 (in Russian).

© Grigoryev V. N., Terekhov A. Yu., 2021

Григорьев Виктор Николаевич,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского института
ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Grigoryev Viktor Nikolaevich,
leading researcher of the Research Institute
of the Federal penitentiary service of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Терехов Алексей Юрьевич,
заместитель начальника
Уфимского юридического института
МВД России
(по научной работе),
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: terekhov.au@gmail.com

Terekhov Alexey Yurevich,
deputy head of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(for scientific work),
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: terekhov.au@gmail.com

* * *

УДК 343.9.01
ББК 67.511
doi:10.25724/VAMVD.TXYZ

Н. Д. Захаров

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ,
ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

В статье рассматриваются негативные явления, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, и оценивается их воздействие на наиболее подверженную риску категорию населения — несовершеннолетних. Среди преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, выделяются своей общественной опасностью, а также потенциально возможной тяжестью последствий для здоровья, нормального нравственного и физического развития данной категории лиц преступления против половой неприкосновенности, получившие название «интернет-педофилия». Под такими действиями принято понимать знакомства с малолетними в сети Интернет, в различных социальных сетях, мессенджерах и других ресурсах обмена сообщениями с целью совершения развратных действий. Автор приходит к выводу о том, что совершение виртуальных развратных действий и незаконный оборот порнографических материалов в сети Интернет являются взаимосвязанными процессами, хотя могут совершаться и по отдельности. На основе изученных показателей уголовно-правовой статистики делается вывод об увеличении количества совершаемых преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также увеличении фактов оборота порнографии. Определяются первоочередные задачи государства, а также предлагается комплекс мер по обеспечению безопасности в сети Интернет особо охраняемой категории населения — несовершеннолетних.

Ключевые слова: информационные технологии, сеть Интернет, несовершеннолетние, состояние половой преступности, половая неприкосновенность, «интернет-педофилия», латентность.

N. D. Zakharov

**CURRENT STATE OF THE CRIME
ENCROACHING ON SEXUAL INVIOABILITY
OF JUVENILES BY USING THE INTERNET**

The author of the article deals with negative phenomena related to development of information and telecommunication technologies as well as assesses their influence on category of the population to be the most vulnerable one, i.e. juveniles. Among the crimes committed against juveniles on the Internet, crimes against sexual inviolability called "Internet pedophilia" are said to be very heinous and extremely dangerous for normal moral and physical development of the health of a minor. Such actions are considered as an acquaintance with juveniles on the Internet, in various social networks, instant messengers and other resources in order to commit sexual abuse / lecherous actions. The author concludes that committing virtual sexual abuse / lecherous actions as well as illegal traffic of pornographic materials on the Internet are said to be interrelated phenomena although they can be carried out separately. On the basis of the examined data of criminal law statistics the author also considers that there is an increase in level of crimes against sexual inviolability as well as a significant increase in number of crimes committed by using information technologies. The author of the article concludes that it is necessary to identify primary tasks of the state as well as to propose a set of measures to ensure security on the Internet for such specially protected category of the population as juveniles.

Key words: information technologies, the Internet, juveniles, state of sex-related crime, sexual inviolability, "Internet pedophilia", latent state.

Современный мир характеризуется широким применением информационных технологий. Мировая компьютеризация достигла невиданных масштабов, а информационные технологии прочно вошли в жизнь общества. Об этом свидетельствуют и статистические данные, согласно которым в 2017 г. аудитория информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет) составляла 3,7 млрд человек, в 2018 г. — 4,021, в 2019 г. — 4,39, а по состоянию на 2020 г. — 4,54 млрд человек. Рост числа новых пользователей от года к году составлял в среднем 7 % (более 300 млн человек ежегодно). Россия повторяет общемировые тренды и ежегодно прибавляет в интернет-аудитории от более чем 100 млн человек в 2017 г. к 118 млн человек в 2020 г., что свидетельствует о 81 %-м уровне доступности сети Интернет для населения в стране [1].

Несмотря на цифровизацию страны, основные обязанности государства перед его гражданами остаются прежними: обеспечение личной безопасности, охрана жизни и здоровья граждан, защита от преступных посягательств. К принципиально новым вызовам можно отнести создание соответствующего правового механизма, позволяющего качественно выполнять поставленные задачи в стремительно развивающейся информационной сфере.

Мобильная связь, сеть Интернет, электронные средства массовой информации, социальные сети, предоставление государственных услуг в электронной форме поэтапно внедрялись в российское общество, что диктовалось необходимостью интеграции страны в глобальное информационное пространство.

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг. [2] устанавливается, что обеспечение национальных интересов при развитии данной сферы осуществляется путем формирования информационного пространства, развития информационной и коммуникационной инфраструктуры, формирования основ для развития социальной сферы, а также путем реализации иных приоритетов.

Вместе с тем достижения науки и техники используются и для осуществления противоправной деятельности, тенденции развития которой свидетельствуют о значительно возросшем уровне криминализации сети Интернет. Необходимо признать при этом, что если осмысление данной проблемы зарубежными авторами происходило уже в начале XXI в. [3], то Россия ощутила на себе весь спектр негативных явлений, связанных с разви-

тием информационных технологий параллельно со стремительным скачком уровня телекоммуникационных технологий, связанным с избранным государством курсом на развитие информационного общества.

На необходимость обеспечения кибербезопасности в своих выступлениях неоднократно указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин: «...это государственная задача, и в ее решении необходимо объединять усилия правоохранительных органов, деловых кругов, общественных организаций и самих граждан... предстоит выработать новые комплексные решения по предупреждению и пресечению правонарушений против граждан в цифровой среде. Такие решения должны повышать эффективность реагирования оперативных служб на подобные угрозы. Для этого важно создать соответствующие правовые условия, обеспечить удобные формы взаимодействия граждан и государственных структур» [4].

Отметим, что преступления, совершаемые с применением информационных технологий, включают в себя не только деяния в сфере компьютерной информации (неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ), а также и совершение преступлений при помощи нетрадиционных орудий и традиционных методов, к которым можно отнести различные преступления против собственности, а также распространение порнографии, в том числе с участием несовершеннолетних, сексуальную эксплуатацию детей, нарушение конституционных прав граждан.

Среди всего спектра преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выделяются деяния, обладающие повышенной степенью общественной опасности, связанные с выделением несовершеннолетних как особой категории лиц, нуждающихся в государственной защите.

Современное состояние развития сети Интернет характеризуется возможностью доступа несовершеннолетних к практически любой информации. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2017 г. 79,8 % населения России в возрасте от 15 до 74 лет использовало сеть Интернет, в 2018 г. — 83,8 %, в 2019 г. — 85,6 %. Число активных абонентов мобильного доступа к сети Интернет на 100 человек населения в 2017 г. составляло 83,6 единицы, в 2018 г. — 89,5, тогда как в 2019 г. — 99,2 единицы [5].

Данные показатели свидетельствуют о высоком уровне проникновения сети Интернет в общество. Вместе с тем 94 % детей в возрасте 15—18 лет выходят в сеть Интернет ежедневно, из них 95,2 % — с целью общения в социальных сетях для поддержания личных контактов [6].

Не вызывает сомнений и уровень использования сети Интернет несовершеннолетними младшей возрастной группы. Представляется, что сегодня получить доступ к сети может любой ребенок, имеющий возможность самостоятельно осуществить запуск любого из мультимедиаустройств — мобильного телефона, планшета и др.

Среди преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, выделяются своей общественной опасностью, а также потенциально возможной тяжестью последствий для здоровья малолетнего его нормального нравственного и физического развития преступления против половой неприкосновенности, получившие название «интернет-педофилия».

О. Ю. Степанова под интернет-педофилией понимает «действия сексуального характера, включающие физический контакт и совершенные несовершеннолетним лицом в отношении ребенка с использованием компьютерных систем и технологий в целях реализации и удовлетворения своих сексуальных фантазий и потребностей» [7, с. 79].

Под такими действиями принято понимать знакомства с малолетними в сети Интернет, в различных социальных сетях, мессенджерах и других ресурсах обмена сообщениями с целью совершения развратных действий. Зачастую эти действия совершаются злоумышленниками под видом сверстников и под предлогом общих интересов, сопряжены с пересылкой изображений и видеозаписей порнографического характера, в том числе с участием несовершеннолетних. Преступник предпринимает попытки войти в доверие к малолетнему с целью дальнейшей встречи и совершения контактных развратных действий. Размах сети Интернет дает возможность преступникам практически беспрепятственно реализовывать свой умысел. Речь также идет о сайтах, ресурсах, форумах, чатах, распространяющих порнографические материалы с участием несовершеннолетних, в том числе за денежное вознаграждение.

Рассмотрим некоторые данные статистики для получения общей картины о количестве пользователей социальных сетей в России.

Социальная сеть с самым широким охватом в России — «ВКонтакте», на втором месте «Одноклассники», на третьем Instagram. Facebook —

крупнейшая социальная сеть в мире, но в России она не пользуется особой популярностью [8].

По данным ООО «ВКонтакте», количество уникальных пользователей из России в марте 2020 г. составило 73,4 млн. Из них 67 млн предпочитают мобильные устройства. 47 % аудитории «рунета» посещает «ВКонтакте» ежедневно, а за месяц охват достигает 74 % [9].

В связи с этим вызывает беспокойство количество несовершеннолетних, использующих социальные сети в совокупности с негативной информацией, циркулирующей в сети. Так, согласно исследованию, проведенному «Лабораторией Касперского», у 54 % детей в возрасте 4—6 лет есть свой смартфон или планшет, а к 11—14 годам этот показатель достигает отметки в 97 %. У 43 % детей младшей школьной группы есть страница в социальных сетях, среди старшеклассников — у 95 %. Около трети детей в возрасте 15—18 лет проводят в сети Интернет почти все свободное время. До 72 % интернет-активности российских детей приходится на общение с друзьями в социальных сетях, мессенджерах и чатах, причем половина родителей, чьи дети принадлежат к возрастной группе 7—10 лет, не контролирует, чем те занимаются в сети, какие ресурсы посещают, а по мере взросления детей контроль со стороны взрослых только уменьшается. Опасения также вызывают следующие цифры: больше 50 % школьников получают приглашения «дружить» в социальных сетях от незнакомых людей, а по версии детей, угрозами, с которыми они сталкиваются в сети, являются: материалы «для взрослых» — 27 %, странные сообщения взрослых в их адрес — 12 % [10].

Использование сети Интернет позволяет мгновенно передавать порнографические материалы в любую точку мира, невзирая на границы государств, при этом облегчается как процесс создания порнографических материалов, так и их копирования, сбора и дальнейшего распространения. Совершение виртуальных развратных действий и незаконный оборот порнографических материалов в сети Интернет являются взаимосвязанными процессами, хотя могут совершаться и по отдельности.

Социальные сети и различные интернет-ресурсы содержат большое количество запрещенного контента¹, тематических групп и сообществ, создаваемых «единомышленниками», в которых пропагандируется тема сексуальной эксплуатации детей и распространяются ссылки на тематические сайты. Помимо порнографических материалов, находящихся в свободном доступе, существуют также

и коммерческие ресурсы, осуществляющие продажу таких материалов.

Как отмечает Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, «данные криминальной статистики свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях преступности в отношении несовершеннолетних, но в последние годы становится очевидной еще одна немаловажная составляющая детского неблагополучия — противоправные действия в отношении детей и подростков в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [11, с. 5].

Состояние преступности является собирательной, обобщенной характеристикой, отражающей в совокупности характер преступности, ее уровень, структуру и динамику [12].

Структура преступности определяется соотношением видов (групп) преступлений, классифицируемых по уголовно-правовым либо криминологическим основаниям.

Динамика преступности — показатель, отражающий изменение уровня и структуры преступности в течение определенного периода. Для оценки показателей преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних рассмотрим данные статистической отчетности.

Представляется, что знание структуры и динамики половых преступлений в сети Интернет позволит руководителям оперативных подразделений грамотно распределять силы и средства по раскрытию рассматриваемой группы преступлений.

Показатели преступности влияют на определение количества и дальнейшее закрепление сотрудников по обслуживаемым линиям работы, формирование и расстановку негласного аппарата.

Анализ данных ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» (далее — ГИАЦ МВД России) показал, что до настоящего времени не предусмотрено соответствующей формы статистической отчетности, позволяющей определить уровень преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет. Вместе с тем сформировать представление о количественных показателях рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, возможно исходя из совокупности различных показателей: количество преступлений против половой свободы и неприкосновенности в общем и в отношении несовершеннолетних в частности, а также о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Изучение статистических данных ГИАЦ МВД России свидетельствует о росте как общего количества преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (сексуальных преступлений), так и преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Из нижеприведенных данных за 2017 г. зарегистрировано 18 тыс., за 2018 г. — 18,7 тыс., 2019 г. — 19,5 тыс., 2020 г. — 20,8 тыс. сексуальных преступлений рассматриваемых категорий, а прирост за это время составил 2,8 тыс. преступлений (табл. 1) [13].

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы в России (2017—2020 гг.)

Статья Уголовного кодекса Российской Федерации	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
131	3 538	3 374	3 177	3 535
132	6 674	6 914	7 129	7 433
133	156	176	279	236
134	4 988	4 974	4 996	5 319
135	1 498	1 810	2 036	2 192
242	558	725	972	1 372
242.1	508	548	704	545
242.2	101	195	240	182
<i>Всего</i>	18 021	18 716	19 533	20 814

Количество сексуальных преступлений не снижается, однако их «исконные» компоненты — изнасилования и насильственные действия сексуального характера — утрачивают свое преобладающее значение [14, с. 51]. Это объясняется увеличением количества половых преступлений ненасильственного характера, которые предусмотрены ст. 134 и 135 Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Из общего массива преступлений против половой свободы и неприкосновенности выделяется категория подобных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. По данным ГИАЦ МВД России, рост числа вышеуказанных преступлений с 2017 г. к 2020 г. составил 17,3 %, что подтверждается следующими количественными показателями (рис. 1) [15].

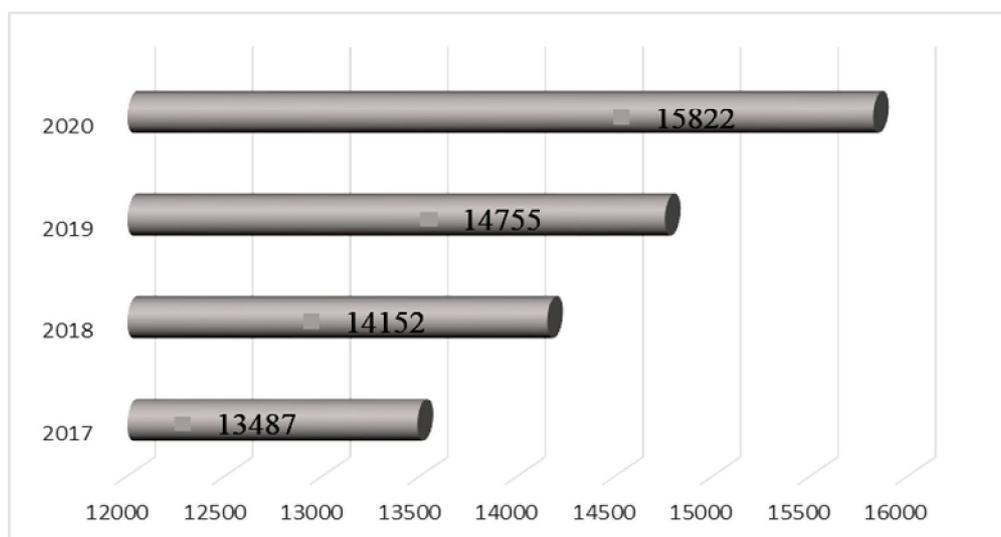

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, зарегистрированных на территории России (2017—2020 гг.)

Необходимо отметить, что данную негативную тенденцию в разные периоды неоднократно отмечали должностные лица и надзорные ведомства, связывая это как с активизацией работы правоохранительных органов в данном направлении, так и с развитием информационных технологий [16; 17].

Отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, не отражает объективную картину ввиду фрагментарности содержащейся в ней информации. Так, деяния, не входящие в перечень преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, отражаются в строке как «иные преступления». Их количество и удельный вес при этом постоянно повышаются. В отчете не регистрируются преступления, совершаемые дистанционным способом, при которых контакт между субъектом преступления и потерпевшим осуществляется посредством общения в онлайн-мессенджерах, социальных сетях, интернет-ресурсах. Таким образом, в данной форме отчетности отсутствуют сведения о коли-

честве зарегистрированных преступлений по ст. 132, 133, 135 УК РФ, хотя возможность их совершения с использованием информационных технологий не вызывает сомнений. Вместе с тем показатели по ст. 242—242.2 УК РФ в данном отчете формируются.

Необходимо также отметить, что сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, регистрируются сводным отчетом по России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений», который также не учитывает количество зарегистрированных преступлений по ст. 132, 133, 135 УК РФ.

Согласно сведениям ГИАЦ МВД России о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации за период времени с 2017 по 2020 г., наметилась тенденция к высокому приросту «компьютерных преступлений», учитывая, что уровень их раскрываемости в среднем не превышает 20 % (рис. 2) [18].

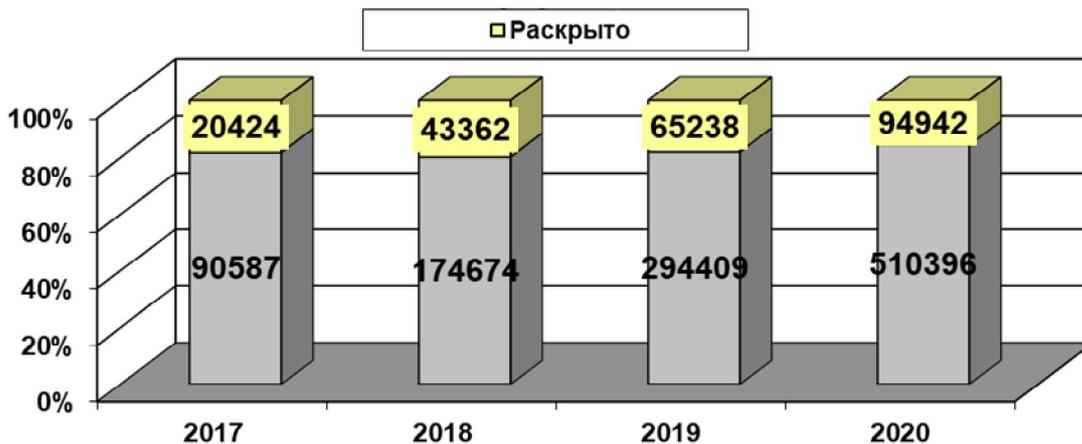

Рис. 2. Количество зарегистрированных и раскрытых преступлений, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации

Увеличение количества преступных посягательств против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет отмечают специалисты ФГКУ «ВНИИ МВД России»: «Представляется, что усиливающаяся виртуализация социальной жизни детей и подростков предопределяет дальнейший рост преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних, что продолжит негативную тенденцию последних лет» [19, с. 31].

Невзирая на указанные недостатки статистической отчетности, очевидной представляется динамика роста количества зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данное обстоятельство обуславливается такими факторами, как:

- причины и условия преступности, демографическая структура населения и другие социальные процессы и явления, влияющие на преступность;

- изменения законодательства в части, касающейся защиты несовершеннолетних от половых преступлений, а также их защиты от противоправной информации в сети Интернет, не всегда позволяющие правоприменителю эффективно использовать весь комплекс имеющихся возможностей.

Следует отметить, что данные уголовно-правовой статистики о половых преступлениях рассматриваемой направленности не в полной мере отражают реальную картину по причине их латентности. Латентная преступность представляет собой криминологическое явление, образованное скрытой частью преступности и отражающее ее характеристики. В юридической литературе

латентную преступность определяют как незарегистрированную часть фактической преступности [20, с. 21].

Как отмечает Ю. М. Антонян, высокая латентность сексуальных преступлений объясняется, прежде всего, тем, что они связаны с весьма интимными отношениями и переживаниями [21, с. 47]. О высокой степени латентности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних свидетельствует большое количество криминологических исследований многих авторов [22, с. 179, 185; 23].

Современной тенденцией преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних является увеличение числа ненасильственных преступлений сексуального характера, совершенных с использованием сети Интернет, к которым относятся развратные действия и незаконный оборот порнографических материалов, в том числе с изображениями несовершеннолетних. Представляется, что данное обстоятельство в значительной мере увеличивает и без того высокий уровень латентности рассматриваемых преступлений. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, сексуальные преступления характеризуются высокой степенью латентности, что обусловлено спецификой сферы деяний — интимной стороной жизни.

Во-вторых, совершение преступлений в отношении несовершеннолетних характерно тем, что дети не всегда сообщают о произошедшем из-за страха перед родителями, из-за шантажа преступника, единожды получившего интимную фотографию малолетнего и манипулирующего им в дальнейшем, или по другим причинам.

В-третьих, зачастую родители малолетних потерпевших, в случае если им стало известно о подобных фактах, опасаясь психологического травмирования ребенка, связанного с посещением правоохранительных органов и вынужденным напоминанием о произошедшем, возможной травлей в школе сверстниками, а также беспокоясь о репутации семьи, не заявляют о совершенных преступлениях в правоохранительные органы. Иными словами — традиционность российского общества играет свою роль. Это также может быть связано с распространенным мнением о неопасности подобных действий в виртуальной среде, что объясняется невысоким уровнем правосознания населения.

В-четвертых, преступления, совершенные в сети Интернет, обладают целым рядом специфических признаков, затрудняющих их выявление и регистрацию. Лица, обладающие специальными навыками и знаниями в сфере информационных и сетевых технологий, применяют их с целью сокрытия следов преступлений, затрудняя процесс установления личности преступника, что позволяет совершать новые тождественные преступления на протяжении длительного периода. Кроме того, отсутствие границ в сети Интернет позволяет совершать преступления в отношении жителей различных стран, что также существенно затрудняет учет и регистрацию подобных фактов.

Помимо вышеперечисленных причин латентности данное явление объясняется и причинами, связанными с несовершенством правоохранительной деятельности. К ним можно отнести сокрытие сотрудниками правоохранительных органов ставших им известных фактов совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет с целью улучшения показателей статистической отчетности; низкий уровень компьютерной грамот-

ности оперативных сотрудников полиции, затрудняющий планирование и проведение оперативно-технических мероприятий; отсутствие современных технических комплексов, позволяющих выявлять преступные деяния с учетом возможностей информационных технологий. В то же время необходимо осознавать тот факт, что киберпреступники систематически совершенствуют способы совершения и сокрытия преступлений, по сути находясь на шаг впереди правоохранителей.

Отмеченный выше высокий уровень доступности сети Интернет для населения в стране не сказался на уровне цифровой грамотности населения. Указанные обстоятельства значительно затрудняют процесс первоначального документирования минимально необходимых электронных данных (параметры входа в сеть, учетные данные, лог-файлы).

К негативным последствиям высокой латентности рассматриваемых преступлений также необходимо отнести возможность трансформации преступлений в категорию более тяжких. Так, вовремя не выявленные виртуальные развратные действия, факты распространения порнографии в дальнейшем могут привести к формированию у преступника ложного чувства безнаказанности и совершения им в дальнейшем уже изнасилования и (или) насильственных действий сексуального характера.

Большая распространенность половых преступлений в отношении несовершеннолетних отражается и на практике назначения наказания за них. Изучение статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает невысокий, но устойчивый рост числа осужденных по ст. 132, 135, 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, что соответствует аналогичному повышению показателей количества зарегистрированных преступлений данной категории, рассмотренных выше (табл. 2) [24].

Таблица 2

Число осужденных по России по конкретным составам преступлений

Год	Статья УК РФ					
	132 ч. 4	133	135	242	242.1	242.2
2017	1 189	46	402	215	197	13
2018	1 195	32	464	243	209	12
2019	1 266	30	528	245	186	20

Количество зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних превосходит число лиц, за них осужденных, более чем в 2,5 раза, что может объясняться различными причинами, к которым, по нашему мнению, следует отнести:

— серийный характер совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет и следующая за этим многоэпизодность уголовных дел, объясняющаяся, в первую очередь, возможностями неограниченного общения в социальных сетях, а также технической простотой ведения одновременного общения с большим количеством пользователей;

— невысокая раскрываемость рассматриваемых деяний правоохранительными органами, объясняющаяся как объективными техническими сложностями при установлении личности и местонахождения преступника в сети Интернет, так и невысоким уровнем компьютерной грамотности сотрудников правоохранительных органов, а также недостаточным уровнем материально-технического обеспечения, в первую очередь оперативно-разыскной деятельности;

— организационно-штатное построение оперативных подразделений, в котором в настоящее время не предусмотрены соответствующие отделы (отделения), специализирующиеся на выявлении и раскрытии рассматриваемых преступлений, что, по нашему мнению, необходимо учитывать, имея в виду регистрируемое увеличение количества случаев интернет-педофилии.

Таким образом, оценка состояния сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних свидетельствует об увеличении количества таких посягательств, совершаемых в совокупности с оборотом порнографии, учитывая при этом их уровень латентности. В связи этим первоочередной задачей государства по обеспечению безопасности особо охраняемой категории населения — несо-

вершеннолетних — представляется принятие комплекса мер по разрешению сложившейся ситуации, к которым можно отнести ужесточение уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в том числе путем установления дополнительного квалифицирующего признака — совершения развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Учитывая определенную специфику, связанную с совершением преступлений в отношении малолетних, а также применяемые при этом технические средства по обеспечению анонимности в сети Интернет, и их трансграничным характером, правоохранительным органам необходимо своевременно реагировать на изменение оперативной обстановки в рассматриваемой сфере. Помимо разработки организационно-тактических мер, применяемых оперативными подразделениями при выявлении указанных преступлений, необходимо закрепление на законодательном уровне мер опережающего правового регулирования информационного пространства в совокупности с применением профилактических мер. Это может быть выражено в совершенствовании механизма ограничения распространения информации в телекоммуникационных сетях, установлении дифференцированной ответственности как для самих пользователей, размещающих противоправный контент, так и для организаторов распространения информации, а также владельцев социальных сетей. Существенную роль в регулировании функционирования сетей связи также может сыграть правовой механизм, обеспечивающий технические ограничения доступа к запрещенным ресурсам, позволяющий универсально его применять к однородным техническим процессам и решениям, не требуя при этом постоянных изменений в федеральном законодательстве.

Примечание

¹ Контент (от англ. «content» — содержание) — это абсолютно любое информационно значимое либо содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта.

1. Вся статистика интернета на 2020 год — в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 27.02.2021).

2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента Российской Феде-

1. All Internet statistics for 2020 time period — both in the World and in Russia. Available from: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2020-god-v-mire-i-v-rossii/>. Accessed: 27 February 2021 (in Russian).

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 on 9 May 2017. "On Strategy of devel-

рации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

3. Metchik E. A typology of crime on the Internet // *Security Journal*. 1997. Vol. 9, No. 1—3. P. 27—31.

4. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности 6 июля 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 12.12.2020).

5. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник — 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 28.02.2021).

6. Федеральная служба государственной статистики. Распределение детей в возрасте от 15 до 18 лет по частоте и целям использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRhWmal4/2-7.xls> (дата обращения: 28.02.2021).

7. Степанова О. Ю. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 2 (66). С. 78—83.

8. Пользователи соцсетей в России: статистика и портреты аудитории. URL: https://vk.com/@cerebro_vk-polzovateli-socsetei-v-rossii-statistika-i-portrety-auditori (дата обращения: 28.02.2021).

9. ВКонтакте: Новости для прессы. URL: <https://vk.com/press/q1-2020-results> (дата обращения: 01.12.2020).

10. Исследование «Взрослые и дети в цифровом мире: когда онлайн встречается с офлайн». URL: https://kids.kaspersky.ru/wp-content/uploads/sites/2/2019/04/190402_Children_Russia_Report_Practics-1.pdf (дата обращения: 08.12.2020).

11. Бастрыкин А. И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 1. С. 5—12.

12. Криминология: учеб. пособие / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2016.

13. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности за январь — декабрь 2017, 2018, 2019, 2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.04.2021).

14. Андреева М. А., Архипова М. В., Редькина Е. А. Уголовно-правовая и криминологическая

опмент of information society in the Russian Federation for 2017—2030 time period". Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017; No. 20; Art. 2901 (in Russian).

3. Metchik E. A Typology of crime on the Internet. *Security Journal*, 27—31, 1997 (in English).

4. Vladimir Putin made a report at the plenary session of the International cyber security congress dated 6 July 2018. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957>. Accessed: 12 December 2020 (in Russian).

5. Federal State Statistics Service. Russian statistical annual for 2019. Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>. Accessed: 28 February 2021 (in Russian).

6. Federal State Statistics Service. Distribution of Children at the Age of 15 up to 18 years according to Frequency and Purpose of Using Internet Information and Telecommunications. Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRhWmal4/2-7.xls>. Accessed: 28 February 2021 (in Russian).

7. Stepanova O. Yu. Problems of prosecution for pedophilia in social networks. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Interior Ministry of Russia*, 78—83, 2015 (in Russian).

8. Users of social networks in Russia: statistics and users portraits. Available from: https://vk.com/@cerebro_vk-polzovateli-socsetei-v-rossii-statistika-i-portrety-auditori. Accessed: 28 February 2021 (in Russian).

9. VKontakte: News for the press. Available from: <https://vk.com/press/q1-2020-results>. Accessed: 1 December 2020 (in Russian).

10. Research "Adults and children in the digital world: When online meets offline". Available from: https://kids.kaspersky.ru/wp-content/uploads/sites/2/2019/04/190402_Children_Russia_Report_Practics-1.pdf. Accessed: 8 December 2020 (in Russian).

11. Bastykin A. I. Crimes against juveniles on the Internet: on Issue of victimological prevention and criminal-legal assessment. *All-Russian criminological journal*, 5—12, 2017 (in Russian).

12. Criminology. Textbook. Ed. by V. N. Burlakov, N. M. Kropachev. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter; 2016 (in Russian).

13. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics and analytics. Information about the crimes in Russia for January — December 2017, 2018, 2019, 2020 time period. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics>. Accessed: 16 April 2021 (in Russian).

14. Andreyeva M. A., Arkhipova M. V., Redkina Ye. A. Criminal-legal and criminological character

характеристика половых преступлений. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011.

15. Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие по России (форма 455, кн. 11) за январь — декабрь 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. Доступ из системы информ.-аналит. обеспечения деятельности МВД РФ (ИСОД МВД).

16. Астахов: в РФ за пять лет число преступлений в сфере детской порнографии выросло в 4,5 раза. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1640218> (дата обращения: 28.01.2021).

17. Насильственный рост: увеличилось число секс-преступлений против детей. URL: <https://iz.ru/976261/anna-ivushkina/nasilstvennyi-rost-velichilos-chislo-seks-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 28.01.2021).

18. Отчет о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (форма 1-ВТ) за январь — декабрь 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. Доступ из системы информ.-аналит. обеспечения деятельности МВД РФ (ИСОД МВД).

19. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. Москва: ВНИИ МВД России, 2018.

20. Иншаков С. М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. Москва: ЮНИТИ—ДАНА, 2011.

21. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шестакович Б. В. Криминальная сексология / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва: Спарк, 1999.

22. Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018.

23. Детинина Ю. А. Латентность в преступлениях против несовершеннолетних // Политика, государство и право. 2015. № 1. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/01/2242> (дата обращения: 29.03.2021).

24. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.04.2021).

istics of sex crimes. Irkutsk: BSUEP Publishing house; 2011 (in Russian).

15. Information about crimes where there are victims in Russia (form 455, Book 11) for January — December 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 time period. Available from: System of Information and Analytical Activity Insurance of the Interior Ministry of the Russian Federation (in Russian).

16. Astakhov: in the Russian Federation the number of crimes related to childish pornography has grown in 4,5 times for five years. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/1640218>. Accessed: 28 January 2021 (in Russian).

17. Violent growth: number of sex crimes against children has increased. Available from: <https://iz.ru/976261/anna-ivushkina/nasilstvennyi-rost-velichilos-chislo-seks-prestuplenii-protiv-detei>. Accessed: 28 January 2021 (in Russian).

18. Report on crimes committed in the sphere of telecommunications and computer information (form 1-BT) for January — December 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 time period. Available from: System of Information and Analytical Activity Insurance of the Interior Ministry of the Russian Federation (in Russian).

19. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V. (et al.) Comprehensive analysis of the crime situation in the Russian Federation and calculation options for its development. Analytical review. Moscow: Federal State Public Establishment "All-Russian Research Institute of the Interior Ministry of Russia"; 2018 (in Russian).

20. Inshakov S. M. Theoretical fundamentals of research and analysis of latent crime. Moscow: UNITY — DANA; 2011 (in Russian).

21. Antonyan Yu. M., Tkachenko A. A., Shestakovich B. V. Criminal sexology. Ed. by Yu. M. Antonyan. Moscow: Spark; 1999 (in Russian).

22. Stepanova O. Yu. Criminal liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of juveniles: improving legislative regulation and law enforcement. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint-Petersburg; 2018 (in Russian).

23. Detinina Yu. A. Latent State in Crimes against Juveniles. Politics, State and Law, 2015. Available from: <https://politika.snauka.ru/2015/01/2242>. Accessed: 29 March 2021 (in Russian).

24. Data on judicial statistics of the judicial department at the supreme court of the Russian Federation. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. Accessed: 6 April 2021 (in Russian).

Захаров Николай Дмитриевич,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: ratinho@bk.ru

Zakharov Nikolay Dmitrievich,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: ratinho@bk.ru

* * *

УДК 343.9.018
ББК 67.511
doi:10.25724/VAMVD.UABC

А. С. Ильницкий

КРИМИНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлены методологические основы и частная криминологическая методика исследования криминальной идеологии в сети Интернет. Определяется совокупность традиционных методов познания, адаптированных для решения специфических задач изучения криминогенных процессов в сети Интернет. Рассмотрены методы социального компьютеринга, позволяющие изучать феномен криминальной идеологии в сети Интернет, определять ее закономерности и тенденции развития в онлайн-пространстве, масштабы и последствия распространения.

Разработана частная криминологическая методика исследования криминальной идеологии в сети Интернет, в основу которой положены традиционные методы исследования и методы социального компьютеринга. Раскрываются возможности применения методов наблюдения, опроса и контент-анализа для получения важной криминологической информации о феномене криминальной идеологии в сети Интернет. Предлагается алгоритм применения методов социального компьютеринга, определяются наиболее эффективные инструменты получения информации о криминальной идеологии в онлайн-пространстве и программные продукты интеллектуального анализа информационных потоков, связанных с изучаемым феноменом.

Ключевые слова: методы исследования, методика исследования, криминальная идеология, криминологические исследования, социальный компьютеринг, интеллектуальный анализ данных, онлайн-пространство, Колумбайн, А. У. Е.

A. S. Ilnitsky

CRIMINAL IDEOLOGY IN NETWORK: METHODOLOGY AND TECHNIQUE OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

The article presents the methodological fundamentals and private criminological methods of researching criminal ideology in network. The set of traditional methods of cognition, adapted for solving specific problems of studying criminogenic processes in network, is determined. Methods of social computing are considered, which permit to study the phenomenon of criminal ideology in network, to determine its patterns and development trends in online network, dimensions, and consequences of its dissemination.

A private criminological methodology for researching criminal ideology in network has been developed, which is based on traditional research methods and methods of social computing. The possibilities of using the methods of supervision, interview, and content analysis to obtain important criminological information about the phenomenon of criminal ideology in network are revealed. An algorithm for the application of social computing methods is proposed, the most effective tools for obtaining information about criminal ideology in the online network and software products for the intellectual analysis of information associated with the mentioned phenomenon are determined.

Key words: research methods, research methodology, criminal ideology, criminological research, social computing, data mining, online environment, Columbine, A. U. E.

Современное состояние отечественной криминологии, по мнению ряда авторов, представляется критическим и противоречивым [1—3]. Среди множества причин такого явления специалисты указывают на проблемы методологии криминологических

исследований в условиях информационно-технических преобразований.

В криминологической науке не единожды уделялось внимание рискам и угрозам, возникающим в связи с динамичными технологическими и циф-

ровыми преобразованиями [4, с. 10]. Отмечалась важность осмысления перспектив грядущей реформации общественных отношений и формирования нового мировоззрения, необходимость создания методологических основ для ответов на сложные вызовы в условиях новой цифровой реальности [5, с. 86]. Указывалась потребность переосмысления методологии исследований в связи с влиянием эпохи постмодернизма на криминологическую материю [6, с. 179]. Определялась необходимость внесения ясности, достоверности и практической проверяемости сделанных исследователями выводов и выработанных рекомендаций [7, с. 125].

В то же время специалистами не было определено методологического инструментария для познания явлений и процессов, происходящих в виртуальном пространстве, которые требуют криминологической оценки и обоснования, исключение разве что могут составить исследования В. С. Соловьева [8].

Одним из таких феноменов является использование информационных технологий для оказания криминально-идеологического воздействия на сознание и поведение индивидов. Криминально-идеологические концепции и ценностные установки, транслируемые в сети Интернет, стали более универсальными и мобильными, увеличилась их сила давления на правовые, философские, религиозные, политические и культурные формы общественного сознания [9, с. 50].

В связи с этим возникают сомнения в возможности применения имеющегося в криминологии методологического аппарата для оценки представленных угроз, вызванных цифровыми преобразованиями. Отсутствие методологической базы, позволяющей изучать криминальную идеологию в онлайн-пространстве, влечет недостаток криминологической информации о таком феномене, что не обеспечивает эффективного научного сопровождения правоохранительной практики противодействия криминальной идеологии в сети Интернет. Таким образом, представляется необходимой выработка методологических основ познания криминальной идеологии в виртуальном пространстве.

Методологию исследования криминальной идеологии в сети Интернет, помимо имеющихся в криминологической науке приемов и способов познания, формируют три основные группы методов [10, с. 14]:

— традиционные социологические, психологические и социально-антропологические методы, частично адаптированные для специфических задач исследования процессов в сети Интернет;

— автоматизированные методы и инструменты анализа;

— методы агрегирования разрозненной информации DataMining.

Одним из наиболее эффективных методов познания криминальной идеологии в сети Интернет выступает метод **наблюдения**. Достижение более эффективного результата в получении криминологической информации о преступной идеологии в сети Интернет возможно при ротации *включенного наблюдения* и *пассивного наблюдения*. Целесообразность включенного наблюдения обуславливается возможностью внедрения в окружающую виртуальную среду интересующих сообществ с целью получения информации о криминально-идеологических концепциях. Пассивное наблюдение обусловлено необходимостью наблюдения со стороны за активностью пользователей и распространяющимся информационным контентом, не влияя присутствием на их поведение. Ротация видов наблюдения в исследовании представленного явления обусловлена тем, что некоторые сетевые ресурсы нередко формируются по схеме «свой — свой». В таком случае «чужак», который не знает правил общения, терминологии (киберсленг), часто распознается и блокируется администрацией информационного ресурса, что не позволяет получить необходимую криминологическую информацию.

Не менее важный метод, применяемый для исследования криминальной идеологии в сети Интернет, — **контент-анализ**. Он представляет собой качественно-количественный анализ текстов и информационных массивов, целью которого является выявление или измерение социальных фактов и тенденций, отраженных этими носителями информации [11, с. 62].

Указанный метод позволяет толковать контент, размещенный в сети Интернет и мессенджерах, а также выявлять на основе криминологических знаний социальные факты и тенденции проявления криминальной идеологии в виртуальном пространстве, систематизировать основные элементы рассматриваемого феномена, определять общественно опасные деяния, обусловленные данной идеологией.

В исследовании криминальной идеологии в сети Интернет невозможно обойтись без устоявшегося в криминологической науке метода — опроса. **Опрос** — это метод сбора информации об изучаемом объекте в ходе непосредственного (интервью) или опосредованного (анкетирование) общения исследователя и опрашиваемого лица

путем регистрации ответов респондента на вопросы, соответствующие цели и задачам исследования [12, с. 8]. В ходе изучения представленного феномена предполагается использовать анкетирование и интервьюирование специалистов, обладающих специальными знаниями в области информационных технологий, предупреждения преступлений, совершенных с использованием IT-коммуникаций, а также экспертов в сфере информационно-психологической безопасности.

Важное методологическое значение для исследования криминальной идеологии в сети Интернет представляет социальный компьютеринг.

Социальный компьютеринг (Social Computing) — это междисциплинарная область исследований, включающая в том числе изучение социального поведения и социального контекста с помощью вычислительных систем (computational systems) [13], а также разработку и использование информационных технологий, которые имеют важный социальный или политический контекст [14, с. 137].

Как утверждает Е. В. Бродовская, построенные в результате подобных исследований модели социального поведения позволяют как выявлять его отличительные особенности, обусловленные спецификой наблюдения, так и осуществлять прогнозы проявления такого поведения на основе собранных данных и отслеживать эффективность корректирующих воздействий [15, с. 20].

Поскольку одной из важнейших задач социального компьютеринга является моделирование, анализ и прогнозирование социального поведения индивида и (или) группы таковых [14, с. 137], есть основания полагать, что применение методов, свойственных представленной междисциплинарной области исследований, имеет особое значение для криминологической науки.

Модель исследования криминальной идеологии в сети Интернет в контексте социального компьютеринга базируется на основе методов социально-медийного анализа и ивент-анализа с применением автоматизированных программных продуктов агрегирования разрозненной информации — Data Mining.

Социально-медийный анализ представляет собой совокупность приемов, способов и средств разбора и оценки информационных потоков в социальных медиа. Социальные медиа — это интернет-ресурсы, позволяющие обеспечивать обмен информацией любого формата (текст, картинки, музыка, видео) и формирующие у потенциального или настоящего пользователя интерес к общей платформе с контентом [16].

По данным исследования Brand Analytics «Социальные сети в России: цифры и тренды», в стране 64 млн активных авторов соцмедиа. То есть более трети россиян пишет хотя бы один пост или комментарий в месяц, а все вместе — 1,2 млрд публичных сообщений (постов, репостов и комментариев) всего лишь за октябрь 2020 г. [17]

Такие объемы информации дают основания полагать, что в социальных медиа содержится большой массив информации, в том числе имеющей значение для исследования криминальной идеологии в сети Интернет.

Проведение социально-медийного анализа целесообразно осуществлять с использованием программных продуктов мониторинга социальных медиа, среди которых наиболее популярными являются Медиалогия, Brand Analytics, IQBuzz, Imas, YouScan, Hootsuite, Sift, Popsters и др. Решение частных задач исследования криминальной идеологии в сети Интернет представлено на примере программного продукта IQBuzz. Из всех имеющихся сегодня систем мониторинга социальных медиа выбранный продукт отличается наибольшей функциональностью, хотя и не является единственным.

IQBuzz — это система онлайн-мониторинга с возможностью углубленного анализа информации на базе сообщений из интернет-медиа (социальные сети, средства массовой информации, блоги, онлайн-видео).

Данный сервис дает возможность осуществить выгрузку онлайн-сообщений пользователей социальных сетей, связанных с криминальной идеологией.

Программное обеспечение позволяет получить сведения о контенте, связанном с изучаемым феноменом, а именно: выявить геолокационные характеристики пользователей, тональность сообщений, динамику упоминаемости, всплески обсуждения, лидирующие площадки упоминаемости, социально-демографическое распределение пользователей, определить тематику позитивных и негативных сообщений, выявить лидеров мнений.

Ивент-анализ представляет собой метод анализа событийных данных, направленный на обработку информации с целью создания картины происходящего в четкой временной последовательности. Основной информационной базой являются сообщения в СМИ: преимущественно газет и информационных агентств [18, с. 237].

Процесс обработки информационных данных о событиях основан на использовании следующих алгоритмов [19, с. 3]:

- определение источников информации;
- разработка системы кодирования (или адаптация уже существующей системы);
- выбор способа кодирования: машинный или ручной;
- формирование базы данных;
- обобщение результатов.

Полученная информация позволит выявлять и фиксировать последствия криминальной идеологии в сети Интернет за определенные промежутки времени.

Таким образом, изучение криминальной идеологии в сети Интернет базируется на комбинировании традиционных методов исследования с возможностями программных продуктов анализа и мониторинга информационных потоков, связанных с изучаемым феноменом.

Для более эффективного применения указанных методов совершенствования прикладной области криминологии за счет собственных теоретико-методологических инноваций [7, с. 127], качественного получения криминологической информации о формировании, развитии и влиянии криминальной идеологии на индивидуальное и общественное сознание и поведение индивидов, оценки состояния антикриминальной практики целесообразно разработать порядок применения и интерпретации представленных методологических приемов — частную криминологическую методику исследования криминальной идеологии в сети Интернет.

Методика познания криминальной идеологии в онлайн-пространстве основывается на последовательном применении рассмотренных выше методов. Исследователю необходимо охватить максимальное количество источников получения информации о содержании и закономерностях развития криминальной идеологии онлайн-пространства, ее влиянии на криминализацию и виктимизацию населения, а также дать оценку современному состоянию антикриминальной практики в рассматриваемой сфере.

I этап исследования

Первый этап исследования характеризуется применением традиционных методов познания, частично адаптированных под возможности изучения явлений и процессов в виртуальном пространстве.

Для получения криминологической информации об исследуемом феномене и состоянии практики противодействия криминальной идеологии в сети Интернет в первую очередь важно прибегнуть к методу **опроса**, проводимого в непосредственной (интервью) и опосредованной (анкетиро-

вание) форме. Респондентами проводимого опроса могут выступать сотрудники органов внутренних дел, специализирующиеся на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий [20], занимающиеся профилактикой преступлений и административных правонарушений, члены бизнес-сообщества в сфере IT-безопасности, руководители и участники некоммерческих социально ориентированных организаций, специализирующиеся в области безопасного Интернета, а также эксперты в сфере психологическо-поведенческой диагностики и информационно-психологической безопасности.

Если проведение опроса основывается на личностной оценке исследуемого явления различными категориями людей, деятельность которых прямо и (или) косвенно связана с практикой противодействия криминальной идеологии в сети Интернет, то следующий метод в большей степени направлен на выявление, сбор и последующий анализ содержательных характеристик данной идеологии. Таким методом является **контент-анализ** ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет, который представляет собой сбор, оценку и фиксацию интересующей информации для дальнейшей ее обработки под заданные критерии, среди которых:

- идеологическая составляющая;
- информационный ресурс;
- криминальное (преступное) содержание;
- поощряемые общественно опасные деяния.

При проведении криминологического исследования большое значение представляет информация, распространяемая в социальных сетях, telegram-каналах и теневого пространстве сети Интернет (теневой веб), которая должна быть получена в «ручном режиме», а также с использованием автоматизированных инструментов сбора информации. Указанные способы сбора информации имеют свои преимущества и недостатки и применяются в зависимости от анализируемого ресурса.

Для сбора информации, распространяемой в telegram-каналах, целесообразно использование telegram-ботов (инструментов), направленных на выявление информации по ключевым словам. Таким функционалом обладают ресурсы Buzzim_Alerts, MotherSearch и др. В то же время представленные инструменты имеют ряд следующих недостатков:

- систематическое «падение» (деактивация) бота;
- монетизация поисковых запросов;
- неохватывание закрытых каналов и чатов.

Таким образом, при невозможности определения необходимого контента, дающего информацию о проявлениях криминальной идеологии, целесообразно проводить контент-анализ в «ручном режиме».

Проведение контент-анализа информации, расширяемой в пространстве «теневого веба» (dark net), возможно лишь при ее «ручном» сборе, поскольку автоматизированные инструменты обработки данных не обладают функциональными свойствами анализа пространства «теневого веба», доступ к которому осуществляется при помощи специального браузера Tor.

Как отмечает В. С. Овчинский, Tor представляет собой одноранговую сеть, которая используется для противоправной деятельности, киберпреступности, торговли наркотиками, оружием, детской порнографией, а также для осуществления целенаправленных акций по подрыву государственного суверенитета [4, с. 16]. Соглашаясь с авторитетным мнением ученого относительно криминализации Tor, считаем необходимым уточнить тот факт, что данный программный продукт также обеспечивает доступ к заблокированным интернет-ресурсам [21].

Особое место в частной криминологической методике занимает контент-анализ судебной практики. Ее обобщение позволит дать оценку работы судов, выявить позитивные и негативные стороны, возникающие в правоприменительной практике по исследовательскому вопросу.

Анализ судебной практики по вопросам противодействия криминальной идеологии в онлайн-пространстве предлагается осуществлять с помощью двух интернет-ресурсов: государственной автоматизированной системы «Правосудие» и справочно-поисковой системы «СудАкт», которые представляют собой крупнейшие информационные базы, связанные с деятельностью судебных органов Российской Федерации.

Основанием для выбора представленных интернет-ресурсов послужил тот факт, что для изучения судебной практики, связанной с криминальной идеологией в сети Интернет, особое значение имеет возможность поиска ключевых слов в текстах приговоров, опубликованных в государственной автоматизированной системе «Правосудие» и справочно-поисковой системе «СудАкт».

Анализ судебной практики, связанной с криминальной идеологией в сети Интернет, целесообразно осуществлять по нескольким направлениям, среди которых изучение:

— судебных решений, направленных на блокировку сетевых ресурсов с содержанием информа-

ции, запрещенной к обороту на территории Российской Федерации;

— постановлений по делам об административных правонарушениях, связанных с пропагандой, либо публичным демонстрацией нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда или публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами;

— постановлений по делам об административных правонарушениях, связанных с производством и распространением экстремистских материалов;

— приговоров судов, связанных с преступлениями, детерминированными криминальной идеологией в сети Интернет;

— приговоров, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий.

II этап исследования

Следующий этап исследования криминальной идеологии в сети Интернет подразумевает под собой обращение к методам сетевого компьютерного (социально-медийный анализ, ивент-анализ) с целью изучения информационных потоков, релевантных теме исследования.

Анализируя основные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет, можно убедиться в том, что использование **социально-медийного анализа** информационных потоков при помощи программных средств агрегирования разрозненной информации (на примере IQBuzz) наиболее эффективно для идеологий А. У. Е. и Колумбайн. В свою очередь иные формы проявления криминальной идеологии в онлайн-пространстве представляются настолько индивидуальными, что при определении ключевых обозначений алгоритм поиска информации IQBuzz малоэффективен.

Для автоматизированной обработки информационных потоков, связанных с криминальной идеологией в сети Интернет, важно качественное составление ключевых обозначений (семантического ядра). Как отмечает В. С. Соловьев, составление семантического ядра исследования необходимо начинать со сбора запросов из максимально возможного количества доступных источников. Первоначально составляется список всех возможных поисковых запросов по избранной тематике. Как указывает автор, для этого можно использовать системы GoogleAnalytics, «Яндекс.Вордстат» и подобные им, предоставляющие информацию о статистике ключевых слов [8, с. 43].

В частной криминологической методике подбор ключевых обозначений представлен на примере продукта Google Trends. Онлайн-сервис Google Trends обеспечивает выявление популярных поисковых запросов пользователей по соответствующей тематике, что позволит более эффективно сконструировать семантическое ядро исследования криминальной идеологии для последующего анализа информационных потоков в социальных медиа. Кроме того, функциональные свойства данных инструментов позволяют выявить статистические данные запросов с учетом страновой, региональной и муниципальной принадлежности пользователя.

Важным свойством представленных сервисов является возможность наблюдения за популярностью основных форм проявления криминальной идеологии в онлайн-пространстве, а также выявления ее причин и основных тенденций развития.

Сформулировав семантическое ядро исследования на основании полученных в онлайн-сервисе Google Trends ключевых обозначений, важно правильно составить поисковый критерий в IQBazz. Создание поискового критерия в программном продукте анализа информационных потоков основывается на собственном языке запросов IQBazz, который позволяет более точно определить поисковые критерии для интеллектуального анализа информационных потоков.

В результате проведения операции, связанной с анализом информационных потоков, предполагается получить выгрузку сообщений пользователей социальных сетей, связанных с криминальной идеологией, их геолокационное распределение, социально-демографические признаки, лидеров мнений, а также определить наиболее популярные ресурсы для распространения подобных сообщений.

Полученная в результате автоматизированного анализа информация подлежит проверке и последующей ручной корректировке.

Следующим методом исследования криминальной идеологии в сети Интернет в контексте социального компьютеринга является **ивент-анализ**. Этот метод основывается, как правило, на традиционном формате, предложенном Ч. Маклеландом для исследования политической реальности. В соответствии с предложенным форматом любое политическое событие может быть представлено через время, субъект (инициатор политического действия), объект политического действия, собственно политическое действие.

В контексте исследования криминальной идеологии в сети Интернет данный метод применяется

лишь при оценке последствий распространения криминальной идеологии — совершение преступления, получившего массовый общественный резонанс и отражение на ресурсах средств массовой информации.

На первом этапе проведения ивент-анализа, взяв во внимание имеющуюся форму сбора, кодирования и обработки информации о конкретном событии, важно адаптировать ее под потребности криминологической науки. Следовательно, обработка информации базируется на четырех основных параметрах:

1. Время (time). Ответ на вопрос: «Когда совершено преступление?».

2. Субъект преступления (person). Ответ на вопрос: «Кто субъект преступления?».

3. Преступление (activity). Ответ на вопрос: «Какое общественно опасное деяние совершено?».

4. Криминально-идейное содержание (ideology). Ответ на вопрос: «Какой форме криминальной идеологии в сети Интернет соответствует преступление?».

Классификаторы кодирования сообщений условно можно разделить на две категории: сообщения о преступлениях, получивших общественный резонанс, и иные проявления криминальной идеологии в онлайн-пространстве. Присвоение индивидуальных кодов в представленной частной криминологической методике основано на главном критерии — форме выражения криминальной идеологии в сети Интернет (А. У. Е., Колумбайн, криминальный суицид, наркопотребление и т. д.).

Второй этап представляет собой составление информационного массива, в результате которого формируется база данных. Как отмечает А. С. Ахременко, в современном ивент-анализе наиболее распространенной практикой является использование сообщений мировых и региональных информационных агентств [22, с. 239].

В исследовании криминальной идеологии в сети Интернет могут быть использованы источники из числа средств массовой информации и (или) иные информационные средства массовой коммуникации.

Найденные сообщения фиксируются в базе данных по следующим характеристикам: 1) дата публикации; 2) ссылка на источник сообщения; 3) заголовок статьи; 4) комментарий, описывающий контекст события.

В процессе проведения подсчета обнаруженных сообщений, релевантных теме криминологического исследования, можно вывести статистику появления в СМИ сообщений о последствиях про-

явления криминальной идеологии — преступлениях, получивших массовый общественный резонанс. В данном случае интерес будет представлять лишь информация, связанная с преступлениями, детерминированными криминальной идеологией, распространяемой в виртуальном пространстве, что определяется путем ручной обработки и анализа.

Исследование массива информации федеральных новостных агентств, посвященной указанным преступлениям, позволит выявить частоту и зависимость совершения общественно опасных деяний, их идеологическую специфику и тенденции криминально-идеологического изменения.

III этап исследования

Данный этап характеризуется обобщением и интерпретацией информации, полученной в результате применения традиционных и социально-компьютерных методов изучения криминальной идеологии в сети Интернет с целью формирования теоретических положений и их внедрения в антикриминальную практику.

Таким образом, предлагаемая методика, основанная на применении традиционных методов

исследования и методов социального компьютеринга, позволяет получить важную криминологическую информацию о закономерностях развития и формах проявления представленного феномена, его криминогенном потенциале и состоянии антикриминальной практики в рассматриваемой сфере. Использование программных продуктов агрегирования разрозненной информации предоставляет сведения, позволяющие определить масштабы криминальной идеологии в сети Интернет, ее последствия, а также наиболее популярные ресурсы для ее распространения. Последующая систематизация и анализ полученных данных позволяют получить информацию, до сих пор не нашедшую отражение в криминологической науке, и сформировать на ее основе предложения и рекомендации по совершенствованию практики противодействия криминальной идеологии в сети Интернет.

Представленные методологические средства и методика их применения являются важными для развития криминологической науки и правоохранительной практики.

1. Квашис В. Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 58—68.

2. Грибанов Е. В. Методические заметки о подготовке диссертационных исследований и оформлении их результатов в юридической отрасли научного знания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 100—106.

3. Мацкевич И. М. Современная криминология: преодоление кризиса // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 192—197.

4. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.

5. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85—102.

6. Гилинский Я. И. Актуальные проблемы криминологии: учеб. пособие для магистратуры. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 192 с.

7. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 121—127.

1. Kvashis V. E. Problems of the quality of criminological research: the origins and symptoms of the disease. Journal of Russian Law, 58—68, 2018 (in Russian).

2. Gribanov E. V. Methodological notes on the preparation of dissertation research and the design of their results in the legal branch of scientific knowledge. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 100—106, 2020 (in Russian).

3. Matskevich I. M. Modern criminology: overcoming the crisis. Russian criminological view, 192—197, 2011 (in Russian).

4. Ovchinsky V. S. Criminology of the digital world. Moscow: Norma: INFRA-M; 2018: 352 (in Russian).

5. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality. Journal of Russian Law, 85—102, 2018 (in Russian).

6. Gilinsky Ya. I. Actual problems of criminology. A textbook for magistracy. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) of Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2016: 192 (in Russian).

7. Simonenko A. V., Gribanov E. V. Criminological technologies and engineering: place in science and significance for law enforcement practice. Society and law, 121—127, 2016 (in Russian).

8. Соловьев В. С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

9. Ильницкий А. С. Криминальная идеология в сети Интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 49—53.

10. Биккулов А. С., Бершадская Л. А., Жук Д. В. Сервисы мониторинга социальных медиа в сети Интернет и анализ частотности поисковых запросов как инструменты исследования социальных проблем // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/645.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

11. Гильманова А. Н. Социологические методы исследования в журналистике // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 1. С. 60—63.

12. Бондаренко А. Г. Социологическое исследование: методика опроса: учеб. пособие. Волгоград: ВолгГТУ, 2006. 64 с.

13. Liu H., Salerno J., Young M. Social Computing and Behavioral Modeling. Springer, 2009. 280 p.

14. Predictor Mining: применение методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга / А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, А. Ю. Бубнов, А. А. Глазков [и др.] // Труды СПИИРАН. 2013. № 3 (26). С. 136—137.

15. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Методология, методика и техника анализа социально-медийных информационных потоков: о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе // Педагогический вестник. 2018. № 4. С. 20—23.

16. Социальные медиа, их виды и правила работы с ними. URL: <https://semantica.in/blog/soczialnye-media-ikh-vidy-i-pravila-raboty-s-nimi.html> (дата обращения: 20.01.2021).

17. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020. Блог «Brand Analytics». URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (дата обращения: 20.01.2021).

18. Герасимова Е. В. Методы исследования конфликта власти и населения. Саратов: Поволжская акад. гос. службы, 2012.

19. Gerner D. J., Schrod Ph. A. Analyzing International Event Data: A Handbook of Computer-Based Techniques. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. 41 p.

8. Solov'ev V. S. Criminogenic potential of the social segment of the Internet: methods of evaluation and measures of neutralization. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2017: 176 (in Russian).

9. Ilnitsky A. S. Criminal ideology on the Internet: theoretical and socio-legal prerequisites for criminological cognition. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 49—53, 2020 (in Russian).

10. Bikkulov A. S., Bershadskaia L. A., Zhuk D. V. Social media monitoring services on the Internet and analysis of the frequency of search queries as tools for the study of social problems. Modern problems of science and education, 2012. Available from: <http://www.science-education.ru/pdf/2012/6/645.pdf> (in Russian). Accessed: 20 January 2021.

11. Gilmanova A. N. Sociological methods of research in journalism. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia, 60—63, 2015 (in Russian).

12. Bondarenko A. G. Sociological research: survey methodology. Textbook. Volgograd: VolgSTU; 2006: 64 (in Russian).

13. Liu H., Salerno J., Young M. Social Computing and Behavioral Modeling. Springer; 2009: 280 (in English).

14. Azarov A. A., Brodovskaya E. V., Bubnov A. Yu. (et al.) Predictor Mining: application of data mining methods in social computing tasks. Works of SPIIRAS, 136—137, 2013 (in Russian).

15. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya O. Y., Kasabov D. N. Methodology, methods and techniques of analysis of social media information flows on inter-ethnic and inter-religious relations in Crimea and Sevastopol. Pedagogical bulletin, 20—23, 2018 (in Russian).

16. Social media, their types and rules of work with them. Available from: <https://semantica.in/blog/soczialnye-media-ikh-vidy-i-pravila-raboty-s-nimi.html>. Accessed: 20 January 2021 (in Russian).

17. Social networks in Russia: figures and trends, fall 2020. Blog "Brand Analytics". Available from: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/>. Accessed: 20 January 2021 (in Russian).

18. Gerasimova E. V. Methods of research of the conflict of power and population. Saratov: Volga region Academy of public service; 2012 (in Russian).

19. Gerner D. J., Schrod Ph. A. Analyzing International Event Data. A Handbook of Computer-Based Techniques. Cambridge: Cambridge University Press; 2000: 41 (in English).

20. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/18809813>. Accessed: 1 February 2021 (in Russian).

20. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/18809813> (дата обращения: 01.02.2021).

21. О Программе «The Onion Router». История. URL: <https://www.torproject.org/ru/about/history/> (дата обращения: 28.01.2021).

22. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. 333 с.

21. About the Program "The Onion Router". History. Available from: <https://www.torproject.org/ru/about/history/>. Accessed: 28 January 2021 (in Russian).

22. Akhremenko A. S. Political analysis and forecasting. Textbook. Moscow: Gardariki; 2006: 333 (in Russian).

© Ilnitsky A. S., 2021

© Ильницкий А. С., 2021

Ильницкий Александр Сергеевич,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
e-mail: ilnickias@gmail.com

Ilnitsky Alexander Sergeevich,
post-graduate student of the department
of criminal law and criminology
of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: ilnickias@gmail.com

* * *

УДК 343.34
ББК 67.408.131
doi:10.25724/VAMVD.UBCD

А. А. Лихолетов, Е. А. Лихолетов

**МОДЕРНИЗАЦИЯ НОРМЫ
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО:
АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ**

В последнее время неотъемной характеристикой практически любой отрасли права нашей страны можно назвать динамичность и беспрестанное реформирование. Не стало исключением и уголовное законодательство, отдельные нормы которого в конце 2020 г. были подвергнуты трансформации. Одной из таких новаций стало внесение Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ изменений в диспозицию частей первой и второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализ поправок позволяет прийти к выводу о том, что модернизация уголовно-правовой нормы об ответственности за хулиганство не только не привела к устранению имеющихся в теории и на практике проблем квалификации рассматриваемых преступлений и их разграничения со смежными составами, но и породила ряд новых сложностей. В данной статье предпринята попытка рассмотрения законодательных новелл в сфере регламентации ответственности за хулиганство и формирования авторского подхода относительно целесообразности данных преобразований уголовного закона.

Ключевые слова: насилие, криминализация, преступление, уголовная ответственность, хулиганство.

A. A. Likholetov, E. A. Likholetov

**MODERNIZATION OF THE RULE
ON CRIMINAL LIABILITY FOR HOOLIGANISM:
ARGUMENTS FOR AND AGAINST**

Recently, dynamism and constant reform can be called an integral characteristic of almost any branch of law in our country. Criminal legislation was no exception, some norms, which were subjected to a number of changes at the end of 2020. One of these innovations was the introduction by Federal Law No. 543-FZ on December 30 2020, to the disposition of parts one and two of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of the amendments allows us to conclude that the modernization of the criminal law norm on responsibility for hooliganism not only did not lead to the elimination of the problems of qualification of the crimes under consideration and their differentiation from related structures, existing in theory and in practice, but also gave rise to a number of new difficulties. This article is an attempt to consider legislative novelties in the field of regulation of liability for hooliganism and the formation of the author's approach regarding the advisability of these transformations of the criminal law.

Key words: violence, criminalization, crime, criminal responsibility, hooliganism.

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ [1] в уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за хулиганство, были внесены изменения, в результате которых п. «а» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) был изложен в новой редакции — «хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения», а существовавший ранее составообразующий признак, выражающийся в применении оружия

или предметов, используемых в качестве оружия, был перенесен в часть вторую рассматриваемой статьи. Кроме того, совершение деяния группой лиц получило закрепление в качестве квалифицирующего признака в той же части статьи.

Теоретические и практические проблемы применения изучаемой нормы неоднократно являлись предметом научной дискуссии еще до внесения последних изменений в УК РФ [2—4]. Более того, в теории уголовного права неоднократно

высказывались предложения о декриминализации хулиганства [5; 6]. Модернизация ст. 213 УК РФ в декабре 2020 г. не только не устранила имеющиеся сложности в правоприменении, но и привела к возникновению целого ряда обстоятельств, ставящих под вопрос целесообразность проведенного реформирования уголовного закона.

Несмотря на отсутствие в пояснительной записке к проекту принятого нормативного акта объективного обоснования необходимости внесения подобных изменений в действующую редакцию ст. 213 УК РФ (о чем указано в официальном отзыве на законопроект заместителя Председателя Верховного Суда России), законодательная инициатива была реализована в кратчайшие сроки, и закон был подписан Президентом страны без устранения замечаний, высказанных на стадии рассмотрения предложений в Государственной Думе России [7].

Следует отметить, что в теории уголовного права относительно основания криминализации существует несколько подходов, среди которых доминирующим является позиция, что таковым выступает «общественно опасное поведение, требующее уголовно-правового запрета» [8, с. 102; 9, с. 140] или общественная опасность деяния [10, с. 58; 11, с. 82].

Криминализация как метод уголовной политики подчинена определенным базовым правилам (основополагающим принципам), основными из которых являются следующие:

1) криминализируемое деяние должно обладать общественной опасностью, требующей принятия мер уголовно-правового реагирования;

2) такое поведение должно иметь относительную распространенность;

3) способность позитивного (превентивного) воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение;

4) преобладание позитивных последствий криминализации;

5) неизбыточность уголовно-правового запрета;

6) своевременность криминализации [8, с. 108—128].

Указанные принципы нашли свое отражение и в практике Конституционного Суда России, который установил определенные требования к процедуре формулирования уголовно-правового запрета: введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использова-

ние государственных сил и средств [12]; государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств [13], и др.

Вместе с тем при анализе внесенных в ст. 213 УК РФ изменений, в первую очередь, возникает вопрос о наличии оснований криминализации хулиганства, совершенного с применением насилия к гражданам или с угрозой его применения. В частности, появляются сомнения относительно признака общественной опасности указанных действий в объеме, требующем принятия мер уголовно-правового воздействия. И если установление ответственности за применение насилия в ходе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, еще поддается объяснению, исходя из природы и сущности самого насилия, то усмотреть признаки преступления (а именно общественную опасность) в действиях хулигана, высказывающего в процессе совершения деяния угрозу нанесения вреда здоровью, а тем более высказывающего намерение причинить только физическую боль, вряд ли возможно.

Необходимо обратить внимание, что в науке существует вполне обоснованная позиция, согласно которой насилие либо высказывание угрозы его применения, исходя из их особенностей проявления, являются составляющими компонентами грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу [14, с. 16; 15, с. 127]. Более того, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при совершении преступления свидетельствует не только о грубом насилии в отношении лица, но и о реальной угрозе его основным благам — жизни и здоровью [5, с. 37].

Опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда России [16], Э. Л. Сидоренко приходит к выводу, что «насилие является имманентно присущим вооруженному хулиганству» [17, с. 71]. Продолжая рассуждения, автор резюмирует, что грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, может поглощать применение насилия [17, с. 71]. Указанная точка зрения подтверждает тезис о недостаточной обоснованности внесенных в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ поправок.

Следует заметить, что в новой редакции рассматриваемой статьи законодателем не конкретизирован вид насилия, применяемого к потерпевшему

в процессе совершения уголовно наказуемого деяния, что позволяет прийти к выводу, что таковым может быть как опасное для жизни или здоровья воздействие на потерпевшего, включающего легкий, средней тяжести и тяжкий вред, так и не представляющее угрозу для его жизни или здоровья (побои, истязания и иные действия, причиняющие физическую боль, но не повлекшие наступления последствий, предусмотренных ст. 111, 112, 115 УК РФ).

Максимальный размер наказания в виде лишения свободы за совершение побоев составляет при этом два года, а за причинение тяжкого вреда здоровью (при отсутствии квалифицирующих признаков) ограничен восемью годами. Однако законодателем указанное обстоятельство учтено не было, и все виды насилия охвачены в пределах одной части уголовно-правовой нормы.

Таким образом, криминализация в рамках ч. 1 ст. 213 УК РФ абсолютно разных по степени общественной опасности и содержанию действий, а также отличающихся по тяжести последствий противоречит основополагающим принципам дифференциации ответственности.

Более того, принятая редакция п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ позволяет применять равнозначные по виду и размеру наказания за хулиганство, совершенное, например, с причинением тяжкого вреда здоровью, и за аналогичное деяние, сопровождающееся высказыванием намерения применить насилие. На данное обстоятельство справедливо указывалось в отзыве на проект принятого закона, подготовленного заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Д. Ю. Григоренко [18].

Следует отметить, что в настоящее время хулиганский мотив выступает в качестве квалифицирующего признака в составах преступлений, предусматривающих ответственность за умышленное причинение смерти, различной степени тяжести вреда здоровью, а также побоев, в связи с чем обоснованность поправок, внесенных в п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ, представляется сомнительной.

Внесенные изменения породили ряд проблем, связанных с разграничением смежных по своим признакам составов преступлений, о чем также указывалось при обсуждении законопроекта [18].

Так, возникает дилемма относительно того, какая норма подлежит применению в случае умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью в процессе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, — п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ или п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Учитывая, что конструктивные признаки обоих составов преступлений, равно как и размер наказания в виде лишения свободы за их совершение, идентичны, провести отграничение одного деяния от другого представляется затруднительным.

С другой стороны, если ставить вопрос о наличии признаков идеальной совокупности хулиганства и причинения вреда здоровью, то можно резюмировать, что принятая редакция п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ привела к избыточности уголовно-правового запрета и возникновению ряда проблем в правоприменении.

Следующий вопрос связан с особенностями использования приемов законодательной техники при конструировании обновленной диспозиции п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ. Не совсем понятно, почему законодатель в качестве потерпевшего от преступления указывает «граждан». Буквальное толкование нормы наводит на мысль о том, что в случае применения насилия к апатриду при совершении хулиганских действий состав преступления будет отсутствовать. Кроме того, использование правотворцем множественного числа при формулировке анализируемого признака состава уголовно наказуемого деяния не позволит применить данную норму в случае применения насилия или высказывания угрозы его применения в отношении одного члена общества.

Понятно, что в такой ситуации практическим работникам необходимо трактовать норму расширительно, охватывая и вышеперечисленные случаи при квалификации деяния по п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ, но, опять же, возникает вопрос о качестве внесенных в статью изменений. Не проще ли было использовать общепринятый (например, в нормах об ответственности за преступления против жизни и здоровья) термин «лицо», обозначающий потерпевшего, или вообще отказаться от какого-либо указания на такового, поскольку насилие возможно адресовать только к физическому лицу, равно как и угрозу.

Повышение ответственности за применение при совершении хулиганства оружия или предметов, используемых в качестве оружия, путем отнесения данного признака к квалифицированному составу преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, имеет под собой определенные основания, выражающиеся в степени общественной опасности таких деяний. Безусловно, усиление физических возможностей виновного за счет использования при совершении преступления объектов, которые по своим конструктивным или иным свойствам способны причинить более серьезный вред охра-

няемым законом общественным отношениям, должно учитываться при оценке деяния преступника.

Так, например, стрельба из огнестрельного оружия по людям, тем более в оживленном месте, все-таки представляется более опасной, нежели грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное на объектах транспортной инфраструктуры или под воздействием «экстремистского» мотива.

Заслуживает внимания решение законодателя о дополнении части второй анализируемой нормы квалифицирующим признаком «группа лиц». Конечно, на практике довольно часто встречаются случаи, когда в процессе хулиганских действий к виновному с аналогичным по содержанию умыслом присоединяется другое лицо, которое также совершает деяние, образующее объективную сторону преступления, но, опять же, возникает вопрос о дифференциации ответственности в зависимости от формы соучастия.

На необходимость дополнения нормы об ответственности за хулиганство указанным квалифицированным составом на протяжении длительного времени указывали специалисты уголовного права [19, с. 10; 20, с. 164], что вполне оправданно, исходя из относительной распространенности подобных деяний и повышенной степени их общественной опасности.

Понятно, что совершение преступления группой лиц при отсутствии данного квалифицирующего признака в ст. 213 УК РФ должно учитываться судом при назначении наказания в качестве обстоятельства, его отягчающего (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Однако на практике суды не всегда обращают внимание на данный факт при постановлении приговора.

Так, 5 июня 2019 г. в ночное время суток П., находясь в общественном месте: у дома 11 по ул. Весельной Василеостровского района г. Санкт-Петербурга, действуя спонтанно, группой лиц без предварительного сговора, совместно с неустановленным лицом, грубо нарушая общественный порядок, беспричинно спровоцировали конфликт с прохожими гражданами, в ходе которого высказывали оскорбления, а затем напали на ФИО1, повалили его на землю, нанесли ему несколько ударов используемым в качестве оружия ножом

по разным частям тела, отчего потерпевший потерял сознание. Приговором суда по данному эпизоду преступной деятельности П. был признан виновным в совершении деяния, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, судом указан только рецидив преступлений. То обстоятельство, что хулиганство совершено П. в соучастии, судом при принятии решения не учтено [21].

Таким образом, отсутствие квалифицирующего признака «группа лиц» до внесения изменений в ч. 2 ст. 213 УК РФ в декабре 2020 г. не позволяло давать объективную оценку преступным действиям виновных и назначать справедливое наказание.

Вместе с тем представляется не совсем логичным объединение в рамках одного состава преступления (ч. 2 ст. 213 УК РФ) в качестве обстоятельств, усиливающих ответственность, различных по степени общественной опасности разновидностей групповой преступной деятельности. Очевидно, что деяние, совершенное группой лиц без предварительного сговора, несопоставимо с аналогичным преступлением, совершенным организованной группой. В данном случае просматривается очевидное нарушение принципа дифференциации ответственности и положений законодательной техники.

Подобный подход «размывает» степень общественной опасности предусмотренных законом форм соучастия, а также оставляет право индивидуализации наказания лишь в рамках одной части уголовно-правовой нормы, что неизбежно приводит к расширению границ судебного усмотрения.

Безусловно, в рамках данной статьи затронут не весь комплекс проблем, возникающих при квалификации хулиганства, а лишь предпринята попытка анализа внесенных в данную уголовно-правовую норму изменений. Вместе с тем вышеизложенное позволило прийти к выводу об отсутствии объективных оснований для внесения изменений в п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ. Более того, можно согласиться с мнением Л. С. Аистовой, затронувшей вопрос о целесообразности существования уголовно-правовой нормы об ответственности за хулиганство, так как сфера предусмотренных ею деяний «полностью охватывается статьями о преступлениях против личности» [5, с. 37].

1. О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

1. Federal Law No. 543-FZ on 30 December 2020. "On Amendments to Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 17—22.
3. Егорова Н. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 41—44.
4. Шарапов Р. Д. Хулиганство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 21—28.
5. Аистова Л. С. Хулиганство как преступление против личности // Криминалист. 2010. № 1 (6). С. 34—38.
6. Иванов Н. Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 53—61.
7. О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения ответственности за хулиганство): пояснительная записка к законопроекту № 1074941-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7> (дата обращения: 12.03.2021).
8. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
9. Авдалян М. Э. Основание криминализации // Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 139—144.
10. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. 176 с.
11. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81—91.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2003. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Конституционного суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2001. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Колоколов Н. А. Борьба с хулиганством: кризис правового регулирования // Российский следователь. 2004. № 11. С. 16—18.
15. Овчаренко Е. Правовая характеристика хулиганства // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 127—130.
16. О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда России от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Volzhenkin B. V. Hooliganism. Criminal Law, 17—22, 2007 (in Russian).
3. Yegorova N. On issue of new motives to commit crimes. Criminal Law, 41—44, 2008 (in Russian).
4. Sharapov R. D. Hooliganism. Legal science and law enforcement practice, 21—28, 2020 (in Russian).
5. Aistova L. S. Hooliganism as a crime against the person. Criminalist, 34—38, 2010 (in Russian).
6. Ivanov N. G. Hooliganism as a crime: a critical view. State and Law, 53—61, 2009 (in Russian).
7. Explanatory note to legislative bill No. 1074941-7 "On Amendments to Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation" (in part related to identifying liability for hooliganism). Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7>. Accessed: 12 March 2021 (in Russian).
8. Lopashenko N. A. Criminal policy. Moscow: Walters Kluver; 2009: 579 (in Russian).
9. Avdalyan M. E. Basis for criminalization. Vestnik of the Udmurt University. Economics and Law, 139—144, 2015 (in Russian).
10. Tobolkin P. S. Social causation of norms of criminal law. Sverdlovsk; 1983: 176 (in Russian).
11. Prozumentov L. M. Basis for criminalization (decriminalization) of acts. Vestnik of the Tomsk State University. Law, 81—91, 2014 (in Russian).
12. Resolution of the constitutional court of the Russian Federation No. 3-P on 19 March 2003. Vestnik of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2003. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P on 25 April 2001. Vestnik of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2001. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).
14. Kolokolov N. A. Fighting hooliganism: crisis of legal regulation. Russian Investigators, 16—18, 2004 (in Russian).
15. Ovcharenko Ye. Legal characteristics of hooliganism. Journal of Russian law, 127—130, 2004 (in Russian).
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia No. 45 on 15 November 2007. "On Judicial Practice in Hooliganism-Related Crimes and Other Hooligan Motivated Crimes". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).
17. Sidorenko E. L. Armed hooliganism: paradoxes of criminalization. Society and Law, 69—74, 2015 (in Russian).

17. Сидоренко Э. Л. Вооруженное хулиганство: парадоксы криминализации // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 69—74.

18. Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона № 1074941-7 «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7> (дата обращения: 12.03.2021).

19. Григорян К. В. Хулиганство по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Григорян. Москва, 2010. 26 с.

20. Точка А. В. Преступления против общественного порядка: криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Точка. Краснодар, 2014. 270 с.

21. Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга от 12 декабря 2019 г. по делу № 1-494/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rg1pk5ARAgYb> (дата обращения: 10.03.2021).

18. Official Response of the Government of the Russian Federation to the Federal Law Bill No. 1074941-7 "On Amendments to Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7>. Accessed: 12 March 2021 (in Russian).

19. Grigoryan K. V. Hooliganism in the criminal law of Russia. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 26 (in Russian).

20. Tochka A. V. Crimes against public order: criminalization, systematization, criminal law content. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2014: 270 (in Russian).

21. Verdict of the Vasileostrovsky District Court of St. Petersburg in Case No. 1-494/2019 on 12 December 2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/rg1pk5ARAgYb>. Accessed: 10 March 2021 (in Russian).

© Likholetov A. A., Likholetov E. A., 2021

© Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А., 2021

Лихолетов Александр Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Лихолетов Евгений Александрович,

доцент кафедры
«Экономическая безопасность»
Волгоградского государственного
аграрного университета,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
e-mail: l.evgeni.a@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,

associate professor at the criminal law
department of the training
and scientific complex of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Likholetov Eugeny Alexandrovich,

associate professor at the department
«Economic security»
of the Volgograd state agricultural university,
candidate of agricultural sciences, docent;
e-mail: l.evgeni.a@mail.ru

* * *

УДК 343.8
ББК 67.409
doi:10.25724/VAMVD.UCDE

В. А. Поникаров, Т. В. Поникарова

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК ОСНОВА ВТОРИЧНОЙ ПРЕВЕНЦИИ В РОССИИ

В статье рассматривается эволюция административного надзора в отечественной пенитенциарной системе. Интеграция различных признаков позволила сформулировать авторское научное определение уголовно-исполнительного надзора, заменяющее термин «административный надзор». Предложены пути реформирования уголовно-исполнительного надзора. Значительная роль принадлежит надзору в проведении профилактических мероприятий. Посредством надзора обеспечивается сбор информации, крайне необходимой для успешной реализации целенаправленной профилактической деятельности. Преобладание индивидуальных криминальных личностных особенностей в детерминации преступного поведения осужденных требует целенаправленного профилактического воздействия. Предупреждение совершения новых преступлений (вторичная превенция) со стороны лиц, отбывших наказание, является результатом суммированного воздействия на поведение осужденных всех элементов карательно-воспитательного процесса. Соблюдение бывшими осужденными дисциплины, создание и поддержание установленного правопорядка в решающей степени зависят от системы организации надзора и соответствующего реагирования на каждое нарушение, общих и специфических особенностей осужденных. Надзор позволяет обеспечить нормальные условия для проведения целенаправленной работы по исправлению бывших осужденных.

Ключевые слова: эволюция, уголовно-исполнительная деятельность, надзор, осужденные, пенитенциарная система.

V. A. Ponikarov, T. V. Ponikarova

FEATURES OF SUPERVISION OF CONVICTS IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

The article examines the evolution of administrative supervision in the domestic penitentiary system. The integration of various features made it possible to formulate an author's scientific definition of criminal enforcement supervision, replacing the term "administrative supervision". Ways to reform criminal enforcement supervision have been proposed. A significant role belongs to the supervision of preventive measures. Through supervision, information is collected that is essential for the successful implementation of targeted preventive activities. The predominance of individual criminal personality characteristics in the determination of criminal behavior of convicts requires a targeted preventive effect. The prevention of the commission of new crimes (secondary prevention) by persons who have served their sentences is the result of the combined influence on the behavior of convicts of all elements of the punitive and educational process. The discipline, establishment and maintenance of established law and order by former convicts depends to a decisive extent on the system of organization of supervision and appropriate response to each violation, their general and specific characteristics. Supervision allows for normal conditions for targeted corrective work for former convicts.

Key words: evolution, penal activity, supervision, convicts, penitentiary system.

Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. регулирует вопросы, касающиеся объема полномочий контролирующих органов, которые наблю-

дают за тем, чтобы соответствующие лица придерживались ограничений их прав и свобод, установленных судом, а также выполняли обязанности, предусмотренные законом. Соответственно, данный нормативно-правовой акт регулирует внешнюю

сторону надзора. В силу многих обстоятельств научное сообщество с течением времени пришло к выводу о том, что название Федерального закона № 64-ФЗ требует коррекции в части замены термина «административный» надзор на «уголовно-исполнительный». Это объясняется следующими причинами:

1. Многие аспекты рассматриваемого надзора регламентируются нормами уголовно-исполнительного законодательства.

2. В качестве субъекта такого надзора выступает бывший осужденный. Поэтому надзор необходимо называть уголовно-исполнительным или пенитенциарным.

Данная позиция нам импонирует, поскольку такая трансформация названия исключит двусмысленность его толкования. Тем более что это предложение основано на историческом опыте развития уголовно-исполнительного права.

Так, в СССР существовала четко продуманная система предупреждения совершения преступлений, которая часто становилась предметом исследования различных ученых [1, с. 5]. В реализации превентивных мер были задействованы различные органы, службы, подразделения. Существенная роль в реализации профилактических мероприятий отводилась трудящимся, коллективам, общественным организациям. Проблема предупреждения совершения преступлений бывшими осужденными гражданами после их освобождения из мест лишения свободы (вторичная превенция) также глубоко прорабатывалась различными авторами [2]. Усилия, направленные на приобщение правонарушителя к социально одобряемому образу жизни, при отсутствии постоянного надзора за его поведением не давали желаемого результата. Не обладая привычками к общественно полезной деятельности и не желая изменять свои убеждения, бывшие осужденные обычно стремились уклониться от всякого воздействия на них. В связи с этим надзор за бывшими осужденными выступал в качестве средства, обеспечивающего «срабатывание» мер воспитательного воздействия. Одновременно он оказывал самостоятельное психолого-педагогическое воздействие на бывших осужденных по нейтрализации их криминогенных намерений: побуждал их осознать необходимость вести себя приличествующим образом, в том числе не совершать преступлений. Непрерывный надзор исключал попытки девиаций, ведь он олицетворял правовой порядок отбывания назначенного принуждения, являясь «сердцевиной» карательно-воспитательного процесса.

Сегодня надзор занимает важное место в системе индивидуально-профилактической деятельности. До 68 % всех выявляемых отклонений в поведении бывших осужденных приходится на его долю. В результате его осуществления устанавливаются:

1) каналы поступления к бывшим осужденным запрещенных предметов, в том числе наркотических средств;

2) факты отклоняющегося поведения бывших осужденных и их взаимоотношений, которые могут привести к преступлениям (различные конфликты и т. д.);

3) случаи изготовления колюще-режущих предметов и условия, способствующие их изготовлению.

Значительная роль принадлежит надзору и в проверке результатов проводимых профилактических мероприятий. Посредством его осуществления обеспечивается сбор информации, крайне необходимой для успешной реализации целенаправленной профилактической деятельности. Рассмотрение целевого назначения надзора за бывшими осужденными, системы решаемых им задач позволяет сформулировать основные направления его воздействия на процесс исправления. Функциями надзора за бывшими осужденными являются:

1) контроль за этой категорией граждан;

2) психолого-педагогическое (воспитательно-предупредительное) воздействие на этих лиц.

Начиная с 1999 г. система предупреждения преступности претерпела существенные изменения, которые привели к формированию в России в начале 2000-х гг. понятия «надзор». Решению вопроса реализации эффективного надзора за лицами, вернувшимися из мест лишения свободы, посвящено значимое количество научных трудов [3, с. 11—12]. Однако сравнительно небольшое количество авторов выступали с конкретными предложениями по модернизации этой системы. Исключение составляют лишь некоторые новые работы по данной теме [4]. Так, одни ученые высказывали мнение о том, что надзор выполняет одну из функций вторичного предупреждения преступности [5, с. 62]. Другие фактически приравнивали надзор к мерам пресечения [6, с. 116—149]. На наш взгляд, наиболее значимым изменением должно стать повышение мер ответственности вплоть до введения уголовной ответственности за нарушение бывшим осужденным установленных для него судом ограничений прав и свобод, а также за невыполнение соответствующих обязанностей.

Кстати, в СССР такая уголовная ответственность была установлена. И в этом вопросе нас поддержало большинство сотрудников практических органов. Для определения круга наиболее действенных мер внешнего надзора и степени их эффективности нами в 2020 г. было проведено интервьюирование сотрудников уголовно-исполни-

тельной системы и полиции (всего было опрошено 215 человек из различных практических подразделений городов Брянска, Вологды, Рязани, Мурманска, Тулы). Среди всех вариантов с большим отрывом лидировало «привлечение к уголовной ответственности» (84,1 % всех опрошенных) (табл. 1).

Таблица 1

Результативность внешнего надзора

Меры внешнего надзора	Количество опрошенных	% от общего количества
Привлечение к уголовной ответственности (как это было в СССР)	181	84,1
Привлечение к административной ответственности	8	3,8
Привлечение к иным формам ответственности (например, к трудовой — не включать трудовой стаж, если за осужденным установлен надзор)	26	12,1

В период нахождения осужденных в исправительных учреждениях на них оказывается постоянное воспитательное воздействие, которое в большой степени исключает самовольное оставление ими рабочих мест, халатное отношение к труду с их стороны, грубое нарушение правил техники безопасности и пожарного надзора, непроизводительные потери рабочего времени за счет изготовления продукции, не предусмотренной плановым заданием, в том числе и запрещенных к хранению и использованию предметов, случаи умышленной порчи и вывода из строя промышленного оборудования. Похожее воздействие должно сохраняться и далее, в период административного надзора после освобождения бывших заключенных из мест лишения свободы.

Особый интерес представляет исследование механизма непосредственного влияния надзора на решение задач вторичной превенции. Предупреждение совершения новых преступлений (вторичная превенция) со стороны лиц, отбывших наказание, является результатом суммированного воздействия на поведение бывших осужденных всех элементов карательно-воспитательного процесса. Значительная роль в решении задачи превенции принадлежит целенаправленной профилактической работе.

Основная (всеобщая) причина совершения осужденными новых преступлений еще в период пребывания в исправительной колонии — это наличие в их сознании устойчивых антиобщественных воззрений, убеждений и обычаев. Существенное

влияние на состояние, динамику и структуру преступности среди осужденных оказывает качественный состав лиц, отбывающих наказание в исправительной колонии. Преобладание в исправительной колонии осужденных со стойкой антиобщественной направленностью создает наиболее криминогенную среду, со всеми вытекающими результатами. Именно преобладание индивидуальных криминальных личностных особенностей в детерминации преступного поведения осужденных в исправительной колонии требует целенаправленного профилактического воздействия. Поэтому основным содержанием функции предупреждения преступлений с их стороны должна быть специальная, целенаправленная деятельность индивидуально-профилактического характера. В содержание индивидуально-профилактической работы входит:

- 1) выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые могут повлиять на их реализацию;
- 2) изучение связей таких осужденных и окружающих условий;
- 3) создание условий, исключающих реализацию конкретных преступных намерений;
- 4) устранение источников вредного влияния;
- 5) воспитательное воздействие на личность осужденного по трансформации его внутреннего противоправного убеждения в правомерное;
- 6) контроль за поведением осужденных, периодическая проверка результатов, проводимых профилактических мер.

Выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые влияют на их реализацию в условиях исправительной колонии, обеспечивается посредством и в результате различной деятельности по исполнению наказания. В одних случаях это следствие специальных мероприятий, направленных на выявление криминогенных факторов, в других — результат качественно иных мероприятий, имеющих воспитательное назначение. По сравнению с другими источниками информации, направленной на изучение осужденных, их связей и окружающих условий, надзор дает возможность визуально проконтролировать эти связи и условия, лично убедиться в их влиянии на бывшего осужденного. В осуществлении надзора участвуют различные категории сотрудников, что само по себе гарантирует не только значительный объем информации, но и ее многоплановость.

Повышение эффективности надзора в обеспечении правомерного поведения бывшими осужденными, на наш взгляд, требует совершенствования управления, в частности, улучшения согласованности между управляющей и управляемой системами. Такое взаимодействие должно выражаться:

- в регулярном обмене информацией о состоянии, изменениях в оперативно-служебной обстановке, объеме выполняемых задач и их результатах;
- совместной разработке вопросов организации, содержания, форм контроля за поведением бывших осужденных;
- создании необходимых условий по осуществлению надзора;
- повышению качества обучения, воспитания личного состава и контроля за несением службы;

1. Перец В. И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного административного надзора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 12 с.

2. Векленко В. В., Бекетов О. И. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // *Полицейское право*. 2006. № 1. С. 40—43.

3. Гуськов В. И., Иванов А. П. Роль административного надзора в профилактике рецидива преступлений: учеб. пособие. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1982. 72 с.

4. Архипов Д. Н., Гришин Д. А., Поникаров В. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществ-

— разработке и осуществлении мероприятий по предупреждению правонарушений, укреплению дисциплины среди бывших осужденных;

— проведении соответствующих действий личным составом полиции (в случае осложнения обстановки или возникновения эксцессов среди бывших осужденных).

Взаимодействие должно быть особенно тесным и четким при внедрении технических средств в систему надзора. Соблюдение бывшими осужденными дисциплины, создание и поддержание установленного правопорядка в решающей степени зависят от системы организации надзора и соответствующего реагирования на каждое нарушение бывшими осужденными правил поведения, их общих и специфических обязанностей. Надзор позволяет обеспечить нормальные условия для проведения целенаправленной работы по их исправлению. Соответственно, сущность надзора аккумулируется в следующих постулатах:

1. Надзор имеет свое юридическое основание.
2. Направлен на вторичное предупреждение преступности.
3. Регламентируется нормативными правовыми актами.
4. Своим существованием он удерживает от совершения преступлений еще задолго до того, как начнут складываться результаты целенаправленного воздействия.
5. Плановая реализация надзорных мероприятий позволяет своевременно выявить те условия, которые, не являясь криминогенными, могут быть использованы для совершения последующего преступления.

1. Peretz V. I. Legal and organizational problems of public administrative supervision by the police. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1980: 12 (in Russian).

2. Veklenko V. V., Beketov O. I. Administrative supervision of the police over persons released from prison: arguments in favor of restoration. *Police law*, 40—43, 2006 (in Russian).

3. Guskov V. I., Ivanov A. P. The role of administrative supervision in preventing the recurrence of crimes. Tutorial. Ryazan: Publishing House of the RVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1982: 72 (in Russian).

4. Arkhipov D. N., Grishin D. A., Ponikarov V. A. Administrative supervision of persons released from prison, carried out by the police and peniten-

ляемый полицией и учреждениями пенитенциарной системы России: монография. Рязань: Рязанский филиал Моск. ун-та МВД России, 2011. 106 с.

5. Серегин А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1968. 108 с.

6. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. 344 с.

© Поникаров В. А., Поникарова Т. В., 2021

Поникаров Владимир Анатольевич,
профессор кафедры административного
и финансового права
Академии права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: Minrs@yandex.ru

Поникарова Татьяна Владимировна,
старший преподаватель-методист
психологического факультета
Академии права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России;
e-mail: Minrs@yandex.ru

tiary institutions of Russia. Monograph. Ryazan: Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011: 106 (in Russian).

5. Seregin A. V. Administrative responsibility for violation of public order. Moscow; 1968: 108 (in Russian).

6. Bahrach D. N. Soviet legislation on administrative responsibility. Perm; 1969: 344 (in Russian).

© Ponikarov V. A., Ponikarova T. V., 2021

Ponikarov Vladimir Anatolievich,
professor at the department of administrative
and financial law
of the Academy of law management
of the FPS of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: Minrs@yandex.ru

Ponikarova Tatiana Vladimirovna,
senior lecturer and methodologist
of the faculty of psychology
of the Academy of law management
of the FPS of Russia;
e-mail: Minrs@yandex.ru

* * *

УДК 343.8
ББК 67.409
doi:10.25724/VAMVD.UDEF

С. В. Поникаров

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается проблема несогласованности законодательного регулирования вопросов, связанных с применением оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы в своей служебной деятельности. Автором на основе проведенного эмпирического исследования изложены научно обоснованные предложения по реформированию уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и иных положений, сопряженных с применением сотрудниками огнестрельного оружия, состоящего на вооружении Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. Рассматривается зарубежный опыт в этой сфере. В ходе своих рассуждений автор приходит к выводу о том, что применение оружия порождает только уголовно-правовые отношения; сотрудник уголовно-исполнительной системы имеет право принять табельное оружие только в случае совершения преступления осужденным или иным лицом; разграничение уголовных, уголовно-исполнительных норм и норм других отраслей обусловлено конкретным правоотношением (соответственно уголовным, уголовно-исполнительным или иным); в пределах уголовно-исполнительного законодательства на законных основаниях следует применять в качестве мер безопасности только физическую силу и спецсредства. Автором сформулирована редакция новой статьи, которой предлагается дополнить действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: использование оружия, преступление, пенитенциарная система, меры безопасности, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

S. V. Ponikarov

CRIMINAL LAW GROUNDS FOR THE USE OF FIREARMS BY OFFICERS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article addresses the problem of inconsistency in the legislative regulation of issues related to the use of weapons by employees of the penal system in their official activities. The author, on the basis of an empirical study, presents scientifically sound proposals for reforming criminal law, penal enforcement and other provisions involving the use of firearms by employees, which are in service with the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Foreign experience in this area is considered. In the course of his reasoning, the author concludes that the use of weapons only creates criminal relations; The officer of the penal system has the right to accept service weapons only in the event of the commission of a crime by a convicted or other person; The distinction between criminal, penal and other industries is based on a specific legal relationship (criminal, penal or other, respectively); Within the framework of penal enforcement legislation, only physical force and special equipment should be lawfully used as security measures. The author formulated a new article, which proposes to supplement the current Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: use of weapons, crime, penitentiary system, security measures, employees of the penal system.

В соответствии с Законом Российской Федерации № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения

свободы» от 21 июля 1993 г. сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) для пресечения противоправных действий имеют право

применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие [1]. Однако на практике при реализации этого права возникает много проблем.

Пробелы в правовом регулировании применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС при разных обстоятельствах до сих пор не получили всестороннего осмысления со стороны научного сообщества. Исследованию подвергались лишь отдельные вопросы, такие как положения об обоснованном риске [2], применение оружия сотрудниками полиции [3], организационные и тактические основы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел [4], административные аспекты государственно-персонального принуждения [5], необходимая оборона в рамках уголовных и криминологических аспектов [6], уголовно-правовые и криминологические аспекты применения принудительных мер (оружия, спецсредств) в рамках конкретного субъекта России (например, по материалам Астраханской области) [7] и другие [8; 9]. Вместе с тем вопросы, связанные с уголовно-правовым и уголовно-исполнительным регулированием применения оружия собственно сотрудниками пенитенциарной системы России, тоже нуждаются в тщательном изучении и анализе.

Итак, Закон Российской Федерации № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. в главе 5 дает перечень обстоятельств, при которых сотрудникам УИС разрешается применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ) также содержится норма, регулирующая данный вопрос, — это ст. 86, в которой содержится перечень мер безопасности.

Рассмотрим подробнее механизм применения сотрудниками пенитенциарной системы, равно как и других правоохранительных органов, физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В соответствии с законодательством поводом для применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия может стать в равной степени как административное правонарушение, так и уголовно наказуемое деяние. Однако основания их применения различны.

Использование сотрудниками УИС физической силы и специальных средств обусловлено их *административно-правовым характером*, поскольку они не только регулируются исключительно нор-

мами административного права, но и применяются в основном за административные правонарушения, чего нельзя сказать об оружии (в таких ситуациях оно под запретом).

Огнестрельное оружие в соответствии с действующим законодательством может быть применено лишь при совершении преступлений; при этом возникают *уголовно-правовые отношения*, а не административно-правовые.

Вопрос о правовых основаниях применения сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия для пресечения противоправных действий является наиболее сложным, поэтому требует дополнительного изучения. Очевидно, что совершение фактически одинаковых действий сотрудниками разных ведомств регулируется различными законодательными актами. Так, применение табельного боевого оружия сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ФСБ) регламентировано Федеральным законом № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г.; сотрудниками Росгвардии — Федеральным законом № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г.; военнослужащими внешней разведки (далее — СВР) — Федеральным законом № 5-ФЗ «О внешней разведке» от 10 января 1996 г.; полицейскими — Федеральным законом № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г.; и т. д. Все приведенные законы содержат административно-правовые нормы, но фактически регламентируют уголовно-правовые отношения, поскольку применение оружия является составляющей уголовной сферы (основание его применения — совершение преступления). Нередко результатом применения огнестрельного оружия сотрудниками «силовых» структур может стать причиненный вред здоровью преступника и даже причинение смерти. В этих случаях проводится обязательное расследование, выясняются обстоятельства случившегося, правильность действий сотрудника, устанавливается его вина или невиновность. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: совершено преступление, а применение сотрудниками оружия, например для нейтрализации преступника, подчиняется нормам административного права. На наш взгляд, этого быть не должно.

Аналогичная ситуация складывается в рамках уголовно-исполнительного законодательства. Например, ст. 86 УИК РФ не порождает уголовно-исполнительных правоотношений. Приведенная правовая норма закрепляет исключительно уго-

ловно-правовые отношения в случае совершения осужденными таких преступлений, как побег из колонии, тюрьмы (ст. 313 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)); участие в массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ); захват заложника (ст. 206 УК РФ); и т. д.

Статья 31 Закона Российской Федерации № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. также закрепляет юридические факты из сферы уголовно-правовых отношений. В ней говорится, что сотрудники УИС имеют право применять огнестрельное оружие для защиты от нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан (*юридический факт закреплен в УК РФ в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья»*); для отражения нападения, угрожающего жизни и здоровью работников УИС, а также для отражения нападения с целью завладения оружием (*ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»*); *ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»*); для освобождения заложников (*ст. 206 УК РФ «Захват заложника»*); для отражения группового или вооруженного нападения на охраняемые объекты, помещения и сооружения учреждений, исполняющих наказания, а также на транспортные средства (*ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»*); *ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»*).

Сотрудники УИС имеют право применять огнестрельное оружие без предупреждения при отражении нападения с использованием оружия или транспортных средств (*гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности»*); *ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»*); при побеге осужденных и заключенных из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи с оружием, при помощи транспортных средств либо из транспортного средства во время движения (*ст. 313 УК РФ «Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»*); при попытке осужденного или заключенного, а также иного лица приблизиться к сотруднику УИС с обнаженным огнестрельным или холодным оружием либо предметами, с помощью которых может быть нанесено телесное повреждение, сократив при этом указанное сотрудником УИС расстояние, а также при попытке прикоснуться к его огнестрельному оружию (*ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»*).

Таким образом, административное правовое содержание (факт) возбуждает собственно уголовно-правовые отношения, а последние регулируются нормами административного права. Полагаем, это не вполне правильно.

Сам Закон Российской Федерации № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. состоит из норм административного права, но в части оснований применения табельного оружия «пробуждает» уголовные отношения. Следовательно, эти основания необходимо закрепить в УК РФ. В проанализированных нормативно-административных актах (законах) следует оставить нормы, закрепляющие право только на применение физической силы и спецсредств.

Другой проблемой в деятельности сотрудников УИС является недопустимость применения огнестрельного оружия за пределами исправительного учреждения. Совершенно очевидно, что противоправные действия, которые необходимо пресекать, могут происходить и за территорией колонии. Тем не менее сотрудники УИС имеют право применять меры безопасности только внутри режимного объекта. Любопытно, что в других странах эта норма действует иначе: сотрудники УИС могут применять меры безопасности везде, где происходят противоправные действия, в том числе и вне пенитенциарного учреждения, так как это обеспечивает безопасность охраняемой территории [10].

Для объективной оценки необходимости реформирования законодательства нами было предпринято эмпирическое исследование — интервьюирование практических сотрудников УИС¹, которое показало, что большинство сотрудников пенитенциарной системы (более 90 % опрошенных) считают применение оружия фактом, порождающим уголовно-правовые отношения. Респонденты практически единогласно пришли к мнению, что применение сотрудниками УИС оружия в пределах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, особенно при возникновении массовых беспорядков, должно регулироваться исключительно уголовными нормами, а применение физической силы и специальных средств — УИК РФ.

Спецсредства, по мнению практических сотрудников, надо использовать только те, которые находятся на вооружении учреждений и органов УИС, и в зависимости от ожидаемой силы сопротивления толпы. Как показывает практика, численность осужденных — активных участников беспорядков — может составлять от 15 до 150 человек. Следовательно, использование специальных средств против

групп осужденных необходимо зафиксировать в рамках уголовно-исполнительного законодательства.

В УИК РФ надо закрепить конкретные меры безопасности при применении оружия, для того чтобы осужденные имели представление о том, какие специальные средства могут быть использованы против них в случае возникновения массовых беспорядков. Целесообразно зафиксировать в УИК РФ специальный понятийный аппарат, так как до сих пор практическим сотрудникам непонятны следующие критерии:

1) оказание осужденными сопротивления пенитенциарному персоналу (юридически закрепить термины «сопротивление», «нападение»);

2) неповиновение персоналу;

3) проявления буйства и др.

В уголовно-исполнительном законодательстве, которое регулирует правовые отношения, возникающие при задержании бежавших из исправительной колонии и подлежащих конвоированию осужденных, кроме всего перечисленного следует отобразить статус специальных автомобилей, вагонов (для лесных исправительных учреждений), а также зафиксировать, что для перевозки осужденных назначается караул во главе с начальником, караульными и часовыми.

Проведенное нами исследование позволило сформулировать ряд выводов.

1. Применение оружия порождает только уголовно-правовые отношения.

2. Сотрудник УИС имеет право принять табельное оружие только в случае совершения преступления осужденным или иным лицом.

3. Разграничение уголовных, уголовно-исполнительных норм и норм других отраслей обусловлено конкретным правоотношением (соответственно уголовным, уголовно-исполнительным или иным).

4. В пределах уголовно-исполнительного законодательства на законных основаниях следует применять в качестве мер безопасности только физическую силу и спецсредства.

5. Целесообразно юридически зафиксировать в УК РФ в виде отдельной статьи единые основания применения оружия сотрудниками всех правоохранительных органов и военнослужащими России, изложив ее в следующей редакции:

«Сотрудники всех правоохранительных органов имеют право применять огнестрельное оружие лично или в составе подразделения в следующих случаях:

1) необходимой обороны и крайней необходимости;

2) внезапного группового (2 и более человек) или вооруженного нападения;

3) для защиты любого физического лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья».

6. Федеральные законы, по которым сотрудники силовых структур применяют табельное оружие, содержат нормы административного (управленческого), а не уголовного права.

Осмысление и понимание указанных обстоятельств будет способствовать законной реализации сотрудниками УИС мер безопасности в своей деятельности.

Примечание

¹ Опрос 218 человек осуществлялся в период с февраля 2020 г. по январь 2021 г. среди обучающихся Академии ФСИН России (г. Рязань), прибывших из разнообразных подразделений уголовно-исполнительной системы (оперативные работники, сотрудники отдела безопасности, охраны), география которых представлена двенадцатью регионами страны.

1. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Соотношение административно-правового и уголовно-правового регулирования применения оружия сотрудниками УИС и другими работниками правоохранительных органов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 119—121.

2. Захарова С. С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 237 с.

3. Каплунов А. И. применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законода-

1. Ponikarov V. A., Ponikarov S. V. Ratio of administrative-legal and criminal-legal regulation of the use of weapons by police officers and other law enforcement officials. Man: crime and punishment, 119—121, 2014 (in Russian).

2. Zakharova S. S. Justified risk in the criminal law of the Russian Federation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Ryazan; 2005: 237 (in Russian).

3. Kaplunov A. I. Use of firearms by police officers: legislation, theory and practice. Monograph.

тельство, теория и практика: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2018. 260 с.

4. Калмыков Г. И. Правовые, организационные и тактические основы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 216 с.

5. Макаренко Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретико-прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 1170 с.

6. Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 238 с.

7. Уразалин И. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел (по материалам Астраханской области): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 237 с.

8. Опарин В. Н. Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 225 с.

9. Новеллы, связанные с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы в их правоохранительной деятельности / В. А. Поникаров, И. Н. Калущий, С. М. Смолев, С. В. Строилов // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 3. С. 384—389.

10. Lobel O. Interlocking Regulatory and Industrial Relations: The Governance of Workplace Safety // *Administrative Law Review*. 2015. Vol. 57, No. 4. P. 1071—1151.

© Поникаров С. В., 2021

Поникаров Сергей Владимирович,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России;
e-mail: Minrs@yandex.ru

Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg, Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 260 (in Russian).

4. Kalmykov G. I. Legal, organizational and tactical foundations of the use of firearms by employees of internal affairs bodies. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2003: 216 (in Russian).

5. Makarenko N. V. State coercion in the mechanism of ensuring economic security: theoretical and applied problems. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2016: 1170 (in Russian).

6. Merkuryev V. V. Necessary defense: criminal legal and criminological aspects. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Ryazan; 1998: 238 (in Russian).

7. Urazalin I. M. Criminal and criminological aspects of the use of physical force, special means and firearms by employees of the internal affairs bodies (based on materials of the Astrakhan region). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2004: 237 (in Russian).

8. Oparin V. N. Legal regulation of the use of measures of direct coercion by law enforcement officials of the Russian Federation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Omsk; 1998: 225 (in Russian).

9. Ponikarov V. A., Kalutsky I. N., Smolev S. M., Stroilov S. V. Novella, related to the use of physical force, special means and firearms by employees of the penal system in their law enforcement activities. *Man: crime and punishment*, 384—389, 2017 (in Russian).

10. Lobel O. Interlocking Regulatory and Industrial Relations: The Governance of Workplace Safety. *Administrative Law Review*, 1071—1151, 2015 (in English).

© Ponikarov S. V., 2021

Ponikarov Sergey Vladimirovich,

adjunct of the faculty of training of scientific and pedagogical personnel of the Academy of law management of the FPS of Russia;
e-mail: Minrs@yandex.ru

* * *

УДК 343.97
ББК 67.515
doi:10.25724/VAMVD.UFEG

Г. М. Семенов, А. А. Базулина, А. Н. Четвероус

ОБ ОСНОВНЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ВОДИТЕЛЕЙ ЛЕГКОВОГО ТАКСИ

Несмотря на то что в последние годы благодаря принимаемым мерам в России снижается количество дорожно-транспортных происшествий, вызывает беспокойство факт роста числа инцидентов, произошедших по вине водителей легкового такси. Как свидетельствуют данные официальной статистики, увеличение количества таких происшествий наблюдается в крупных городах по ряду причин.

Обеспечение безопасности дорожного движения — одна из важнейших задач, стоящих перед органами государственной власти. Авторами статьи в целях выработки системы мер, направленных на сокращение числа дорожно-транспортных происшествий с участием легкового такси, были изучены детерминанты, способствующие их совершению, предложена классификация мер, предупреждающих дорожно-транспортные происшествия, совершаемые по вине водителей легкового такси, в том числе выделены меры контроля за деятельностью водителей со стороны государства и таксомоторных компаний.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, водители легкового такси, таксомоторная компания, детерминанты.

G. M. Semenenko, A. A. Bazulina, A. N. Chetverous

THE MAIN DETERMINANTS OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS INVOLVING TAXI DRIVERS

Despite the fact that in recent years, due to the measures taken, the number of road accidents in Russia has been on the decline, the increased number of incidents caused by taxi drivers is a matter of concern. According to official statistical data, the increase in the number of such accidents has been observed in large cities for a number of reasons.

Ensuring road safety is one of the most important tasks facing government bodies. In order to develop a system of measures aimed to reduce the number of road traffic accidents involving taxis, the authors of the article studied the determinants fostering commission of such crimes. They proposed a classification of measures to prevent road traffic accidents caused by taxi drivers and also identified measures for the State and taxi companies to control the drivers' work.

Key words: road traffic accidents, taxi drivers, a taxi company, determinants.

Благодаря принятым в 2019—2020 гг. мерам по предупреждению дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) произошло снижение основных показателей аварийности на дороге [1], в том числе этому поспособствовало сокращение продаж легковых автомобилей. В 2019 г. в России было продано 1 759 532 новых легковых и легких коммерческих автомобиля, что на 2,3 % меньше, чем в 2018 г. [2]. Аналогичная ситуация сложилась и в 2020 г.: рынок просел на 9,1 % [3]. Однако говорить о глобальных успехах пока не приходится.

По данным Всемирной организации здравоохранения, каждый год в мире в автомобильных авариях гибнут 1,35 млн человек. В минувшем году в нашей стране произошло 168 тыс. ДТП, жертвами которых стали более 18 тыс. человек. Таким образом, на долю России приходится примерно 1,3 % смертельных исходов ДТП (население страны составляет 1,9 % от мирового) [4]. «По регистрации совершенных ДТП снижение составило 3 %, на 8,3 % меньше погибло в ДТП и на 2,2 % меньше ранено по территории страны», — отметил первый замес-

титель Министра внутренних дел Российской Федерации А. В. Горовой. Вместе с тем ДТП с участием водителей легкового такси стало больше. Это связано с резким увеличением сегмента оказания услуг по перевозке пассажиров. Так, в 2015—2019 гг. натуральный объем рынка такси в стране увеличился на 83,3 %: число поездок возросло с 1 470,3 млн в 2015 г. до 2 695,1 млн в 2019 г. Основной прирост пришелся на 2016—2017 гг., когда рынок в натуральном выражении повысился на 25,0—27,4 % в год. Причинами данной ситуации послужило и завоевание рынка крупными агрегаторами такси. В целях привлечения клиентов они часто заметно снижали цены на услуги. В результате деятельности таксомоторных компаний легковое такси стало доступнее, появились программы лояльности для

пассажиров, сократились сроки ожидания машин, уменьшился холостой пробег [5]. Рост числа такси обусловил увеличение количества ДТП с их участием. Например, в 2019 г. удельный вес ДТП, совершенных водителями легкового такси, составил 64,2 % [6]. Наиболее часто такие ДТП происходят в крупных городах: в Москве — 65,4 %, Московской области — 66,3 %, Санкт-Петербурге — 61,7 %. Показатель свыше 80 % наблюдается в Республике Коми, Вологодской, Ленинградской и Волгоградской областях (рис. 1). В Челябинской области за нарушения, выявленные автоматическими системами фиксации, в 2019 г. было вынесено 886 671 постановлений водителям легкового такси на общую сумму 661,6 млн руб., рост к предыдущему году составил 82 % [7].

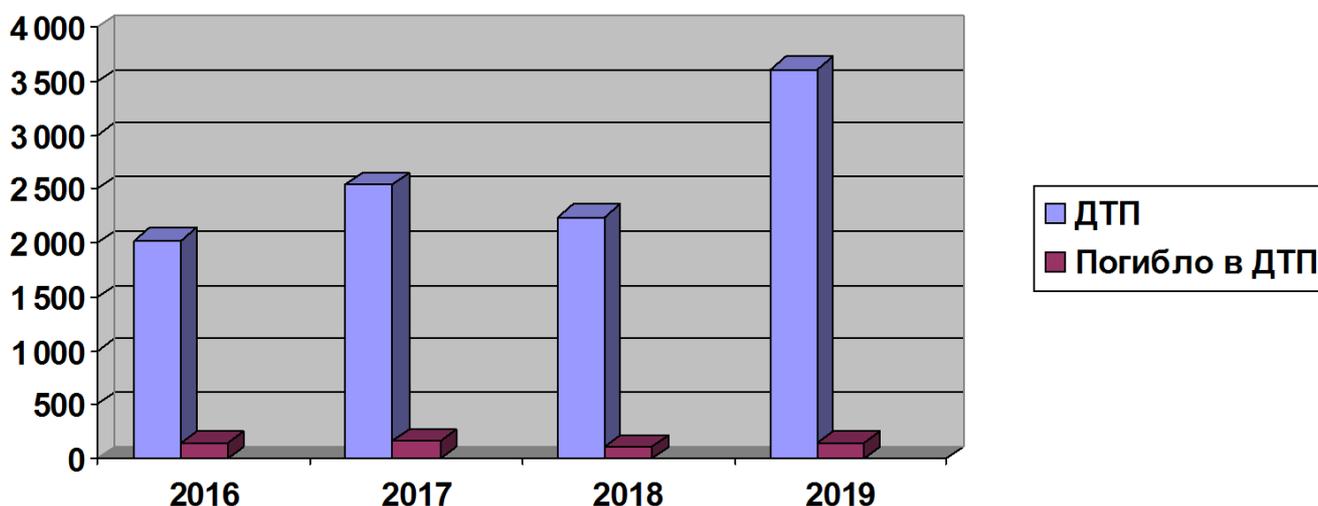

Рис. 1. Количество ДТП с участием легкового такси и погибших в них лиц

Из диаграммы видно, что на протяжении последних лет отмечается рост ДТП с участием легкового такси. На это в своем выступлении обратил внимание начальник организационно-аналитического управления ГИБДД МВД России С. А. Рыжов. По его словам, жертвами аварий по вине водителей легкового такси стали 110 человек (+41 %), еще 3,66 тыс. получили ранения различной степени тяжести (+63,9 %) [8].

Однако нами приведены данные только по лицензируемым перевозкам. Сведения по тем, кто оказывает услуги легкового такси без лицензии или на личном автотранспорте без специальных обозначений, в официальных источниках отсутствуют. Об увеличении количества ДТП с участием водителей легкового такси говорят и страховые компании: частота страховых случаев по ОСАГО легкового такси в шесть раз превышает частоту по легко-

вым транспортным средствам, использовавшимся в личных или коммерческих целях. Страховщики поясняют, что это обстоятельство связано с более частым согласием водителя легкового такси со своей виной без затаянного разбирательства для сокращения времени простоя транспортного средства в момент ДТП. Мы согласны с мнением О. В. Стрильца: «...Причин ДТП много, но, как бы разнообразны они ни были, в большинстве случаев вина лежит именно на человеке. Наибольшую опасность представляет сознательное нарушение Правил дорожного движения, получившее сегодня, к сожалению, широкое распространение» [9]. Риск причинения вреда здоровью или гибели пассажира обуславливает специфику профессиональной деятельности водителей легкового такси и, как следствие, влечет за собой повышенные требования к уровню их подготовки и контролю за ними.

Ю. С. Жариков отмечает, что предупреждение преступности в целом и отдельных ее видов должно строиться с учетом выявленных детерминантов [10]. Для выработки мер, направленных на сокращение числа ДТП с участием легкового такси, а также на совершенствование правового регулирования названного вида деятельности, нами был проведен анализ данных официальной статистики ГИБДД МВД России, мнений ученых [11], нормативных правовых актов Российской Федерации. В результате предлагаем классифицировать ДТП с участием легкового такси с учетом следующих детерминантов:

— совершение ДТП, обусловленное нарушениями психофизиологической регуляции деятельности водителя легкового такси;

— совершение ДТП водителем легкового такси в результате технических недостатков или неисправности автотранспортного средства;

— совершение ДТП водителем легкового такси в связи с низким контролем со стороны таксомоторных компаний, осуществляющих организацию пассажирских перевозок.

Сегодня в качестве мер предупреждения ДТП предлагаются увеличение суммы штрафов и ужесточение ответственности. По нашему мнению, этого недостаточно. Необходим комплекс мер, где должна быть предусмотрена ответственность и водителей легкового такси, и таксомоторных компаний. Кроме того, нужно внедрить инновационные технологии, а также регулярно заниматься профилактикой. Чтобы сделать это, объединим детерминанты совершения ДТП с участием легкового такси в группы, для каждой из которых разработаем комплекс мер, направленных на предупреждение происшествий.

В соответствии с предложенной нами ранее классификацией в первую группу детерминантов считаем необходимым включить возраст водителя легкового такси и стаж вождения.

Возраст водителя легкового такси

Возраст водителя позволяет судить о степени интенсивности девиантного поведения при управлении транспортным средством, а также об уровне ответственности при выполнении профессиональных функций (рис. 2).

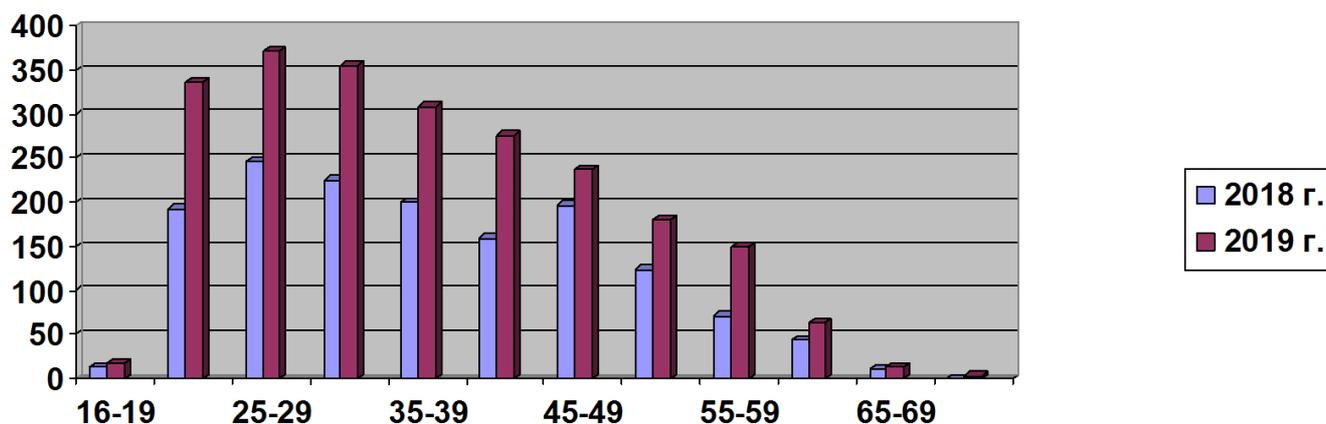

Рис. 2. Возраст водителей легкового такси — участников ДТП

Из диаграммы видно, что наиболее часто участниками ДТП становятся водители 25—29 лет (371 ДТП) и 30—34 лет (355 ДТП). Минимальное количество таковых составляют лица 45—70 лет. На наш взгляд, это обусловлено тем, что последняя категория имеет большой стаж вождения, обдуманно подходит к выполнению своих функций. Кроме того, к данному возрасту у человека выработана своя манера вождения, сформирован рациональный подход к выбору автотранспортного средства и уходу за ним. Среди причин, по которым значительное количество ДТП происходит с участием лиц 25—34 лет, нужно назвать маленький

стаж вождения, сопровождающийся самоуверенностью, импульсивностью, незнанием технических особенностей автомобиля и т. д. В целях недопущения ДТП водителями легкового такси мы предлагаем таксомоторным компаниям регулярно проводить занятия с водителями, где обсуждать Правила дорожного движения и изменения, внесенные в них, транслировать ролики о ДТП и комментировать их и др. На такие занятия иногда следует приглашать сотрудников ГИБДД МВД России. Однако ограничиваться теорией не стоит. Нужно совершенствовать и практические знания: тренировать уход от столкновения, экстренное тормо-

жение, отрабатывать навыки по оказанию первой помощи. С теми водителями, кто постоянно нарушает Правила дорожного движения, проводить дополнительные занятия, если ситуация не меняется к лучшему — отстранять от управления транспортным средством.

Стаж вождения

Лицам, имеющим стаж вождения менее пяти лет, свойственно переоценивать свои возможности и возможности транспортного средства. Согласно статистике именно такие лица совершают около 15 % всех ДТП с погибшими или пострадавшими (рис. 2). Как показывает практика, после нескольких месяцев самостоятельного управления автомобилем у водителя пропадает чувство страха, появляются самоуверенность, азарт и т. д., у водителей легкового такси все это сопряжено с желанием как можно больше заработать, быстрее доставить пассажира до места назначения, получить новый заказ и т. д. Среди основных причин ДТП с участием водителей легкового такси, имеющих стаж вождения менее 5 лет, укажем: несоблюдение очередности выезда на перекресток (26 %); неправильный выбор дистанции (14 %); нарушение расположения транспортных средств на проезжей части (11 %); превышение скоростного режима (40 %); плохое понимание автомобиля (когда человек «не чувствует» машину и не знает, как она поведет себя в той или иной ситуации на дороге) (9 %). Для сокращения числа ДТП с участием водителей легкового такси нужно, во-первых, дополнить ч. 2 ст. 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [12] (условия получения права на управление транспортными средствами) пунктом следующего содержания: «...транспортными средствами категории М1 лицам, достигшим двадцатиоднолетнего возраста»; во-вторых, в случаях совершения ДТП по вине водителей легкового такси в первые два года работы отправлять их на переобучение или переподготовку в автошколе, отстранять от управления транспортным средством на 20 дней.

Во вторую группу детерминантов совершения ДТП мы включили *технические неисправности автотранспортного средства*. Нарушения правил эксплуатации могут состоять в использовании автомобилей при наличии у них технических неисправностей¹, одни из которых представляют опасность, другие нет. Техническое состояние транспортного средства необходимо периодически контролировать, однако далеко не каждый водитель добросовестно выполняет эту обязанность, особенно если речь идет о самозанятых лицах. Об этом

свидетельствуют рейды, проводимые сотрудниками ГИБДД МВД России, а также нарушения, выявляемые с помощью средств фотовидеофиксации. С начала 2019 г. комплексы автоматической фотовидеофиксации зафиксировали в Москве 1 889 случаев, когда на автомобилях легкового такси отсутствовали цветографическая схема в виде «шашечек» или опознавательные знаки в виде фонаря [13].

Низкий уровень технического состояния автомобилей легкового такси подтверждает и проведенное исследование причин ДТП с участием легкового такси в Российской Федерации в 2019 г.: технические неисправности автомобилей привели к 136 ДТП, в которых погибли 10 человек, получили ранения 177 человек. Доля таких ДТП в 2019 г. составила 3,8 % и соответствует среднему уровню всех подобных ДТП в стране (4,1 %) [6]. Исходя из сказанного, предлагаем следующие меры, направленные на недопущение совершения водителями легкового такси ДТП, связанных с техническими неисправностями автомобилей. Во-первых, таксомоторным компаниям нужно регулярно проводить проверку технического состояния легкового такси перед выездом на линию с фиксацией в соответствующих журналах и выдачей водителю путевого листа. Во-вторых, для выявления недобросовестных водителей сотрудникам ГИБДД необходимо ежеквартально осуществлять как плановые, так и внеплановые проверки.

К третьей группе детерминантов совершения ДТП водителями легкового такси мы отнесли *низкий уровень контроля за их деятельностью со стороны таксомоторных компаний*. Рост числа ДТП с участием легкового такси Департамент транспорта г. Москвы объяснил так: «Таксомоторные компании часто пренебрегают режимом труда и отдыха, из-за чего водители ездят за рулем в состоянии сильной усталости или нервного перенапряжения. Таксомоторные компании должны быть внимательны к своим сотрудникам и брать на себя ответственность за жизнь людей, которые, в свою очередь, приносят им прибыль, а также гарантировать справедливую оплату труда водителям легкового такси, так как таксомоторные компании устанавливают тарифы, маршруты и т. д.». Управление транспортным средством в течение продолжительного времени приравнено психологами к монотонной работе. При движении свыше 4—5 ч у некоторых людей скорость реакции снижается на 30 %. Если человек находится в дороге каждый день, он утомляется намного быстрее. Заработок водителей такси прямо пропорционален количеству перевозок, поэтому довольно часто они игнорируют

чувство усталости. Их главная цель — выполнить как можно больше заказов, следствием этого являются засыпание за рулем или совершение опасных маневров, что неминуемо влечет за собой совершение ДТП. Приведем пример. В феврале 2021 г. на 522-м километре трассы Сызрань — Саратов — Волгоград произошло ДТП с участием легкового автомобиля и двух фур. Водитель такси на автомобиле Ford Focus ехал в сторону Камышина, при обгоне грузовика он не рассчитал маневр и совершил лобовое столкновение с другим грузовиком на встречной полосе, затем был протаранен обгоняемой фурой. Один из грузовиков после столкновения съехал в кювет и опрокинулся. В результате ДТП водитель легкового такси погиб на месте,

его пассажир в тяжелом состоянии госпитализирован [14]. В числе причин совершения водителями легкового такси ДТП нужно также назвать использование ими во время управления транспортным средством мобильных телефонов. В качестве решения комплекса данных проблем предлагаем оснащение автотранспортных средств легкового такси камерами видеонаблюдения, которые бы отслеживали психофизиологическое состояние водителей и передавали соответствующую информацию на пульт управления и контроля за транспортным средством. Кроме того, считаем важным введение распорядка рабочего дня, где будут соблюдаться режимы труда и отдыха (табл. 1).

Таблица 1

Примерный распорядок для водителя легкового такси

Действия водителя	Фактическое время, ч	Рабочее время, ч
Управление легковым такси	4	4
Перерыв	2	
Обед	2	
Управление легковым такси	2	2
Итого	10	6

Приведенный нами перечень детерминантов совершения ДТП водителями легкового такси не является исчерпывающим. Однако, на наш

взгляд, если сосредоточить внимание даже на этих причинах и условиях и устранить их, количество ДТП существенно снизится.

Примечание

¹ Перечень таких неисправностей закреплен в приложении к Правилам дорожного движения «Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности движения».

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <https://www.autonews.ru/news/5e1d98d59a79473f3baa2e4b> (дата обращения 10.02.2021).

3. URL: <https://motor.ru/news/rus-sales-2020-14-01-2021.html> (дата обращения 10.02.2021).

4. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/17/12816866.shtml> (дата обращения 18.02.2021).

5. URL: <https://marketing.rbc.ru/research/28065/> (дата обращения 10.02.2021).

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 on 7 May 2018. "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Available from: <https://www.autonews.ru/news/5e1d98d59a79473f3baa2e4b>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

3. Available from: <https://motor.ru/news/rus-sales-2020-14-01-2021.html>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

4. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2019/11/17/12816866.shtml>. Accessed: 18 February 2021 (in Russian).

6. Аналитический обзор «Исследование причин дорожно-транспортных происшествий с участием легкового такси в Российской Федерации».

7. URL: <https://www.znak.com/2020-03-19> (дата обращения 10.02.2021).

8. URL: <https://www.autonews.ru/news/5de640b99a79477b824d1600> (дата обращения 10.02.2021).

9. Стрилец О. В., Семененко Г. М., Пшеничкин А. А. Дорожно-транспортные происшествия с участием пешеходов: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 48—56.

10. Жариков Ю. С., Ревин В. П., Ревина В. В. Теоретические основы криминологии и предупреждения преступности: моногр. / под науч. ред. В. П. Ревина. М.: Изд-во Современного гос. ун-та, 2013. 460 с.

11. Семененко Г. М., Чхвимиани Э. Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 62—69.

12. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2891936> (дата обращения 10.02.2021).

14. URL: <https://v1.ru/text/incidents/2021/02/11/69762545/> (дата обращения 10.02.2021).

© Семененко Г. М., Базулина А. А.,
Четвероус А. Н., 2021

5. Available from: <https://marketing.rbc.ru/research/28065/>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

6. Analytical review "Research of the causes of road accidents involving passenger taxis in the Russian Federation" (in Russian).

7. Available from: <https://www.znak.com/2020-03-19>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

8. Available from: <https://www.autonews.ru/news/5de640b99a79477b824d1600>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

9. Strilets O. V., Semenenko G. M., Pshenichkin A. A. Road traffic accidents involving pedestrians: criminal law and criminological aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 48—56, 2019 (in Russian).

10. Zharikov Yu. S., Revin V. P., Revina V. V. Theoretical foundations of criminology and crime prevention. Monograph. Scientific ed. V. P. Revin. Moscow: Publishing house of the Modern State University; 2013: 460 (in Russian).

11. Semenenko G. M., Chkhvimiani E. Zh. Application of innovative technologies to prevent road traffic accidents on the territory of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 62—69, 2018 (in Russian).

12. Federal Law No. 196-FZ on 10 December 1995. "On road safety". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

13. Available from: <https://www.mskagency.ru/materials/2891936>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

14. Available from: <https://v1.ru/text/incidents/2021/02/11/69762545/>. Accessed: 10 February 2021 (in Russian).

© Semenenko G. M., Bazulina A. A.,
Chetverous A. N., 2021

Семененко Григорий Михайлович,
заместитель начальника
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Semenenko Grigori Mikhailovich,
deputy head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: grigorii_001@mail.ru

Базулина Анна Анатольевна,
доцент кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

Четвероус Алексей Николаевич,
старший преподаватель
кафедры огневой и физической подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России

Bazulina Anna Anatolevna,
associate professor at the department
of pedagogy of the training
and scientific complex
of performance psychology
of Kikot Moscow university
of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of pedagogical sciences

Chetverous Alexey Nikolaevich,
senior lecturer at the department
of physical and fire training
of the Volgodonsk branch of Rostov
law institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

* * *

УДК 343.123
ББК 67.410.211
doi:10.25724/VAMVD.UFGH

В. В. Волох, Н. С. Гордилов

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Настоящая статья посвящена начальной стадии уголовного судопроизводства — возбуждению уголовного дела. Обосновывая актуальность темы исследования, авторы подчеркивают особую роль и значение данной стадии процессуальной деятельности и критически оценивают призывы к ее упразднению, которые с различной периодичностью озвучиваются в юридической литературе. Излагаются также актуальные проблемы, которые существуют в правоприменительной практике на данном этапе процессуальной деятельности. В качестве таковых называются: тотальное несоблюдение процессуальных сроков проверки сообщений о преступлении, тенденция на формирование «двухъярусного» предварительного расследования с ростом числа следственных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, недостаточная самостоятельность следователя при проверке сообщения о преступлении, низкое качество осуществляемых проверок сообщений о преступлении. Предлагаются возможные варианты решения названных проблем и делается вывод, что многолетняя дискуссия об оптимальной модели организации проверки сообщений о преступлениях далека от своего завершения.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, следователь, проверка сообщения о преступлении, процессуальные сроки.

V. V. Volokh, N. S. Gorodilov

**THE INITIATION OF THE CRIMINAL CASE
IN CRIMINAL PROCEDURE: CURRENT ISSUES**

The following article is devoted to the beginning stage of criminal proceedings – the initiation of the criminal case. Justifying the relevance of the research topic, authors emphasize the specific role and significance of such a procedural stage and evaluate critically suggestions for its abolition that appear in legal literature periodically. Current issues existing in the law enforcement practice of this procedural stage are also expressed. Such issues are: total non-compliance of procedural time limits of criminal reports checking, the tendency of forming the "two-tiered" preliminary investigation with increasing number of investigative actions allowed before the initiation of criminal proceedings, lack of investigator's independence on criminal reports checking, low quality of criminal reports checking. Possible solutions of listed issues are suggested and it is concluded that the long-term discussion of the optimal criminal reports checking organization model is far from its end.

Key words: initiation of a criminal case, criminal procedure, investigator, verification of a crime report, procedural terms.

Уголовно-процессуальное право и основанный на его нормах порядок рассмотрения и разрешения уголовных дел вот уже длительное время находятся в состоянии перманентного реформирования. С начала 2020 г. было принято пятнадцать федеральных законов, которые вносили изменения в текст Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Поток законодательных нововведений, основной массив

которого лишен прикладного значения¹, размывает очертания уголовно-процессуальной политики и скрывает направление развития российского уголовного процесса. Некоторые специалисты не без оснований утверждают, что реформирование в уголовном процессе — это уже не способ достижения долгосрочных и реальных результатов, а постоянное состояние отечественного судопроизводства [1, с. 67].

Не обделил законодатель своим вниманием и стадию возбуждения уголовного дела, которая является объектом настоящего исследования². Необходимость анализа *post factum* изменений, внесенных в раздел VII УПК РФ в последнее время, а также складывающейся правоприменительной практики при решении вопроса о начале уголовного преследования обосновывают актуальность данного исследования. Говоря о причинах актуальности темы, необходимо также заметить, что стадия возбуждения уголовного дела во все времена привлекала внимание ученых своим особым положением — это первоначальная стадия уголовного судопроизводства, в рамках которой решается ключевой вопрос о «целесообразности уголовного преследования ввиду наличия или отсутствия в поступившем сообщении о преступлении признаков общественно опасного деяния» [2, с. 6]. Вопросу поиска оптимальной модели организации деятельности по установлению повода и основания для начала уголовного преследования посвятили свои исследования многие советские и российские правоведы: Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, А. Р. Михайленко, Р. Д. Рахунов, М. О. Румянцева, Г. П. Химичева, Р. Чупахин, В. Н. Яшин и др. (см.: [3—9]). Однако такой поиск, идущий не одно десятилетие, не окончен. Не ставя своей задачей при написании настоящей статьи разрешение всех теоретических и практических вопросов стадии возбуждения уголовного дела (которым посвящаются монографии и диссертации), ее авторы сосредоточили свое внимание на некоторых острых проблемах, которые возникают на данной стадии судопроизводства, а также предложили возможные и желаемые пути их решения.

Сердцевиной стадии возбуждения уголовного дела является деятельность должностных лиц правоохранительных органов по рассмотрению и проверке сообщения о преступлении (так называемая доследственная проверка). Именно в рамках доследственной проверки устанавливаются законность повода и основания для начала уголовного преследования (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Именно этот этап составляет основное содержание стадии возбуждения уголовного дела [10, с. 599]. И совершенно не удивительно, что львиная доля процессуальных нарушений и должностных злоупотреблений приходится на этап проверки сообщения о преступлении³. Будучи ограниченными требуемым объемом данной работы, мы перейдем к тезисному изложению выявленных нами проблем, которые возникают при осуществлении доследственной проверки.

Тотальное несоблюдение установленных процессуальных сроков при проверке сообщения о преступлении. Основной срок проверки сообщения о преступлении — трое суток с момента поступления сообщения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) совершенно не рассматривается правоприменителями как предельный. Продление срока до десяти суток, а при наличии на то оснований — до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), является абсолютной нормой. Вместе с тем ходатайства следователя (дознателя) и постановления руководителя следственного органа (начальника органа дознания, прокурора) зачастую составляются уже тогда, когда сроки для законной процессуальной деятельности истекли. Но сотрудникам правоохранительных органов нередко не хватает и этого времени. Для решения этой «проблемы» практика изобрела несколько способов обхода установленных законом сроков доследственной проверки (чч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ). Например, следователь при приближении конца срока доследственной проверки выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В этот же день руководитель следственного органа отменяет это постановление как незаконное или необоснованное и направляет материалы для дополнительной проверки, устанавливая ее новый срок (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Для этих же целей используется и передача сообщения по подследственности (ч. 1 ст. 145 УПК РФ) от одного правоохранительного органа (который уже начал, но еще не успел закончить доследственную проверку) другому, который в свою очередь возвращает материалы проверки обратно. Таким образом, проверка сообщения о преступлении может производиться сколь угодно долго.

Данная проблема может быть решена путем дополнения ст. 6¹ УПК РФ запретом использования положений процессуального закона, не связанных с процессуальными сроками (например, института подследственности), для продления предельно установленных сроков осуществления процессуальной деятельности, а также принятия новой редакции ст. 144 УПК РФ, содержащей положение о том, что при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по истечении максимального срока проверки сообщения уголовное дело должно быть возбуждено [10, с. 603]. Последнее положение будет дополнительной гарантией конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Превращение доследственной проверки в квази-расследование. Изначальная редакция ст. 144

УПК РФ не предусматривала возможности проведения процессуальных и тем более следственных действий в рамках проверки сообщения о преступлении, что в наибольшей мере соответствовало предназначению этого этапа как проверочного. В 2013 г. законодатель предоставил должностным лицам, проводящим проверку сообщений о преступлениях, довольно широкий спектр проверочных полномочий, а также прямо допустил проведение шести следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела [11]. В результате этого нововведения полномочия лица, проводящего доследственную проверку, очень сильно сблизилась с полномочиями лица, расследующего уголовное дело, а у теоретиков и практиков возникло множество вопросов. Например, какими нормами регламентируется порядок «изъятия документов и предметов», если они находятся не на месте происшествия? Анализ положений процессуального закона показывает, что такое изъятие допускается лишь в рамках обыска (ст. 182, 184 УПК РФ) и выемки (ст. 183 УПК РФ)⁴ — следственных действий, не предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Получается, что принудительное изъятие документов и предметов (за исключением тех, что находятся на месте происшествия) в рамках доследственной проверки недопустимо. Обязаны ли граждане давать объяснения должностным лицам? Несмотря на обязательность законных требований следователя (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), на стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют какие-либо способы принудительного исполнения таких требований. Поскольку объяснения, по общему правилу, берутся по месту службы следователя (который просто не может тратить время на сбор объяснений), то единственными гарантиями их получения становятся порядочность граждан и убедительность следователя.

В литературе часто высказывается мнение о необходимости расширения возможностей следователя на данной стадии, в частности, предоставления ему права на производство следственного эксперимента [12, с. 10] для наиболее эффективного расследования определенных категорий дел. Авторы, придерживающиеся такой точки зрения, преследуют благие цели: решение насущных проблем за счет точечных изменений уголовно-процессуального законодательства. В. В. Кирюшин и В. П. Силкин отмечают, что при расследовании дорожно-транспортного происшествия (ДТП) и решения вопроса о виновности или невиновности водителя важнейшее значение приобретают обстановка, климатические и погодные условия

в момент ДТП, поскольку их точное последующее воспроизведение невозможно. По их мнению, следователь должен иметь процессуально закрепленную возможность незамедлительного проведения следственного эксперимента (до возбуждения уголовного дела), чтобы «с максимальной точностью определить видимость пути и видимость препятствия с места водителя как в светлое, так и в темное время суток» и в тех климатических и погодных условиях, которые имели место [13, с. 20]. Озвученная проблема является актуальной, поэтому надлежит принять во внимание число ежегодно случающихся ДТП (145 073 за 2020 г. и 16 152 погибших [14]). Вместе с тем представляется, что ее решение посредством предоставления следователю (дознавателю) возможности проведения еще одного следственного действия до начала официального уголовного преследования слабо согласуется с классической теорией уголовного процесса, равно как и имевшее место в 2013 г. расширение «следственного арсенала» доследственной проверки. В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации «актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда. В соответствии с этим правила о порядке возбуждения дела *предваряют регулирование расследования...* (курсив наш. — В. В. и Н. Г.)» [15]. Как верно отмечается в литературе, «вывод о наличии преступления при принятии решения о возбуждении уголовного дела носит вероятностный характер» [6, с. 606]. У стадии возбуждения уголовного дела *не должно быть цели всестороннего исследования обстоятельств дела*, поскольку эту цель имеет следующая стадия уголовного процесса — предварительное расследование (раздел VIII УПК РФ). Иначе возникает ситуация дублирования процессуальных стадий. Профессор Б. Т. Безлепкин делает вывод, что редакция ст. 144 УПК РФ должна быть иной, потому что «уголовного дела безудержное разбухание доследственной проверки... до размеров еще одного, второго по счету предварительного расследования не соответствует назначению и сущности этой деятельности, порождает недоумение, волокиту и незаконные импровизации» [16] (т. е. опасные аналогии закона). Присоединяясь к озвученной позиции, отметим, что в настоящий момент назрела необходимость возвращения стадии возбуждения уголовного дела

ее первоначального назначения и ревизии тех изменений, которые были внесены в раздел VII УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

Необоснованные требования к содержанию постановления о возбуждении уголовного дела. С предыдущей проблемой тесно связана другая, порожденная требованием законодателя об указании в постановлении о возбуждении уголовного дела конкретной нормы уголовного закона (п. 4 ч. 1 ст. 146 УПК РФ), т. е. предварительной квалификации произошедшего без проведения расследования. Это положение процессуального закона ориентирует правоприменителя на поиск слишком большого для данной стадии процесса объема информации (без которого квалификация затруднена), что растягивает во времени доследственную проверку, мотивирует должностных лиц искать обходы установленных процессуальных сроков. Уголовно-правовую оценку обоснованно проводить только тогда, когда имеется достаточное количество информации о признаках преступления, а события прошлого познаны посредством уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого на стадии предварительного расследования. Даже *prima facie* очевидная квалификация может оказаться неверной при установлении, казалось бы, малозначительного факта. Например, письменное требование от одного гражданина к другому о передаче имущества под угрозой применения насилия по признакам объективной стороны преступления можно квалифицировать как вымогательство (ст. 163 УК РФ). Однако исследование действительного характера взаимоотношений граждан подчас заставляет убедиться, что причиной требования о передаче имущества является неисполнение обязательства потерпевшим перед обвиняемым. В такой ситуации уже возникают предпосылки для квалификации содеянного как самоуправства (ст. 330 УК РФ) [17]. Кроме того, часто на практике возникают такие вопросы квалификации, на которые сложно дать однозначный ответ, даже имея полное представление о событиях прошлого (например, отличить правомерную управленческую деятельность в организации в условиях предпринимательского риска от состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, получение должностным лицом взятки (ст. 290 УК РФ) от мошеннического похищения (ст. 159 УК РФ) и т. д.).

Представляется возможным исключить требование, содержащееся в п. 4 ч. 1 ст. 146 УПК РФ. Это не приведет к нарушению концепции о преде-

лах производства по уголовному делу по кругу деяний (*in rem*). Как известно, пределы производства по уголовному делу *in rem* формирует не квалификация деяния, а само общественно опасное деяние (конкретный эпизод). Потому в постановлении о возбуждении уголовного дела необходимо описывать фактические обстоятельства деяния, которые и будут задавать пределы предварительного расследования. Должностное лицо, ведущее предварительное расследование, будет связано теми фактами, которые отражены в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Недостаточная самостоятельность должностных лиц при проверке сообщения о преступлении. Данная проблема будет раскрыта на примере деятельности следователя. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в проверке сообщения о преступлении. Нормы процессуального закона не наделяют его правом давать следователю указания о том, как последнему проводить доследственную проверку. Вместе с тем на практике такие указания руководителя следственного органа в виде небольшого листка, прикрепляемого к титульному листу материалов проверки, делаются. Эти указания содержат перечень конкретных процессуальных действий, которые следователь должен совершить. Если же последний, будучи изначально убежденным в отсутствии признаков преступления, выполнит эти указания не полностью и примет решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то такое решение в большинстве случаев будет отменено. Это обстоятельство, очевидно, ограничивает самостоятельность следователя на стадии возбуждения уголовного дела. Данная проблема может быть решена на ведомственном уровне: достаточно дать разъяснения руководителям следственных органов о недопустимости ограничения самостоятельности следователей при проверке сообщений о преступлениях и обеспечить контроль.

Отсутствие должной исполнительности и внимательности при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела. Согласно положениям ч. 1 ст. 144 УПК РФ к кругу лиц, на которых возложена обязанность рассмотреть сообщение о преступлении, относятся, в том числе, следователь и дознаватель. В соответствии с п. 41 ч. 1 ст. 5 УПК РФ следователь — должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные процессуальным зако-

ном. Иными словами, на следователя помимо множества остальных возложены функции рассмотрения сообщений о преступлениях (на стадии возбуждения уголовного дела) и расследования уголовного дела в полном объеме (на стадии предварительного расследования). Названные две функции хоть и относятся к различным стадиям досудебного производства, на практике осуществляются следователем параллельно: расследование уголовных дел происходит с одновременным рассмотрением и разрешением бесчисленного числа материалов проверки. Следователь оказывается «между молотом и наковальней»: вся его деятельность должна совершаться в ограниченные сроки, а объем требуемых действий слишком велик, чтобы подходить к исполнению каждой своей обязанности с одинаковой рачительностью. В результате проверка и разрешение сообщений о преступлениях подчас происходят слишком формально. Практика складывается таким образом, что если заявитель не проявляет активности (чего от него закон не требует): не дает объяснений, не обжалует прокурору (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) или руководителю следственного органа (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) необоснованные решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и т. д., то акт о начале уголовного преследования не выносится. Отчасти такое положение объясняется перегруженностью следователей Следственного Комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов, вызванной недостаточной штатной численностью сотрудников, уполномоченных на расследование преступлений, отчасти — определенной профессиональной деформацией, когда любой материал проверки (который в будущем может стать уголовным делом, требующим длительного расследования) рассматривается как «дополнительная работа», от которой следователь стремится «избавиться».

Решение обозначенных проблем лежит, скорее, в финансовой плоскости. Необходимо увеличение штатной численности сотрудников органов предварительного расследования, которое невозможно без дополнительного финансирования из федерального бюджета и пересмотра бюджетной политики в этой части. Однако ожидать увеличения штатной численности сотрудников органов предварительного расследования, числа судебных ставок (судьи также подвержены колоссальной перегрузке) не стоит, поскольку в текущей экономической ситуации возможностью быть принятыми, как правило, обладают только те законопроекты, пояснительные записки к которым содержат фразу:

«Введение в действие указанного Федерального закона не потребует... расходов, покрываемых за счет федерального бюджета».

Многие авторы, анализируя законодательные изменения последних лет, которым подвергался раздел VIII УПК РФ, зарубежный опыт регулирования начального этапа уголовно-процессуальной деятельности, а также актуальные проблемы данной процессуальной стадии, озвучивают весьма смелые призывы о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела (см., например: [18—20]). Во избежание случаев необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела предлагается начинать уголовное преследование просто по факту поступления сообщения о готовящемся или совершенном преступлении. Приводятся весьма убедительные аргументы в пользу этой точки зрения с использованием данных компаративистики [21, с. 106]. Представляется, что с данной точкой зрения согласиться нельзя. Стадия возбуждения уголовного дела выполняет функцию своеобразного «фильтра», препятствующего напрасной трате материальных и человеческих ресурсов и вовлечению в орбиту уголовного процесса заведомо невиновных лиц. Как отмечал А. Ф. Кони: «Уголовное преследование — слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу» [22, с. 401]. Порой даже простое подозрение лица в совершении определенного преступления, распространение мнения об этом в социальной среде, где находится человек, на которого пало подозрение, неоправдимо меняет его жизнь. Данный факт достаточно убедительно был показан в художественном фильме Томаса Винтерберга «Охота». Формальная отмена стадии возбуждения уголовного дела, которая имела место в некоторых постсоветских государствах (например, на Украине), привела к ее «теневому» возрождению, замене устоявшихся процессуальных понятий на новые без изменений по сути [23, с. 8]. По какой-то причине исследователи, ратующие за упразднение стадии возбуждения уголовного дела, не принимают во внимание опыт наших ближайших соседей, отказавшихся от данной стадии и не получивших существенных результатов в виде достижения декларируемой цели защиты прав потерпевших.

В последнее время с подачи Председателя Верховного Суда Российской Федерации оживилась дискуссия по вопросу введения института следственных судей («*juge d'instruction*» в терминологии действующего Уголовно-процессуального кодекса Франции) [24], исход которой во многом может повлиять на стадию возбуждения уголовного дела. Ключевой идеей данного института, как известно, является наделение полномочиями по всестороннему и беспристрастному расследованию уголовного дела должностного лица, относящегося к судебному ведомству. Согласно ч. 1 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Франции «следственный судья в соответствии с законом производит все следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины. Он производит расследование объективно, собирая доказательства против и в пользу обвиняемого». В случае введения института следственных судей в отечественную правовую систему неизбежно встанет вопрос о построении новой модели предварительного расследования, пересмотра правил о доказательствах и доказывании, а также о создании новой процедуры проверки и разрешения сообщений о преступлениях. Предложения о столь масштабном изменении организации досудебных стадий уголовного процесса обязательно должны обсуждаться с представителями науки, чтобы ученые могли высказаться о качестве пред-

лагаемых законопроектов, их необходимости и провести анализ последствий их принятия.

Подводя итог вышесказанному, хочется заметить следующее. Современные проблемы стадии возбуждения уголовного дела носят дифференцированный характер. Вызывают опасение следующие негативные, по нашему мнению, явления: ставшее нормой несоблюдение процессуальных сроков проверки сообщений о преступлении, увеличение числа допускаемых до возбуждения уголовного дела следственных действий, тенденция на формирование «двухъярусного» предварительного расследования и низкое качество осуществляемых проверок сообщений о преступлении. Вместе с тем большинство этих проблем возможно устранить путем точечных редакционных правок текущего законодательства, изменения правоприменительной практики и увеличением штатной численности сотрудников органов предварительного расследования. Кардинальные перемены в духе отмены стадии возбуждения уголовного дела отечественному уголовному процессу не нужны: резких изменений в его истории и так было предостаточно. В то же время поиск оптимальной модели, в которой должна осуществляться деятельность по регистрации, проверке и рассмотрению сообщений о преступлениях, — задача, стоящая перед современной наукой уголовного процесса.

Примечания

¹ Так, например, в связи с принятием Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» фраза «судебный пристав-исполнитель» была заменена по всему тексту УПК РФ на «органы принудительного исполнения Российской Федерации».

² Последние изменения были внесены в раздел VII УПК РФ Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 67-ФЗ и связаны с запретом признания в качестве основания для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 и 228.4 УК РФ, самого факта нахождения лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружения в теле человека наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

³ Так, за период с января по август 2020 г. органами прокуратуры было выявлено 3 505 385 нарушений закона на досудебных стадиях уголовного процесса, при этом 2 413 104 нарушения пришлось на деятельность по приему, регистрации и рассмотрению сообщений о преступлении. Количество отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составило 1 267 151 (подробнее см.: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1890772/> (дата обращения: 18.10.2020)).

⁴ Некоторые исследователи отождествляют проверочное действие по «изъятию документов и предметов» с выемкой (следственное действие), что представляется неверным (см., напр.: Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017).

1. Головки Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67—82.
2. Румянцева М. О., Ажибеков М. А. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 14. С. 6—11.
3. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. Москва: Госюриздат, 1961. 206 с.
4. Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 150 с.
5. Рахунув Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Москва: Госюриздат, 1954. 88 с.
6. Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. Москва: Юстицинформ, 2019. 146 с/
7. Химичева Г. П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 180—205.
8. Чупахин Р. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях в свете УПК РФ: понятие, основные направления совершенствования правового института // Следователь. 2004. № 8. С. 22—24.
9. Яшин В. Н. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Яшин. Москва, 1999. 23 с.
10. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.]; под ред. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1280 с.
11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
12. Минеев И. М. Следственный эксперимент по фактам ДТП // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 10.
13. Кирюшин В. В., Силкин В. П. О проблемах проведения доследственных проверок по фактам дорожно-транспортных происшествий // Российский следователь. 2018. № 7. С. 20—23.
14. URL: <https://rg.ru/2021/02/17/v-2020-godu-vyroslo-chislo-dtp-iz-za-neispravnyh-mashin> (дата обращения: 19.04.2021).
1. Golovko L. V. Criminal justice in the conditions of permanent judicial reform. Law, 67—82, 2019 (in Russian).
2. Romyantseva M. O., Azhibekov M. A. The concept and significance of the stage of initiation of a criminal case. Bulletin of the Institute of World Civilizations, 6—11, 2017 (in Russian).
3. Zhogin N. V., Fatkullin F. N. Initiation of a criminal case. Moscow: Gosyurizdat; 1961: 206 (in Russian).
4. Mikhailenko A. R. Initiation of a criminal case in the Soviet criminal process. Saratov: Publishing house of Saratov University; 1975: 150 (in Russian).
5. Rakhunov R. D. Initiation of criminal proceedings in the Soviet criminal process. Moscow: Gosjurizdat; 1954: 88 (in Russian).
6. Romyantseva M. O. Initiation of criminal proceedings: problems and prospects. Monograph. Moscow: Justicinform; 2019: 146 (in Russian).
7. Khimicheva G. P. Initiation of a criminal case: problems of legal regulation and improvement of activity. "Black holes" in Russian legislation, 180—205, 2003 (in Russian).
8. Chupakhin R. Verification of statements and reports on crimes in the light of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the concept, the main directions of improving the legal institute. Investigator, 22—24, 2004 (in Russian).
9. Yashin V. N. Preliminary verification of primary materials about the crime. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2009: 23 (in Russian).
10. Arutyunyan A. A., Brusnitsyn L. V., Vasiliev O. L. (et al.) The course of criminal procedure. Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Statute; 2016: 1280 (in Russian).
11. Federal Law of Russian Federation No. 23-FZ on 4 March 2013. "On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013; No. 9; Art. 875 (in Russian).
12. Mineev I. M. Investigative experiment on the facts of road accidents. Russian justice, 10, 1998 (in Russian).
13. Kiryushin V. V., Silkin V. P. On the problems of conducting pre-investigation checks on the facts of road accidents, 20—23, 2018 (in Russian).
14. Available from: <https://rg.ru/2021/02/17/v-2020-godu-vyroslo-chislo-dtp-iz-za-neispravnyh-mashin>. Accessed: 19 April 2021 (in Russian).

15. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П. Абз. 2. П. 4 // СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

16. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

17. Приговор Мичуринского районного суда от 2 апреля 2014 г. по делу № 3-4583/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Боботов С. В., Вицин С. Е., Коган В. М. Пути совершенствования системы уголовной юстиции // Советское государство и право. 1989. № 4. С. 87—96.

19. Вицин С. Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54—56.

20. Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56—59.

21. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 101—109.

22. Кони А. Ф. Избранные произведения. Москва: Госюриздат, 1959. Т. 2. 627 с.

23. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / С. Г. Коновалов. Москва, 2018. 220 с.

24. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/28756/ (дата обращения: 19.04.2021).

© Волох В. В., Городилов Н. С., 2021

Волох Валерий Валерьевич,

адвокат Адвокатской палаты
Московской области,
управляющий партнер
Адвокатского бюро «Волох и партнеры»;
e-mail: 8240@apmo.ru

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P on 14 January 2000. "On the case of checking the Constitutionality of certain Provisions of the Criminal Procedure Code of the RSFSR Regulating the Powers of the Court to initiate a criminal case in connection with the complaint of the citizen I. P. Smirnova and the request of the Supreme Court of the Russian Federation". Paragraph 2; item 4. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2000; No. 5; Art. 611 (in Russian).

16. Bezlepkin B. T. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

17. The verdict of the Michurinsky District Court on 2 April 2014 in case No. 3-4583/2014. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

18. Bobotov S. V., Vitsin S. E., Kogan V. M. Ways to improve the criminal justice system. The Soviet State and Law, 87—96, 1989 (in Russian).

19. Vitsin S. E. Institute of initiation of a case in criminal proceedings. Russian Justice, 54—56, 2003 (in Russian).

20. Kruglikov A. P. Is the stage of initiation of a criminal case necessary in the modern criminal process of Russia? Russian Justice, 56—59, 2011 (in Russian).

21. Alexandrov A. S., Grachev S. A. The stage of initiation of a criminal case: it is impossible to liquidate it. Legal science and law enforcement, 101—109, 2015 (in Russian).

22. Koni A. F. Selected works. Moscow: Gosjurizdat; 1959. Vol. 2: 627 (in Russian).

23. Konovalov S. G. Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2018: 220 (in Russian).

24. Available from: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/28756/. Accessed: 19 April 2021 (in Russian).

© Volokh V. V., Gorodilov N. S., 2021

Volokh Valery Valerievich,

lawyer of the Moscow region bar chamber,
managing partner
of the Volokh & Partners law office;
e-mail: 8240@apmo.ru

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Городилов Никита Сергеевич,
студент Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
помощник адвоката;
e-mail: gorodilovw@gmail.com

Gorodilov Nikita Sergeevich,
student of Kutafin Moscow State
Law University (MSAL),
attorney assistant;
e-mail: gorodilovw@gmail.com

* * *

УДК 343.985.7:343.34
ББК 67.523.13
doi:10.25724/VAMVD.UGHI

С. Д. Гусева

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Допинговые преступления относятся к категории высоколатентных. Они практически не попадают в официальную статистику преступности, фиксируясь лишь в качестве спортивных нарушений на уровне антидопинговых агентств. Оперативные сотрудники испытывают значительные трудности с выявлением и раскрытием этих деяний, а следователи — с их расследованием. Для лица, производящего предварительное расследование по допинговому делу, с точки зрения следственной тактики крайне важным является направление психологической диагностики личности допрашиваемого, распознавания лжи, восстановления в памяти забытых деталей совершенного преступления. Каждый выявленный случай нарушения уголовно-правовых запретов, закрепленных статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, требует проведения тщательного расследования: изучения образа жизни потерпевшего, его межличностных отношений, фактов нарушения спортивной дисциплины и административного законодательства в прошлом и т. д. Отсутствие четких алгоритмов действий правоохранительных органов в данном направлении приводит к безнаказанности виновных в нарушении антидопинговых правил. На эту ситуацию может повлиять введение специализации оперативных сотрудников, дознавателей и следователей, разработка методики выявления, раскрытия и расследования указанных деяний.

Ключевые слова: допинг, спортсмен, тренер, спортивный врач, выявление, раскрытие, оперативный сотрудник, следователь, дознаватель.

S. D. Guseva

**FEATURES OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS
IN THE INVESTIGATION OF DOPING CRIMES**

Doping crimes are classified as highly patented. They practically do not get into the official crime statistics, being recorded only as sports violations at the level of anti-doping agencies. Operational staff have considerable difficulty in identifying and uncovering these acts, and investigators have difficulty investigating them. For the person conducting the preliminary investigation in the doping case, from the point of view of investigative tactics, the direction of psychological diagnosis of the person being interrogated, recognition of lies, restoration of the forgotten details of the crime committed is extremely important. Each identified case of violation of criminal law prohibitions enshrined in articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation requires a thorough investigation: a study of the lifestyle of the victim, his interpersonal relations, facts of violation of sports discipline and administrative legislation in the past, etc. The lack of clear algorithms for the actions of law enforcement agencies in this direction leads to impunity for those responsible for violating anti-doping rules. This situation may be affected by the introduction of specialization of operational officers, interrogators and investigators, the development of a methodology for identifying, revealing and investigating these acts.

Key words: doping, athlete, trainer, sports doctor, identification, disclosure, operative officer, investigator, interrogator.

Проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений, направленных против здоровья населения в сфере спорта (далее — допинговые преступления), исследуется учеными разных

научных направлений. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) с 2016 г. появились две статьи, в которых специальным потерпевшим выступает спортсмен, — это ст. 230.1

и 230.2. С точки зрения уголовного права объектом этих преступлений выступают общественные отношения, возникающие по поводу охраны здоровья населения, в том числе в сфере спорта. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, являются предметом преступлений. Ежегодно Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА) обновляется список субстанций и методов, запрещенных к использованию в мировом спорте. Однако для квалификации выявленных деяний по ст. 230.1 и 230.2 УК РФ нужно, чтобы обнаруженные субстанции и (или) методы входили в перечень, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Субъект допинговых преступлений — специальный (тренер; специалист по спортивной медицине; иной специалист в области физической культуры и спорта). Преступления могут быть совершены только с прямым умыслом.

С позиций криминалистики для лица, производящего предварительное расследование по допинговому делу, с точки зрения следственной тактики крайне важным является направление психологической диагностики личности допрашиваемого, распознавания лжи, восстановления в памяти забытых деталей совершенного преступления. Каждый выявленный случай нарушения уголовно-правовых запретов, закрепленных этими нормами, требует проведения тщательного расследования: изучения образа жизни потерпевшего, его межличностных отношений, фактов нарушения спортивной дисциплины и административного законодательства в прошлом, и т. д.

Выявление, раскрытие и расследование допинговых преступлений осложняется многочисленными факторами: это часто встречающаяся обоюдная заинтересованность спортсмена (потерпевшего) и тренера, специалиста по спортивной медицине (субъектов преступления) в достижении спортивных результатов нечестным путем; сложности, связанные с проникновением сотрудников правоохранительных органов в спортивную среду с целью выявления и раскрытия допинговых преступлений; недостатки обмена информацией между Российским антидопинговым агентством (далее — РусАДА) и правоохранительными органами по поводу установления случаев нарушения антидопингового законодательства; крайне редкое эпизодическое тестирование спортсменов, не входящих в нацио-

нальную сборную команду, на предмет противозаконного использования допинговых средств и методов; и др. Подтверждением нашей позиции выступает тот факт, что общероссийскими спортивными федерациями с начала действия ст. 230.1 и 230.2 УК РФ — с 2017 по 2021 гг. — было дисквалифицировано более 200 спортсменов и около 20 других сотрудников сферы спорта [1]. За тот же период правоохранительными органами было возбуждено всего 3 уголовных дела. Остальные случаи нарушения антидопингового законодательства не попали в поле зрения правоохранительных органов. Этим объясняется глубоко латентный характер допинговых преступлений [2, с. 50].

Поиск путей противодействия допинговой преступности в сфере спорта неизбежно приводит к необходимости определения направлений борьбы с этим негативным явлением. С одной стороны, изменить ситуацию к лучшему сможет повышение прозрачности сферы спорта, интенсификация информационного обмена между спортивными, антидопинговыми организациями и спецслужбами. С другой стороны, сама сфера спорта требует определенной реорганизации, изменений «изнутри». Спортивная деятельность в сознании всех участвующих в ней лиц должна перестать ассоциироваться с «предпринимательской деятельностью», с возможностью получения сверхдоходов. Ведь спортсмены, участвующие в международных соревнованиях, в первую очередь, являются представителями государства, они своими победами и поражениями формируют имидж страны в глазах зрителей состязаний. Поэтому спортивная деятельность выступает в качестве «особого социального явления, социально-культурного феномена, социального института и системы отношений между людьми» [3, с. 64]. Эта система отношений подчиняется законам психологии, в том числе той ее части, которая относится к правовой области.

А. В. Малюткин, рассматривая влияние правовой психологии на жизнь граждан, писал, что она выступает в качестве структурного элемента психологического механизма действия права, представляющего собой «комплекс взаимосвязанных эмоционально-интеллектуальных состояний, мотивов и мотивационных образований личности и социальной группы, их ценностно-правовых ориентаций, предрассудков, предубеждений и других психических состояний, обеспечивающих поведение субъекта в правовой сфере» [4, с. 134].

Р. Л. Ахмедшин рассматривает правовую психологию как «знание о психологических аспектах системы „человек — право“, изучающую психоло-

гические вопросы правопонимания, правотворчества, формирования индивидуального, группового и общественного правового сознания, правовой социализации личности и ее правоисполнительного поведения» [5, с. 9].

По нашему мнению, правовая психология является отражением внутренних сложившихся устоев с ярко-эмоциональной восприимчивостью и принятием правовой действительности во всех смыслах, проявляясь в элементах «правовой установки и правовой идеологии» [6, с. 17], формирующих причинно-следственные связи в настоящей реальности.

Для спортсменов высокого класса и лиц, находящихся в их окружении, крайне важно понимать и психологически принимать обязанность соблюдения правовых норм в своей деятельности. Однако осознание вероятности безнаказанного нарушения антидопинговых правил другими участниками спортивных соревнований иногда подрывает убежденность спортсмена в необходимости следовать этим правилам.

Оценивать объективность решений Спортивного арбитражного суда о дисквалификации спортсменов при обнаружении в их пробах запрещенных субстанций крайне сложно. История знает множество примеров, когда спортивное сообщество оказывалось несогласно с выводами судей.

Так, крайне негативным примером «избирательной объективности» Спортивного арбитражного суда мы считаем случай, произошедший с 11-кратной чемпионкой мира по гребле на каноэ Винсен-Лапойнт. Проведенные накануне чемпионата мира 2019 г. антидопинговые исследования показали присутствие следов аналога стероидов в ее образцах. Тем не менее, в ходе разбирательства спортсменке удалось убедить судей в случайности попадания в ее организм запрещенного препарата, которое она объяснила последствием «обмена жидкостями с ее половым партнером» [7]. Суд принял во внимание объяснения спортсменки и полностью оправдал ее.

Другим противоположным примером является случай, произошедший с российскими гимнастками Алиной Кабаевой и Ириной Чачиной. Для их восстановления и лечения спортивным персоналом был закуплен иностранный препарат, содержащий в составе элементы, не заявленные в инструкции. В результате в пробах были обнаружены запрещенные средства. В ходе расследования был доказан факт фальсификации лекарства производителем, о которой не могли знать ни спортсменки, ни врачи. Тем не менее, доводы российской стороны

остались не услышанными, спортсменки — дисквалифицированными.

Обязанность соблюдения правовых норм спортсменами и их вспомогательным персоналом должна формироваться с самого начала спортивной карьеры спортсмена. Это нужно для того, чтобы к моменту включения спортсмена в национальную сборную у него не было отрицательных стереотипов поведения. Однако создать такую благоприятную обстановку вокруг спортсмена в современном мире достаточно сложно. Неконтролируемые информационные потоки снабжают спортсменов негативными сведениями и делают доступными практически любые допинговые средства и методы [8, с. 17].

Е. А. Пронькина и С. Н. Меркулова, комментируя поведение спортсменов и их вспомогательного персонала, связанное с нарушением антидопинговых правил, указывают на следующие преобладающие черты их характера: «скудость, безрассудство, корыстолюбие, страсть к личной выгоде, наивность, легкомыслие, обычная неосмотрительность, доверчивость» [9], которые провоцируют их стать жертвой «рекламного обмана».

Изучая личность допингового преступника, его характер, поведение, образ жизни, мотив, можно установить степень его влияния на поведение спортсмена, уровень осознания спортсменом факта совершения в отношении него преступления [10, с. 151]. Одновременно поведение спортсмена отражается в действиях виновного и приобретает своеобразный оттенок, с активной или пассивной стороны [11].

Исходя из этого всех специальных потерпевших — спортсменов можно разделить на следующие криминалистически значимые группы (типы) жертв:

1. Образцовая жертва — это спортсмен, не знающий о совершении в отношении него преступления, с высокими моральными качествами, нацеленный на «честное выполнение спортивной программы», абсолютно доверяющий тренеру и своим близким родственникам. Например, Людмила Энkvист, в пробах которой обнаружили запрещенные субстанции. В ходе расследования выяснилось, что ее супруг по договоренности с тренером подсыпал спортсменке запрещенный препарат в еду и напитки [12]. В результате спортсменка была дисквалифицирована.

2. Запуганная жертва — это спортсмен, знающий о совершении в отношении него преступления. Он испытывает чувство неуверенности в своих силах и страх за свою дальнейшую спортивную

карьеру, соглашается на прием запрещенных препаратов, находясь под деструктивным влиянием тренера либо другого спортивного специалиста. Например, 50-летний инструктор физкультурно-оздоровительного комплекса из Северодвинска, оказывая психологическое давление на своих несовершеннолетних воспитанниц, принудительно делал им уколы запрещенного в спорте тестостерона. В отношении него было возбуждено уголовное дело [13].

3. Безответственная жертва — это спортсмен, догадывающийся, что в отношении него может совершаться преступление, но относящийся к этому факту безразлично. Например, спортсменка Ольга Пылева, которая понимала, что в отношении нее могут применяться запрещенные препараты, но предпочитала не обсуждать эту тему с представителями вспомогательного персонала. В результате в 2006 г. она была дисквалифицирована вместе со своим медицинским работником [14].

Следователю стоит учитывать, что спортсмены — жертвы противоправных действий со стороны вспомогательного персонала — часто оказываются не в силах адекватно оценить опасность ситуации, складывающейся вокруг них. Они полностью погружены в тренировки, у них не остается ни сил, ни желания для анализа происходящего вокруг них. Со временем это приводит к «потере способности принимать автономные решения и самостоятельно ориентироваться в новых непривычных условиях; мешает оригинально и творчески мыслить; не оставляет возможности разграничить правопослушную и противоправную модели поведения» [15, с. 79]. В большинстве случаев спортсмены даже не пытаются вникать в медицинские подробности их жизни, доверяя эту сферу специалистам своей команды.

С одной стороны, мы понимаем сложности, с которыми сталкиваются спортсмены в своей деятельности, и поддерживаем существующий повышенный уровень ответственности именно вспомогательного персонала, в чьи непосредственные должностные обязанности входит обеспечение спортсмена всем необходимым. С другой стороны, инфантильное отношение спортсменов ко всему происходящему вокруг провоцирует окружающих к совершению в отношении них преступлений, что тоже нуждается в коррекции.

Полагаем, было бы правильно усилить степень ответственности спортсменов в тех случаях, когда

в ходе предварительного расследования будет установлена их осведомленность о противоправных действиях вспомогательного персонала. Соответственно, если допинговые преступления совершались с ведома спортсмена, то он должен отвечать за это наравне с другими субъектами преступлений.

В ходе расследования допинговых преступлений наиболее сложным моментом для следователя является психологическое выстраивание отношений с участниками следственных действий путем:

а) формирования психологического контакта следователя со спортсменом или сотрудниками вспомогательного персонала;

б) анализа показаний участников следственных действий;

в) оказания помощи лицам, дающим показания, с целью восстановления в памяти забытого и правильного воспроизведения воспринятого;

г) преодоления позиции, направленной на дачу ложных показаний, и принятия мер для получения правдивых показаний.

Спортивные организации России прилагают сегодня все усилия для повышения уровня знаний антидопингового законодательства у спортсменов, тренеров и других сотрудников сферы спорта. Ежегодно с ними проводятся занятия, направленные на информирование их об обновлении списка запрещенных в спорте субстанций и методов. По результатам выдаются сертификаты, свидетельствующие об успешном прохождении обучения. Однако вся эта деятельность не приносит ощутимых результатов.

Допинговые преступления продолжают фиксироваться на уровне РусАДА, не попадая в официальную статистику преступности. Следователи испытывают значительные трудности с расследованием этих преступлений в силу их редкой выявляемости. Отсутствие четких алгоритмов действий правоохранительных органов в целом приводит к безнаказанности виновных в нарушении антидопинговых правил. Полагаем, на эту ситуацию может повлиять введение специализации оперативных сотрудников, дознавателей и следователей, разработка методики выявления, раскрытия и расследования этих деяний.

1. РусАДА: Список персонала спортсмена, отбывающего дисквалификацию на данный момент по решению общероссийских федераций и международных федераций по видам спорта // РусАДА: сайт. URL: <https://rusada.ru/disqualifications/> (дата обращения: 15.01.2021).

2. Алексеева А. П. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере спорта // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тез. докл. и сообщений междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омск. акад. МВД России, 2019. С. 49—52.

3. Овчинников В. А., Москвичев Ю. Н. Физическое воспитание человека как одно из направлений криминологической профилактики отклоняющегося поведения // Вестник ВА МВД России. 2019. № 3 (50). С. 62—66.

4. Малюткин А. В. Особенности общественной правовой психологии и проблемы эффективности правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2007. № 10 (34). С. 134—137.

5. Ахмедшин Р. Л. Лекции по правовой психологии: учеб. пособие. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2019. 454 с.

6. Шамина А. С. Место правовой установки личности в структуре правосознания // Мир науки и образования. 2018. № 3 (15). С. 14—20.

7. 11-кратная чемпионка мира по гребле Винсен-Лапойнт оправдана по допинговому делу. Стероиды попали к ней после связи с парнем // SPORTS.RU: сайт. URL: <https://www.sports.ru/rowing/1082767159.html?mainNews-rowing> (дата обращения: 16.01.2021).

8. Ильинченко Д. А., Майкова В. П. Влияние СМИ и Интернета на формирование общественного сознания в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки» (Москва). 2018. № 1. С. 17—25.

9. Меркулова С. Н., Пронькина Е. А. Реклама как средство совершения мошеннических действий // Рекламный бизнес, законодательство, экономическая безопасность личности и государства в современной России: сб. ст. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2005. С. 245—248.

10. Скориков Д. Г., Шувалов Н. В. Личность преступника и личность потерпевшего как взаимосвязанные элементы криминологической характеристики преступлений экстремистской

1. RusADA: List of the athlete's personnel serving a disqualification at the moment by decision of all-Russian federations and international federations in sports. RusADA: site. Available from: <https://rusada.ru/disqualifications/>. Accessed: 15 January 2021 (in Russian).

2. Alekseeva A. P. Features of the investigation of crimes committed in the field of sports. In: Countering crime in the field of professional sports. Theses of reports and reports of the international scientific and practical conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 49—52 (in Russian).

3. Ovchinnikov V. A., Moskvichev Yu. N. Physical education of a person as one of the directions of criminological prevention of deviating behavior. Bulletin of the VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 62—66, 2019 (in Russian).

4. Malyutkin A. V. Features of public legal psychology and the problem of the effectiveness of legal regulation. Agrarian and land law, 134—137, 2007 (in Russian).

5. Akhmedshin R. L. Lectures on legal psychology. Textbook. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University; 2019: 454 (in Russian).

6. Shamina A. S. Place of legal establishment of personality in the structure of legal consciousness. World of Science and Education, 14—20, 2018 (in Russian).

7. 11-time world rowing champion Vincent-Lapointe is acquitted in a doping case. Steroids got to her after contacting the guy. Sports.ru: site. Available from: <https://www.sports.ru/rowing/1082767159.html?mainNews-rowing>. Accessed: 16 January 2021 (in Russian).

8. Ilyinchenko D. A., Maykova V. P. The influence of the media and the Internet on the formation of public consciousness in modern Russia. Bulletin of Moscow State Regional University. Series of philosophical sciences (Moscow), 17—25, 2018 (in Russian).

9. Merkulova S. N., Pronkina E. A. Advertising as a means of committing fraudulent actions. In: Advertising business, legislation, economic security of the person and state in modern Russia. Collection of articles. Nizhny Novgorod: Publishing house of Nizhegorodskaya Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia; 2005: 245—248 (in Russian).

10. Skorikov D. G., Shuvalov N. V. The identity of the offender and the identity of the victim as inter-

направленности // Юридическая наука и право охранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 149—153.

11. Алексеева А. П. Насилие в спорте и его применение различными субъектами: криминологический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4 (47). С. 14—17.

12. Дмитриева В. Допинг — скандалы, золото ОИ, рак, попытка суицида из-за любви. История экс-русской барьеристки Нарожиленко-Энквист // Sport24.ru: сайт. URL: <https://sport24.ru/news/athletics/2020-07-31-lyudmila-enkvist-posledstviya-dopinga-biografiya-foto-tvitter> (дата обращения: 17.01.2021).

13. Первое уголовное дело за допинг в России: приговор есть, посадки — нет // Центр по научному обеспечению уголовно-правового воздействия на преступления в сфере спорта: сайт. URL: <http://sportscrime.ru/news/view/?id=2258> (дата обращения: 18.01.2021).

14. Пятнадцать знаменитых спортсменов, попавшихся на допинге // Tricolortvmag.ru: сайт. URL: <https://tricolortvmag.ru/article/sport/opasnyepilyuli/> (дата обращения: 19.01.2021).

15. Алексеева А. П. Изучение особенностей личности преступника — профессионального спортсмена // Российский юридический журнал. 2010. № 3 (72). С. 78—82.

© Гусева С. Д., 2021

Гусева Светлана Дмитриевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: g08081981@yandex.ru

connected elements of the forensic characterization of extremist crimes. Legal science and law enforcement practice, 149—153, 2016 (in Russian).

11. Alekseeva A. P. Violence in sports and its use by various subjects: criminological analysis. Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 14—17, 2012 (in Russian).

12. Dmitrieva V. Doping — scandals, OI gold, cancer, attempted suicide due to love. The history of the ex-Russian barrier Narozhilenko-Enquist. Sport24.ru: site. Available from: <https://sport24.ru/news/athletics/2020-07-31-lyudmila-enkvist-posledstviya-dopinga-biografiya-foto-tvitter>. Accessed: 17 January 2021 (in Russian).

13. The first criminal case for doping in Russia: there is a sentence, landing — no. Center for the scientific provision of criminal legal impact on crimes in the field of sports: site. Available from: <http://sportscrime.ru/news/view/?id=2258>. Accessed: 18 January 2021 (in Russian).

14. Fifteen famous athletes caught doping. Tricolortvmag.ru: site. Available from: <https://tricolortvmag.ru/article/sport/opasnyepilyuli/>. Accessed: 19 January 2021 (in Russian).

15. Alekseeva A. P. Studying the personality features of a criminal — a professional athlete. Russian legal journal, 78—82, 2010 (in Russian).

© Guseva S. D., 2021

Guseva Svetlana Dmitrievna,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia;
e-mail: g08081981@yandex.ru

* * *

УДК 343.985.4
ББК 67.522.1
doi:10.25724/VAMVD.UHJ

О. Б. Дронова, Е. С. Храмова

**АКТУАЛЬНЫЕ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ НАГЛЯДНОСТИ
ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА,
ПОДГОТОВЛЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ**

В статье обоснована необходимость пересмотра существующих подходов к получению иллюстративного материала, составляемого по результатам производства следственных действий с применением современных средств фиксации обстановки места происшествия посредством применения беспилотных технологий в целях получения объективной криминалистически значимой информации, размещенной на значительной пространственной территории. По результатам анализа иллюстративных материалов, подготовленных сотрудниками разных ведомств по фактам выявления тяжких и особо тяжких преступлений с использованием беспилотных летательных аппаратов, определены их основные организационные, технические и тактические недостатки. В целях повышения наглядности фототаблиц, прилагаемых к основным процессуальным документам, предложены система правил эксплуатации современных средств фотографической фиксации, а также авторская техническая разметка выявленных следовых комплексов на едином многоплановом кадре. Изложенный подход позволяет в кратчайшие сроки провести анализ, изучить обстоятельства и выявить особенности, присущие конкретному событию преступления, а также способствует оперативности и обоснованности принятия последующих решений.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат (БПЛА), иллюстративный материал, наглядность, информативность, фактографические данные, следственные действия.

О. В. Dronova, E. S. Khramova

**CURRENT ISSUES OF IMPROVING THE VISIBILITY
OF ILLUSTRATIVE MATERIAL
PREPARED USING UNMANNED AERIAL VEHICLES**

In the article is justified need to revise existing approaches to obtaining illustrative material compiled based on the results of investigative actions with using modern means of fixing the situation of the scene through the use of unmanned technologies for objective forensically relevant information posted on significant spatial territory. Based on the analysis of illustrative materials, prepared by employees of various departments on the facts of identifying serious and especially serious crimes involving unmanned aerial vehicles, identified their main organizational, technical and tactical shortcomings. To increase the visibility of the phototables attached to the main procedural documents, a system of rules for the operation of modern mains of photographic and author's technical markup of revealed trace complexes on a single multi-frame have been proposed. Approach outlined allows to analyse, examine and identify as soon as possible peculiarities inherent in the specific event of the crime, and also contributes the speed and validity of subsequent decisions.

Key words: unmanned aerial vehicle (UAV), illustrative material, visibility, awareness, factographic data, investigative actions.

Современный уровень технического оснащения специализированных подразделений правоохранительных органов обеспечивает повышение возможностей криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. В целях

модернизации подходов к организации оперативно-служебной деятельности реализуются программы автоматизации различных сфер и направлений работы, апробируются и внедряются современные технические средства, обеспечивающие

новый уровень получения, передачи, трансформации и аккумуляции информационных данных для своевременного решения служебных задач. Однако следует признать, что в ряде случаев повышение только технической оснащённости подразделений без создания соответствующей методической базы ее использования и обеспечения надлежащего процесса обучения сотрудников приводит к низкой результативности использования высокотехнологичного дорогостоящего оборудования.

В связи с этим требуется осуществление периодического мониторинга качества результатов, получаемых с помощью современных технических средств и оценки эффективности практического использования полученных данных в расследовании преступлений. В частности, широкий спектр возможностей беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА), активно внедряющихся в деятельность правоохранительных органов, предусматривает обеспечение потребностей криминалистических подразделений по созданию эффективного, наглядного и рационального иллюстративного материала, прилагаемого к протоколам следственных действий [1, с. 19; 2, с. 92]. В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть вопросы анализа качественных параметров получаемых данных и наметить направления, обеспечивающие повышение наглядности иллюстративного материала, подготовленного с использованием БПЛА.

Бесспорным остается тот факт, что ключевым источником криминалистически значимой информации является обстановка места происшествия. Приоритетная задача первоначальных следственных действий при этом заключается в правильном выборе и грамотном применении криминалистической техники, позволяющей сформировать и наглядно представить фактографическую информационную модель совершенного преступления.

В настоящий момент одним из основных инструментов технико-криминалистического обеспечения фиксации обстановки места происшествия остается фотоаппарат. Однако в эпоху стремительного развития цифровых технологий необходимо своевременное переориентирование, направленное на внедрение современных беспилотных технологий запечатления обстановки места происшествия. Создание фототаблиц на основе фотоснимков, полученных с помощью БПЛА, позволяет полноценно детализировать и отражать фактографическую обстановку с точным определением местоположения и полноценным отображением

размерных характеристик, соотношения ключевых особенностей следовой картины преступления.

Преимущественной особенностью БПЛА является установка на них разноплановых датчиков (магнитометр¹, акселерометр², гироскоп³, ультразвуковой датчик⁴, барометр⁵, датчик визуального позиционирования⁶, инфракрасный датчик⁷ и др.), обеспечивающих получение и передачу разнообразных параметров. Кроме того, следует отметить возможность оборудования БПЛА целевой нагрузкой различных видов⁸, позволяющей с лучшим качеством решать задачи большего объема. Комбинация датчиков и целевой нагрузки способствует максимальной степени стабилизации в воздушном пространстве БПЛА и получению многоаспектных данных. Это, в свою очередь, расширит возможности дальнейшей работы как специалистов-криминалистов, так и сотрудников органов предварительного расследования по детальному изучению и анализу собранного материала: за счет запечатления обширной территории без геометрических и пространственных искажений, получения корректных и полноценных данных при измерительной фиксации, а также точной передачи соотношения взаимного расположения основных информационных узлов обстановки места происшествия.

Прежде всего стоит отметить, что высотная воздушная фотосъемка является объективным практическим критерием проверки истинности сформированного представления о конкретной пространственной территории, на которой размещены ключевые информационные комплексы произошедшего события. Наземной фото-, видеоаппаратурой невозможно получить полноразмерные изображения, содержащие всю фактографическую информацию, отражающую крупногабаритные и иные объекты окружающей обстановки со следовыми изменениями, возникшими в ходе совершения преступления, в едином фотографическом кадре.

Следует учесть, что в настоящий момент отсутствуют четкие требования, предъявляемые к содержанию и качеству подготовки иллюстративного материала, прилагаемого к протоколам следственных действий. В отдельных ведомственных наставлениях (рекомендациях), а также учебно-методических работах, предназначенных для обучения будущих и действующих сотрудников правоохранительных органов, имеются отдельные критерии, которым должны отвечать фото- и видеоматериалы. Среди них достоверность, соответствие данным, отраженным в протоколах следственных

действий, наглядность, полнота, информационная значимость и иные требования, предъявляемые к результатам фиксации [3, с. 22; 4; 5, с. 57].

Кроме того, в ряде случаев встречается упоминание принципов деятельности сотрудников, применяющих средства фиксации обстановки следственного действия, к которым относятся научная обоснованность и апробированность используемых технических средств, их безопасность, целесообразность (экономическая, ситуационная) и результативность применения. Априори считается, что к иллюстративному материалу, подготовленному с использованием БПЛА, предъявляются аналогичные требования и подходы, однако свое отражение в ведомственных документах они пока не получили.

Анализ качества иллюстративного материала, подготовленного по результатам производства следственных действий традиционными техническими средствами фиксации, неоднократно становился предметом изучения педагогических работников ведомственных образовательных организаций и практических сотрудников правоохранительных органов [6, с. 89; 7, с. 115; 8, с. 1]. В частности, неоднократно отмечалось, что в изучаемом материале не отражены рекомендованные условия:

— обеспечивающие информативность снимка: полнота отображения фиксированного объекта, наличие в кадре максимального количества существенных обстоятельств, обстановки и предметов (следов) и т. д.;

— воспроизводящие основные внешние признаки объектов, позволяющих опознать предметы, узлы, общие планы местности и т. д.;

— позволяющие устанавливать по фотоснимкам размеры объектов и определять расстояния между ними;

— отображающие комплексы следов и объектов, имеющих криминалистическое значение.

Учитывая совокупность действующих предписаний, нами произведен анализ иллюстративного материала, подготовленного сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России и следователями-криминалистами Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому, Алтайскому, Ставропольскому краям, Ростовской и Волгоградской областям. В процессе изучения 50 фототаблиц к протоколам осмотров мест происшествий, произведенных по особо тяжким преступлениям (убийства, изнасилования, дорожно-транспортные происшествия, повлекшие смерть человека), подготовленных с применением БПЛА, оценивалось качество фотосъемки, наглядность фотоизображений, а также обоснованность использования БПЛА в криминалистических целях с точки зрения экономической рентабельности.

Стоит подчеркнуть, что в 82 % случаев фотофиксация проводилась с использованием комбинации БПЛА и традиционной фотоаппаратуры. В изображениях, полученных при помощи воздушной фотосъемки, отмечается высокое качество, четкость, резкость, контрастность иллюстративных данных. Безусловно, наблюдается определенная пространственная наглядность фотоматериала, способная повысить визуальную смысловую информацию о событии преступления (рис. 1).

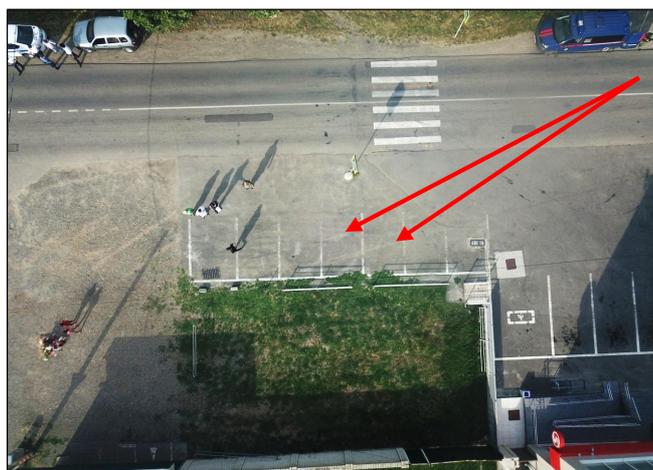

Рис. 1. Обзорный фотоснимок участка местности, являющийся местом ДТП, полученный с помощью БПЛА (стрелками отмечены следы торможения автотранспортного средства)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вместе с тем из представленных фототаблиц только в 10 % материалов прослеживается наглядность отображения фактических обстоятельств совершения преступления с возможностью последующего установления взаимосвязей между следами и объектами, выявленными в ходе следственных действий. Зачастую запечатленная информация имеет обзорный характер и не содержит необходимого комплекса информативных признаков и характерных особенностей материальной картины преступления. Это свидетельствует о нецелесообразности использования дорогостоящего оборудования в большинстве случаев.

Ряд фотоматериалов, подготовленных с применением БПЛА, не демонстрируют существенных отличий от своих аналогов, подготовленных с применением наземных технико-криминалистических средств, предназначенных для производства фотосъемки. Вместе с тем отмечаются существенные пробелы в тактическом подходе применения БПЛА. К примеру, неудачно выбранный ракурс общего вида местности без последующей разметки информативных данных не позволяет использовать данные иллюстрации для конкретных целей расследования (рис. 2, 3).

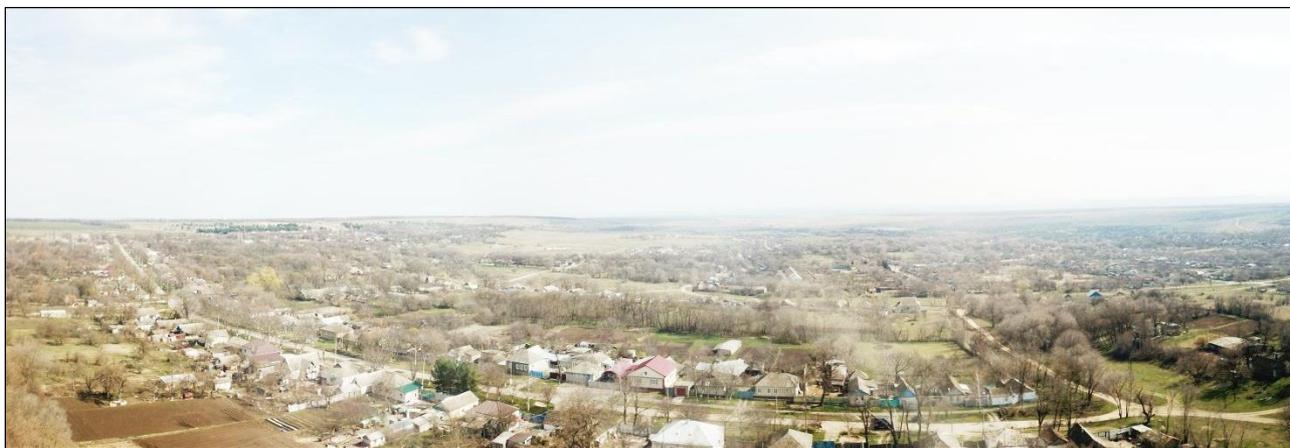

Рис. 2. Панорамный фотоснимок участка местности, полученный с помощью БПЛА по факту убийства человека, связанного с его безвестным исчезновением

Рис. 3. Панорамный фотоснимок участка местности, полученный с помощью БПЛА по факту убийства человека, связанного с его безвестным исчезновением

Данные фотоснимки не позволяют получить абсолютные и относительные результаты прямых, косвенных, совокупных и совместных измерений ключевых объектов, имеющих отношение к происшествию; не выделены и границы осматриваемой территории.

В то же время обстоятельства расследуемого события в принципе не предусматривают необходимости запечатления общей характеристики местности на обзорных фотоснимках.

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить ряд недостатков применения БПЛА в процессе фиксации обстановки, в которой производилось следственное действие, негативно влияющих на эффективность последующего использования иллюстрационного материала при расследовании преступлений. Все они могут быть структурированы по следующим направлениям.

1. Организационного характера:

— нерациональность выбора БПЛА в качестве средства фиксации обстановки мест происшествий, не имеющих следовой картины за пределами помещений (строений);

— отсутствие четкого алгоритма действий сотрудника, применяющего БПЛА в рамках производства следственного действия (с каких точек, высоты, ракурса проводить фотосъемку, как правильно ориентировать местоположение и т. д.), и требований, предъявляемых к получаемому иллюстративному материалу.

2. Технического характера:

— полученные с помощью БПЛА ориентирующие и обзорные фотоснимки не имеют принципиальных информационных отличий от своих аналогов, выполненных методом панорамирования с верхней точки съемки при использовании стандартной фотоаппаратуры.

3. Tактического характера:

— изготавливаются специалистом, не изучающим полученный материал в процессе экспертных исследований, реконструкций первоначальной обстановки места происшествия и т. д., в связи с чем не выделяются информационные узлы, содержащие ключевые элементы будущих объектов исследований.

Мультифункциональное предназначение БПЛА, высокая степень спектра решения задач в рамках экспертно-криминалистической деятельности не должны быть ограничены исключительно функцией сбора фактографического материала. Необходим квалифицированный, научно-исследовательский подход к использованию результатов, собранных с помощью современных средств 3D-моделирования обстановки места происшествия. Имеется потребность в определении ключевых особенностей поэтапного получения и последующего изготовления иллюстративного материала, направленного на достижение высокой наглядности получаемых данных.

По нашему мнению, применение БПЛА в ходе фиксации обстановки следственных действий должно предусматривать следующие условия:

1. Четкое понимание необходимости использования БПЛА в ходе конкретных следственных действий. В настоящее время они применяются в основном при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, однако не всегда их использование дает ощутимые преимущества в сравнении с традиционными техническими средствами фиксации. В целях повышения рациональности использования дорогостоящего оборудования необходимо сформировать перечень типовых ситуаций, прежде всего связанных с преступлениями, совершенными на открытых участках местности, в ходе которых потенциально может быть выявлена следовая информация, имеющая значительную территориальность размещения. Фиксироваться при этом должно не только непосредственно место преступления, но и пути подхода и отхода преступников. Тщательное изучение возможных путей передвижения преступников зачастую позволяет обнаружить различные следы, незначительные и незаметные объекты, относящиеся к событию преступления (следы транспортных средств, следы ног, случайно оставленные или выброшенные вещи и т. д.).

2. Формирование полноценной обзорной картины совершенного преступления, включающей многоплановые кадры. Главная цель состоит не просто в запечатлении общего вида обстановки, а в возможности последующего соотношения следов и объектов криминалистической картины совершения преступления. Для этого при помощи БПЛА должно быть проведено обследование и изучение обстановки совершения преступления, установлены максимальные границы расположения следов и объектов, и только потом фотографирование общего плана местности. Обязательное требование при фиксации общего планового фотоизображения состоит в его прямо перпендикулярной фиксации относительно объектива камеры (без углов и наклонов).

3. Детализацию ключевых объектов, предусматривающих нанесение на многоплановые кадры разметки всех обнаруженных следов и объектов, расположения жертв, предметов и средств преступного посягательства, путей подхода и отхода преступника и иных обстоятельств, установленных в ходе следственного действия.

Полагаем, что техническая разметка выявленных следовых комплексов должна осуществляться по аналогии с разметкой частных признаков в идентификационных экспертных заключениях. Однако ключевую специфику иллюстративного материала необходимо переориентировать на повышение

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

наглядности отображения взаимосвязей следов и объектов, демонстрирующих отражение целостной картины произошедшего события:

- разметка наносится в качестве маркера в места расположения криминалистически значимой информации;
- одноименные следовые группы размечаются одним цветовым красителем;
- каждый маркер сопровождается указателем с цифровым обозначением;

— указатели выносятся за границы фотоизображения;

— расположение цифровых обозначений производится слева направо;

— каждому цифровому обозначению сопутствует краткая пояснительная надпись;

— под фотоизображением располагается общая пояснительная надпись.

В связи с заполнением кадра для сохранения наглядности рядом следует располагать контрольный фотоснимок (см., напр., рис. 4, 5).

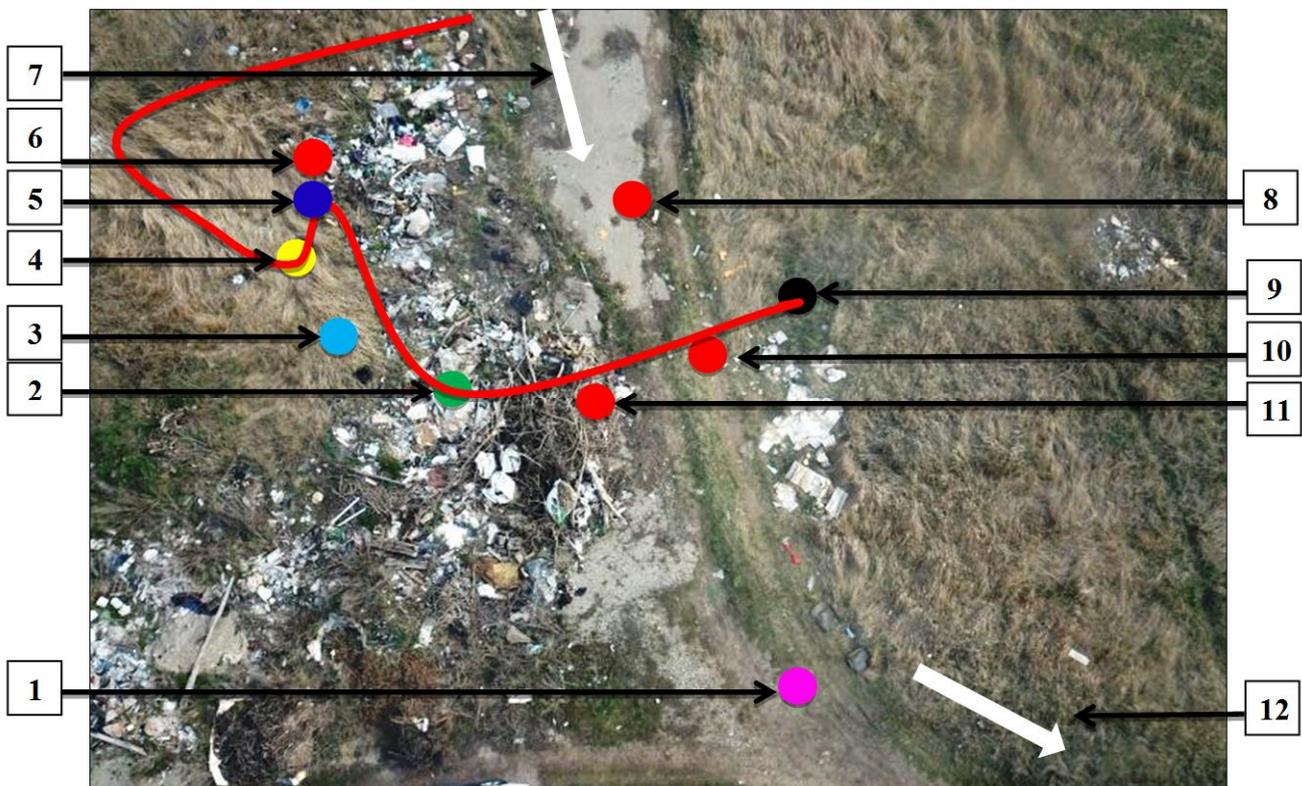

Рис. 4. Общий вид участка местности, полученный с помощью БПЛА по факту изнасилования, с выявленными следовыми комплексами (разметка признаков предложена авторами статьи):

- 1 — следы транспортного средства; 2 — следы рук, изъятые с металлической пластины;
- 3 — нижнее белье гражданки Н.; 4 — следы волочения; 5 — следы борьбы; 6 — вещество бурого цвета;
- 7 — путь подхода; 8 — бутылка шампанского со следами биологического вещества; 9 — место совершения полового акта;
- 10, 11 — презервативы; 12 — путь отхода; линия — путь перемещения потерпевшей

Рис. 5. Контрольный фотоснимок общего вида участка местности, полученный с помощью БПЛА по факту изнасилования

Практическое значение такого способа верстки фототаблицы состоит в визуализации разноплановой фактографической информации, выявленной в результате следственного действия. Применение детальной разметки позволяет провести анализ и выявить особенности, присущие конкретному событию преступления.

Становится очевидным, что в настоящий момент подготовка фототаблиц на основе данных, полученных с помощью БПЛА, требует совершенствования в целях оправдания целесообразности и рентабельности их применения.

Повышение иллюстративной наглядности способствует четкому восприятию обстановки и механизма произошедшего события, установлению взаимосвязи и соотношения следов и предметов относительно друг друга, формированию представлений о правильном отображении объективной действительности. Визуальный анализ и обобщение воспринимаемых явлений на первоначальном этапе сбора доказательственной информации является успешным подспорьем при формулировании следственных версий, а также способствует оперативности и обоснованности принятия последующих решений.

Примечания

¹ Магнитометр БПЛА — электронный компас, необходимый для выравнивания направления беспилотника по сравнению с магнитным полем земли. Позволяет повысить детальность измерения составляющих геомагнитного поля и улавливать более мелкие магнитные неоднородности.

² Акселерометр БПЛА — это устройство, которое измеряет линейное ускорение коптера в 3-осевой системе. Этот датчик обеспечивает стабилизацию дрона в воздухе и плавный полет.

³ Гироскоп БПЛА — датчик, обеспечивающий предотвращение колебаний угловых перемещений дрона вокруг одной из осей либо стабилизацию их углового перемещения.

⁴ Ультразвуковой датчик БПЛА — используется для обнаружения объектов. Излучая звуковые волны ультравысокой частоты, сканирует пространство перед собой и по отраженному сигналу распознает объекты и вычисляет расстояние до них.

⁵ Барометр БПЛА — представляет собой прибор для измерения давления. Датчик давления на дроне может дать нам точное значение высоты устройства над уровнем моря. Наиболее точную информацию о высоте дает комбинация датчика давления и высоты GPS.

⁶ Датчик визуального позиционирования БПЛА — обеспечивает зависание коптера на месте, когда сигнал GPS недоступен.

⁷ Инфракрасный датчик БПЛА — модуль оптического обнаружения препятствий, обеспечивающий безопасность движения и предостережение от столкновения с препятствиями.

⁸ Технические средства (фотокамеры, видеокамеры, тепловизоры, лазерные сканеры, магнитометры, вспышка, ИК-подсветка и т. д.), предназначенные для решения определенных, конкретных задач.

1. Барышников К. В., Червяков М. Э. К вопросу о применении беспилотных летательных аппаратов в ходе осмотра места происшествия // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 19—22.

2. Дронова О. Б., Прокофьева Е. В. Современные возможности применения беспилотных летательных аппаратов для обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4. С. 91—96.

3. Экспресс-бюллетень. ЭКЦ МВД России. 2016. № 67. 199 с.

4. Криминалистическая фотография и видео-запись. URL: <https://kriminalisty.ru/stati-metodiki-kriminalisticheskaja-sudebnaja-fotografi/> (дата обращения: 02.02.2021).

5. Зотчев В. А., Булгаков В. Г., Сафонов А. А. Криминалистическая фотография: курс лекций. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 208 с.

6. Репин А. В., Мельников Е. Б. Анализ типичных ошибок при оформлении фототаблиц к протоколам осмотров мест происшествий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 88—95.

7. Ростовцев А. В. Особенности использования цифровой фотографии при производстве следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 114—116.

8. Обзор о нарушениях и недостатках, допускаемых сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при фотосъемке на местах происшествий и изготовлении фототаблиц, за 2018 год // Информационные материалы ЭКЦ МВД России по Ставропольскому краю. 2018. 13 с.

© Дронова О. Б., Храмова Е. С., 2021

1. Baryshnikov K. V., Chervyakov M. E. On the issue of the use of unmanned aerial vehicles during the inspection of the scene. Age of science, 19—22, 2018 (in Russian).

2. Dronova O. B., Prokofieva E. V. Modern possibilities of using unmanned aerial vehicles to support the activities of forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 91—96, 2020 (in Russian).

3. Express newsletter. ECC (EKTS) of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 67: 199 (in Russian).

4. Forensic photography and video recording. Available from: <https://kriminalisty.ru/stati-metodiki-kriminalisticheskaja-sudebnaja-fotografi/>. Accessed: 2 February 2021 (in Russian).

5. Zotchev V. A., Bulgakov V. G., Safonov A. A. Forensic photography. Lecture course. Volgograd: Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2004: 208 (in Russian).

6. Repin A. V., Melnikov E. B. Analysis of typical errors in the registration of photo tables to the protocols of inspections of incident sites. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 88—95, 2018 (in Russian).

7. Rostovtsev A. V. Features of the using of digital photography in the production of investigative actions. Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 114—116, 2015 (in Russian).

8. The overview of violations and shortcomings committed by employees of forensic units during photography at the scene of incidents and the manufacture of photo tables for 2018. In: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Stavropol Territory. 2018: 13 (in Russian).

© Dronova O. B., Khramova E. S., 2021

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры криминалистической
техники учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
8-903-371-44-28

Dronova Olga Borisovna,
professor at the department
of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activities
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
8-903-371-44-28

Храмова Екатерина Сергеевна,
эксперт организационно-методического отдела
Экспертно-криминалистического центра
ГУ МВД России по Ставропольскому краю;
8-918-768-07-08

Khramova Ekaterina Sergeevna,
expert of the organization
and methodological department
of the Expert-criminalistics center
of Main department
of the Ministry of Internal of Russia
of the Stavropol Territory;
8-918-768-07-08

* * *

УДК 343.132.8
ББК 67.410.212.3
doi:10.25724/VAMVD.UIJK

Н. В. Золотухина, П. Н. Жукова, Е. В. Горкина

ВИДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНАХ

Предварительное расследование по форме является письменным, и уголовно-процессуальным законом предусмотрено закрепление на бумажном носителе сущности принятых процессуальных решений и хода и результатов осуществленных следственных действий. Разнообразие документов, подготавливаемых на стадии предварительного расследования, обуславливает затруднение в формулировании общих правил по их составлению.

Перечень процессуальных документов, с которым предстоит работать следователю при производстве по уголовному делу, невозможно предусмотреть, но в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся только требования к составлению процессуальных решений и протоколов следственных и процессуальных действий. Авторами изучена процессуальная значимость организационно-распорядительных документов руководителя следственного органа, информационно-статистических документов, уведомлений, графика ознакомления с материалами уголовного дела, документов внутреннего обращения, документов, составляемых при планировании расследования уголовного дела, сопроводительных писем, запросов и ответов на них. На основании проведенного исследования предложена авторская классификация процессуальных документов следственных подразделений, в основу которой положены свойства и функции документа.

Ключевые слова: процессуальные документы, организационно-распорядительные документы, планирование, информационно-статистические документы, предварительное расследование.

N. V. Zolotukhina, P. N. Zhukova, E. V. Gorkina

TYPES OF PROCEDURAL DOCUMENTS IN MILITARY INVESTIGATIVE BODIES

The preliminary investigation at the pre-trial stage is a written expression of the performed procedural actions, progress and results of investigative actions carried out. The criminal procedural law provides for fixing the essence of the procedural decisions on the paper. Based on the diversity of documents prepared at the preliminary investigation stage, it makes the difficulty to formulate the common rules for their compilation. It is impossible to provide a list of procedural documents during the criminal proceedings.

The requirements for the preparation of procedural decisions and protocols of investigative and procedural actions are contained in the criminal procedure legislation. The authors have studied the procedural significance of the organizational and administrative documents of the head of the investigative body, information and statistical documents, notifications, the schedule of acquaintance with the criminal case materials, internal documents, planning documents, cover letters, requests and responses to them. The article considers the author's classification of procedural documents of investigative bodies. The classification is based on the properties and functions of the document.

Key words: procedural documents, organizational and administrative documents, planning, information and statistical documents, preliminary investigation.

Досудебное производство по своей форме является письменным, и уголовно-процессуальным законом предусмотрено закрепление на бумажном носителе сущности принятых процессуальных решений, разъяснение участникам судопроизводства

их прав, хода и результатов выполненных действий. Таким образом, процессуальные документы являются весьма разнообразными, что затрудняет формулирование общих правил по их составлению.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Предлагаем под процессуальными документами досудебных стадий уголовного судопроизводства подразумевать письменные документы, в которых зафиксированы сведения, имеющие значение для уголовного дела, составленные с целью определения обстоятельств, подлежащих доказыванию, на основании уголовно-процессуального закона

и иных нормативных актов уполномоченным на то субъектом и иными лицами.

Аргументировать дефиницию будем последовательно, через авторскую классификацию процессуальных документов, в основу которой положены свойства и функции документа (рис. 1).

Рис. 1. Процессуальные документы (досудебных стадий уголовного судопроизводства)

Предлагаем классифицировать процессуальные документы досудебных стадий уголовного судопроизводства на три группы в зависимости от субъекта их составления и наличия формуляра.

Императивные документы (от лат. *imperativus* — требование, приказ, закон) — письменные документы, предусмотренные уголовно-процессуальным законом и составленные в соответствии с ним органами и должностными лицами, осуще-

ствляющими уголовное преследование, фиксирующие их действия и решения.

В свою очередь императивные процессуальные документы досудебных стадий уголовного судопроизводства необходимо разделить на **правоприменительные** — процессуальные документы, закрепляющие процессуальные решения должностного лица, осуществляющего уголовное преследование (постановления, представления, протокол

задержания, соглашение, поручение) и **информационно-удостоверительные** — протоколы следственных действий.

Дилективные документы¹ (лат. *dilectus* — выбор) — документы, обеспечивающие полноту исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе досудебного производства, форма которых не регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, составленные лицами, осуществляющими уголовное преследование, или им предоставленные.

Форма документов, регламентированная уголовно-процессуальным кодексом, может быть заложена в основу определения «процессуальные документы». Ряд документов, приобщенных к уголовному делу в связи с тем, что в них содержится информация, которая необходима для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, оформляется вне требований, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ), не лицом, осуществляющим уголовное преследование (не следователем, принявшим дело к своему производству, не следователем, включенным в состав следственной группы постановлением руководителя следственного органа, не лицом, которому поручено производство данного действия в соответствии с поручением о выполнении отдельных следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий).

Мы согласны с мнением С. Н. Клокова о существенной роли служебных документов сотрудников органа дознания, подготовленных ими с целью фиксации результатов своей внепроцессуальной повседневной деятельности [1], и предлагаем в качестве примера проанализировать некоторые документы, составленные не лицом, осуществляющим уголовное преследование, вне требований, предусмотренных УПК РФ, но процессуальная значимость которых не вызывает сомнения.

Рапорт о доставлении заподозренного в совершении преступления в орган дознания или к лицу, производящему расследование, не предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством, но имеет широкое применение среди сотрудников органов внутренних дел и военной полиции и может нести в своем содержании значительный объем процессуально значимой информации, во многом определяющей ход дальнейшего расследования.

В данном рапорте должны быть указаны обстоятельства задержания, время доставления заподозренного в орган дознания или к следователю

(дознавателю) и перечень находящихся при нем предметов и документов.

Информация, изложенная в рапорте, может в дальнейшем послужить основанием:

— для задержания лица в порядке ст. 92 УПК РФ, в зависимости от перечня изъятого при задержании, от обстоятельств, места и условий задержания;

— проведения личного обыска или проведения выемки у лица, осуществлявшего доставку заподозренного;

— задержания лица в порядке ст. 92 УПК РФ;

— избрания меры пресечения в случае указания в рапорте таких обстоятельств при задержании, как оказание сопротивления, попытка скрыться.

Таким образом, непроцессуальный документ — документ внутреннего обращения, содержит основания для принятия ряда процессуальных решений.

В уголовно-процессуальном кодексе отсутствуют нормы, регламентирующие форму и содержание подобных документов, что вполне объяснимо, так как в них фиксируется внепроцессуальная деятельность должностных лиц, не уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности; сведения, в них содержащиеся, не входят в предмет доказывания по уголовному делу, но имеют существенное значение для его расследования.

Предлагаем рассмотренные документы именовать как дилективные процессуальные документы внутреннего обращения.

В УПК лишь однажды упоминается такая форма документа, как рапорт (об обнаружении признаков преступления), и требования к его процессуальной форме были определены в первоначальной версии УПК РФ (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.05.2002)) в гл. 57 Приложения к «Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации». В настоящий момент гл. 57 УПК РФ утратила силу, и нормативные требования о соблюдении формы процессуальных документов ограничены лишь общим перечнем требуемых реквизитов, предусмотренных ст. 83, 166, 167, 174, 180, 190, 218 УПК РФ, и т. д.

Сведения, указанные в рапорте об обнаружении признаков преступления, входят в общий предмет доказывания. Данный рапорт мы рассматриваем как процессуальный документ, несмотря на то что форма документа не утверждена УПК РФ, а в законе не определен круг лиц, уполномоченных на его составление, и применение его ограничено только в качестве повода для возбуждения уголовного дела.

¹ Авторы вводят новое понятие.

Следующую группу дилективных процессуальных документов составляют **организационно-распорядительные документы**, которые предназначены для урегулирования административной деятельности следственных и военных следственных органов, не наделены признаками, присущими процессуальным документам, и издаются вне процессуальной деятельности.

Если мы для примера рассмотрим приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации № 3 от 15 января 2011 г. «Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей», то увидим, что в п. 1.22 содержатся прямые указания на процессуальные действия лиц, уполномоченных на направление ходатайства о продлении процессуальных сроков свыше 12 месяцев, — проведение оперативного совещания или заседания коллегии с составлением соответствующего протокола и обязательным его приложением к ходатайству. Мы видим, как организационно-распорядительный документ (протокол оперативного совещания или протокол заседания коллегии) наделен признаками процессуального документа, так как он указан как обязательный для субъекта, принимающего решение о продлении процессуальных сроков свыше 12 месяцев, причем данное процессуальное указание предусмотрено в организационно-распорядительном документе, а не в нормативном правовом акте, регламентирующем уголовно-процессуальную деятельность.

В соответствии с п. 1.3 приказа Председателя Следственного комитета Российской Федерации № 154 от 2 декабря 2011 г. «О внесении изменений в приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 3 „Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей“» даны указания следователю по исполнению определенных процессуальных действий, последовательность и срок их исполнения, по рассмотрению письменных заявлений подозреваемого или обвиняемого либо его законного представителя или защитника о наличии у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания. Данный организационно-распорядительный документ содержит процессуальное решение Председателя Следственного комитета Рос-

сийской Федерации, распространяемое на неопределенный круг следователей, в рамках обозначенных процессуальных вопросов.

Совместный приказ от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» регламентирует процессуальный порядок, перечень процессуальных документов, требования, предъявляемые к ним и к должностным лицам, их составившим.

Не согласны с мнением А. В. Миликовой о том, что указания руководителя следственного органа в порядке п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ «больше похожи на типичные управленческие поручения, какими характеризуется деятельность любого органа государственной власти» [2, с. 146—147], и оформлять их нужно в виде организационно-распорядительного документа «Распоряжение». Деятельность руководителя следственного органа любого уровня представляет собой совокупность возложенных на него организационно-распорядительных функций — как управленческих, так и процессуальных. Полномочия, прямо предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, оформляются процессуальными документами (чаще всего императивными).

Группа дилективных организационно-распорядительных документов (например, приказов и (или) распоряжений о распределении обязанностей, об объеме процессуальных полномочий, приказ о создании следственно-оперативной группы), в которых должностные лица наделяются процессуальными полномочиями, определяется круг их компетенций и поручений, — это особый вид организационно-распорядительных документов, которые мы можем смело назвать процессуальными.

Группа справочно-информационных дилективных процессуальных документов характеризуется документами, которые не несут самостоятельную процессуальную значимость, но обеспечивают доказательственное значение других документов и решений.

Сопроводительное письмо — это вид служебного письма, в котором адресат информируется о направлении ему прилагаемых к письму документов или материальных ценностей.

Служебное письмо — средство общения, например, Следственного комитета и следственных органов, учреждений, организаций Следственного комитета и их должностных лиц в процессе осуществления функций с органами государственной

власти и иными государственными органами, учреждениями, организациями и частными лицами (п. 3.12 Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации).

Служебные письма оформляются на общих угловых гербовых бланках документов и угловых гербовых бланках для писем следственных органов, учреждений, организаций Следственного комитета, без указания наименования документа, в соответствии с пунктом 3.12 Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации.

По назначению и содержанию сопроводительное письмо относится к виду справочно-информационных документов. Но, анализируя следственную и судебную практику, можно прийти к выводу, что правоприменители наделяют его процессуальной значимостью.

Например, Волховской городской прокуратурой для производства дополнительного следствия возвращено уголовное дело. В его материалах имеется протокол допроса свидетеля П., который производился участковым уполномоченным полиции на основании имеющегося в деле поручения. Однако в материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо сопроводительные документы к протоколу допроса, из которых можно было бы установить источник получения данного доказательства, а также решить вопрос о производстве допроса уполномоченным на то лицом. Соответственно, указанное доказательство не может быть использовано в процессе доказывания по уголовному делу, поскольку не установлен источник, из которого оно получено, а также не проверены полномочия лица, производившего допрос [3, с. 38].

Низкое качество составления сопроводительных писем может повлечь утерю процессуальных документов, перенаправляемых из одного подразделения в другое, то есть — утрату доказательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь (дознатель) в ходе осуществления следственной проверки вправе истребовать документы и предметы. Порядок их истребования законодательно не закреплен, следователь направляет личный запрос об истребовании конкретных документов, предметов или сведений или поручает эти действия органу дознания в установленном законом порядке.

Порядок направления запроса, его содержание и форма четко регламентированы в УПК РФ только в гл. 53 «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными

органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями». В связи с этим международные запросы не вызывают ни практических, ни теоретических вопросов.

Определять круг сведений, получение которых необходимо как при проверке сообщения о преступлении, так и в ходе осуществления предварительного расследования, нецелесообразно. Эти документы, предметы и сведения могут быть истребованы с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Запросы оформляются по правилам ведения служебной переписки, их форма и содержание императивно уголовно-процессуальным законодательством не определены.

Факт направления мотивированного запроса государственным и муниципальным органам, предприятиям, учреждениям, организациям, должностным лицам и гражданам об истребовании документов, предметов и сведений возлагает на них обязанность по его исполнению в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ. В процессуальной деятельности запрос реализует двоякую функцию: во-первых, является обязательным основанием для направления соответствующему должностному лицу истребуемых документов, предметов и сведений, во-вторых, подтверждает законный способ получения результатов, представленных учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Например, с целью изучения обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, подлежащих обязательному доказыванию по уголовному делу, следователем направляются запросы по месту жительства, по месту работы (учебы) обвиняемого, в психиатрический и наркологический диспансеры, в которых излагаются мотивы данных обращений, а именно факт возбужденного уголовного дела и необходимость получения запрашиваемой информации с целью всестороннего его расследования. В ответ на полученный запрос соответствующие организации и должностные лица направляют документы, которые, по сути, являются источниками доказательств.

Планирование — неотъемлемая часть организации предварительного расследования, осуществляемая на различных этапах его производства.

Составляя **план**, следователь опирается на уже имеющиеся данные с целью отработки следственных версий. Вместе с тем следователь должен принять решение об исполнителе намеченного мероприятия, которым может быть как следователь другого следственного или военного следственного

органа, так и сотрудник органа дознания. Оформленный план следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий необходимо согласовать со всеми руководителями, чьи сотрудники будут принимать участие в расследовании конкретного уголовного дела.

Данный документ не подшивается в уголовное дело, но на его основании следователь по ходу всего расследования организует свою деятельность, а в случае составления согласованного межведомственного плана — в том числе и деятельность других должностных лиц, оказывающих помощь (осуществляющих оперативное сопровождение) по уголовному делу. План (согласованный план) расследования является документом, на основе которого руководитель следственного органа осуществляет ведомственный процессуальный контроль, как текущий, так и при продлении сроков предварительного расследования, при решении вопроса о продлении сроков содержания под стражей. Итоговых решений план расследования не содержит, резолюций и указаний тоже, в нем не зафиксированы ни ход, ни результаты следственных действий, но он содержит перечень мероприятий по уголовному делу — систему действий, основанную на выдвинутых версиях, что позволяет при минимальных затратах сил, времени и средств успешно решить поставленные задачи.

Любое планирование предусматривает обязательное выдвижение версий и определение круга вопросов, подлежащих выяснению с целью отработки каждой из них. По каждой версии необходимо определить круг следственных действий и организационных мероприятий, срок их проведения и конкретных исполнителей. В ходе расследования план подлежит корректировке в зависимости от получаемой информации.

Во вводной части плана указывается регистрационный номер уголовного дела и фабула совершенного преступления, информация, которая известна следователю на момент возбуждения уголовного дела. Самой распространенной формой плана является таблица из шести столбцов:

- 1) следственные версии;
- 2) обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- 3) следственные действия и другие мероприятия, подлежащие проведению;
- 4) сроки проведения;
- 5) исполнитель;
- 6) отметка об исполнении.

«Версия — это обоснованное предположение о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела»

[4, с. 472]. На первоначальном этапе расследования преступления дефицит информации вынуждает следователя довольствоваться выдвижением лишь типичных версий, однако производство первоначальных следственных действий позволяет следователю их конкретизировать. Необходимость скорейшего производства данных мероприятий связана с возможной утратой доказательств, как в материальной среде, так и в сознании очевидцев. Все мероприятия, включенные в план, должны быть процессуально целесообразны и экономичны, соответствовать методике и тактике производства отдельных следственных действий, методике расследования соответствующих видов преступлений по каждому из эпизодов преступной деятельности, в своей совокупности достаточны для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

При решении вопроса об исполнителе отдельных следственных действий необходимо помнить о том, что их производство недопустимо лицами, не обладающими (или не наделенными) процессуальными полномочиями. Пренебрежение этим правилом может быть причиной признания полученного доказательства недопустимым. Нельзя привлекать в качестве участников уголовного судопроизводства курсантов, проходящих учебную практику в следственных органах, стажеров из числа студентов учебных заведений высшего профессионального образования, общественных помощников следователей и т. п. [5].

Нельзя недооценивать значение планирования работы по уголовному делу. Ведомственные приказы наделяют руководителей следственных органов обязанностью требовать от следователя в сжатые сроки предоставления поэтапного плана расследования по уголовному делу, плана расследования по группе дел, плана организации проведения оперативно-разыскных мероприятий по уголовному делу. Качественное составление плана и грамотное следование ему, с учетом процессуальной целесообразности запланированных мероприятий, экономичности, соответствия методике расследования, напрямую влияет на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, делая этот процесс упорядоченным, направленным на повышение эффективности доказывания.

Еще один процессуальный документ, не предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством, но активно используемый в практической деятельности, — **график** ознакомления с материалами уголовного дела (его формуляр был предусмотрен первоначальной редакцией

УПК РФ — до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ — и активно используется правоприменителями до настоящего момента). В результате интервьюирования практических работников стало известно, что один и тот же объем уголовного дела изучается обвиняемыми, находящимися под различными мерами пресечения, в разный срок. Если в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то срок ознакомления с материалами уголовного дела увеличивается в разы по сравнению с тем, который необходим обвиняемому, находящемуся на свободе, для ознакомления с уголовным делом, аналогичным по объему. Мы не будем анализировать причину происходящего (практическим работникам она очевидна). Наша задача — оценить необходимость составления графика ознакомления с материалами уголовного дела и его процессуальную значимость.

С одной стороны, график необходим следователю для возможности планирования своей деятельности, возможности предоставления равного и очередного доступа к материалам уголовного дела нескольким обвиняемым по одному уголовному делу, с другой — он является гарантом обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства. Сторона защиты при этом не критически относится к данному документу, аргументируя свою позицию отсутствием его нормативного закрепления, противоречащим положениям чч. 2, 3 ст. 217 УПК РФ.

Обращения (заявления, ходатайства, жалобы) — направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления.

Заявление — просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика их деятельности.

Жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

Порядок реализации права на обращения граждан закреплен в федеральном законодательстве,

законах субъектов Российской Федерации, нормативных актах органов местного самоуправления, в ведомственных нормативных актах.

Указанный порядок распространяется на все обращения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в ином порядке, установленном федеральными конституционными законами, федеральными законами и международными договорами.

Группа **информационно-статистических документов** напрямую не связана с расследованием уголовного дела и уголовным преследованием, но отдельно от них не существует и предназначена для осуществления единого учета преступлений.

Учетные документы служат для сбора и систематизации сведений об объектах учета, подлежащих отражению в статистической отчетности.

Учетными документами являются статистические карточки, журналы учета, талон-уведомление о передаче уголовного дела по подследственности, представленные в электронном виде документы и иные материальные носители, отражающие количественное значение сведений об объектах учета.

Для обеспечения формирования государственных и ведомственных статистических показателей (статистического учета) используются статистические карточки (или документы первичного учета):

- на выявленное преступление (форма № 1);
- о результатах расследования преступления (форма № 1.1);
- на лицо, совершившее преступление (форма № 2);
- о движении уголовного дела (форма № 3);
- о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности (форма № 4);
- о потерпевшем (форма № 5);
- о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (форма № 6).

При изучении состояния ведомственного контроля субъектами учета проверяется полнота и своевременность внесения сведений в Единый журнал, который ведется в регистрационно-учетном подразделении правоохранительного органа. Проверяется также полнота проведенных сверок, своевременность исправления нарушений, допущенных при заполнении документов первичного учета, и возврат их в информационный центр после внесения соответствующих исправлений.

При изучении Единого журнала обращается внимание на соблюдение сроков заполнения и представления документов первичного учета,

на своевременность принятия процессуальных решений по уголовному делу, на полноту внесенных данных.

Кроме того, при производстве ведомственного контроля и прокурорского надзора проводится сверка сопоставимых реквизитов документов первичного учета преступлений (статистических карточек) и проверка межформенной логики.

В отдельную группу процессуальных документов предлагаем выделить **уведомления**, в связи с тем что обязательность направления уведомления предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством, но требования по их формуляру отсутствуют.

Уведомление, как процессуальное действие и как форма процессуального документа, оформляется по правилам служебного письма.

Принадлежность данного действия к разряду процессуальных определена императивным упоминанием о нем как обязательном (иногда самостоятельном) при выполнении ряда процессуальных и следственных действий. Например, обязательное уведомление прокурора о возбуждении уголовного дела, о задержании лица; обвиняемого — об окончании предварительного следствия; и др. Но законодатель, как правило, не выделяет для данного действия обязательную процессуальную форму и именуется его по-разному (сообщение, ознакомление, уведомление). В некоторых случаях законодатель прямо указывает на обязательную процессуальную форму уведомления — протокол, потому и оформляется он по правилам оформления протокола. В данном случае речь идет о протоколе уведомления обвиняемого об окончании следственных действий по уголовному делу (его формуляр был предусмотрен первоначальной редакцией УПК РФ — до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ и активно используется правоприменителями до настоящего момента). Следственная практика идет по тому пути, что обвиняемый о принятом решении следователя в данном случае уведомляется лично, с описанием данного действия в протоколе, с возможностью разъяснения прав, предусмотренных УПК РФ, фиксацией заявленных ходатайств.

В статье 223.1 УПК РФ предусмотрена процедура письменного уведомления о подозрении в совершении преступления с последующим составлением протокола. Данная форма уведомления не соответствует признакам процессуальных документов рассматриваемой группы, так как по своей форме и содержанию является процессуальным решением — об уголовном преследовании конкретного

лица. Уведомление о подозрении наряду с протоколом задержания — это процессуальные документы, в основу классификации которых положены свойства документа не по типу формуляра, а по его содержанию — процессуальному назначению.

Такая форма процессуального документа, как уведомление, активно используется на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Например, о произведенном задержании уведомляются в установленном порядке прокурор, близкие родственники, родственники или близкие лица, командование воинской части (если задержан военнослужащий), секретарь Общественной палаты Российской Федерации и соответствующая общественная наблюдательная комиссия (если подозреваемый является членом общественной наблюдательной комиссии), адвокатская палата субъекта Российской Федерации о задержании адвоката, посольство или консульство иностранного государства, если задержан их гражданин или подданный (ст. 96 УПК РФ). Четко регламентирован порядок уведомления лица о дне предъявления обвинения обвиняемому, находящемуся под стражей, — через администрацию места его содержания. Если обвиняемый находится на свободе, он извещается о дне предъявления обвинения в порядке, предусмотренном для вызова на допрос (военнослужащий — через командование воинской части; лицо, не достигшее возраста 16 лет, — через законных представителей либо администрацию по месту его работы и учебы). Остальной категории лиц, обвиняемых в совершении преступления, уведомления направляются лично, в порядке, предусмотренном ст. 188 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 188 УПК РФ свидетель вызывается на допрос повесткой. Повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи. Нельзя недооценивать значимость повестки как процессуального документа. Кроме организационных вопросов о месте и времени производства допроса лицу разъясняются права участника — свидетеля, в том числе на приглашение адвоката, обязанность явиться и давать показания, ответственность за неявку без уважительной причины и отказ от дачи показаний.

В части 2 ст. 188 УПК РФ предусмотрена возможность передачи повестки при помощи средств связи, но без уточнения, каких именно. Мы согласны с мнением Л. В. Бертовского о возможности использования всех видов связи, предусмотренных п. 28 ст. 2 Закона РФ «О связи», в том числе по почте, с помощью телеграфа, телефона, с использова-

нием электронной почты, SMS- и MMS-сообщений. Автор рекомендует: «в случае направления информации о вызове на допрос электронными средствами связи или по телефону следователю факт ее отправления нужно зафиксировать в соответствующем рапорте с указанием, когда, кому, по какому номеру или электронному адресу она была отправлена и какие имеются свидетельства в ее получении» [6, с. 91].

Предлагаем законодательно закрепить порядок уведомления участников процесса как о предстоящих процессуальных и следственных действиях с их участием, так и о принятых процессуальных решениях (о принятых решениях по полученному сообщению о преступлении, о прекращении уголовного преследования, о решении, принятом по жалобе, ходатайству, о движении уголовного дела и других, предусмотренных УПК РФ).

В момент надления лица статусом участника уголовного процесса необходимо разъяснить ему права и обязанности, предусмотренные соответствующей статьей. Необходимо получить у участника перечень и реквизиты удобных для него способов оповещения (номер телефона, на который будут направляться SMS- или MMS-сообщения, адрес электронной почты), при этом участник должен подтвердить, что выбранный им способ является удобным, доступным для него и сможет обеспечить его явку в обозначенные сроки или своевременно уведомить следователя (дознвателя) о невозможности прибыть с указанием причины.

Следующее уведомление, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), — о производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. Законодательно установлено: субъект (следователь или дознаватель), срок уведомления (3 суток), начало его исчисления (с момента начала производства следственного действия), адресат (судья и прокурор), обязательный перечень дополнительных процессуальных документов (копии постановления о производстве следственного действия

и протокола следственного действия). Законодательно предусмотрен порядок проверки законности произведенного следственного действия и форма итогового документа, но не предусмотрена форма уведомления и порядок его направления. Предлагаем закрепить возможность направления электронных копий указанных материалов в обозначенные сроки электронным документооборотом, что поспособствует оптимизации предварительного следствия.

Известная ранее классификация по направлению (характеру) деятельности должностных лиц, составивших процессуальный документ, выделяет акты предварительного расследования, акты прокурорского надзора, судебные акты, а также акты адвокатов и других участников уголовного процесса [7, с. 11].

По нашему мнению, данная классификация возможна по более частным признакам: например, И. С. Дикаревым предложено деление по «автору» процессуального документа [8, с. 26]. Например, такой вид процессуального документа, как «представление», необходимо различать именно по этому основанию, так как согласно определению, данному в п. 27 ст. 5 УПК РФ, представление — это «акт реагирования прокурора на судебное решение». Но в соответствии со ст. 73 УПК РФ по каждому уголовному делу обязательно установление обстоятельств, которые способствовали совершению преступления, а ч. 2 ст. 158 УПК РФ правом вынесения представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств наделяет дознавателя, руководителя следственного органа и следователя. В данном случае мы видим несоответствие норм уголовно-процессуального законодательства самим себе и предлагаем внести соответствующие изменения в п. 27 ст. 5 УПК РФ, дополнив его следующим: «акт реагирования дознавателя, руководителя следственного органа, следователя при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления».

1. Клоков С. Н. Роль организационно-распорядительных документов, отражающих результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, в процессе расследования уголовного дела // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 109—111.

1. Klovov S. N. Role of organizational and administrative documents, reflecting the results of operational-service performance of the internal affairs bodies in the process of a criminal investigation. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 109—111, 2015 (in Russian).

2. Миликова А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Миликова. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 215 с.

3. Следственные ошибки: бюллетень следственной практики. Вып. 1: Уголовно-процессуальные ошибки. Москва: ИПК СК России, 2013.

4. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. Москва, 2002.

5. Инструкция по организации и осуществлению процессуального контроля в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации (утв. приказом заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации — руководителя Главного военного следственного управления от 17.11.2015 № 150).

6. Бертовский Л. В. Допрос: тактика и технологии. Москва: Экзамен, 2015. 303 с.

7. Качалов В. И., Белый И. Ю., Бузаков И. А. Процессуальные и служебные документы следователя: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЭКМОС, 2005. 244 с.

8. Дикарев И. С. Процессуальные акты досудебного производства по уголовным делам // Уголовно-процессуальные акты в контексте современных проблем уголовного судопроизводства: сб. науч. тр. по итогам Всерос. круглого стола, г. Волгоград, 16—17 апр. 2019 г. / под ред. И. С. Дикарева, Н. А. Соловьевой; редкол.: И. С. Дикарев (отв. ред.) [и др.]; Волгогр. гос. ун-т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 25—29.

© Золотухина Н. В., Жукова П. Н.,
Горкина Е. В., 2021

2. Milikova A. V. Criminal procedure acts of the preliminary investigation. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2020: 215 (in Russian).

3. Investigative errors: Bulletin of investigative practice. Issue 1: "Criminal procedure errors". Moscow: IPK of the Investigative Committee of Russia; 2013 (in Russian).

4. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Forensic Science. Textbook. Moscow; 2002 (in Russian).

5. Instructions on the organization and implementation of procedural control in the military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation (approved by the order of the Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation — Head of the Main Military Investigative Department No.150 on 17 November 2015) (in Russian).

6. Bertovsky L. V. Interrogation: tactics and technologies. Moscow: Examen; 2015: 303 (in Russian).

7. Kachalov V. I., Bely I. Yu., Buzakov I. A. (et al.) Procedural and official documents of the investigator. An educational and practical manual. 2nd ed., rev. and add. Moscow: EKMOS; 2005: 244 (in Russian).

8. Dikarev I. S. Procedural regulatory acts in pre-trial proceedings on criminal cases. In: Criminal procedural acts in the context of modern problems of criminal proceedings. Collection of scientific articles following the results of the All-Russian round table, 16—17 April 2019, Volgograd. Ed. by I. S. Dikarev, N. A. Solovieva; editorial board: I. S. Dikarev (editor-in-chief) (et al.); Volgograd state university. Volgograd: VolSU Publishing House; 2019: 25—29 (in Russian).

© Zolotukhina N. V., Zhukova P. N.,
Gorkina E. V., 2021

Золотухина Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Военного университета
Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Zolotukhina Natalia Valerevna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the University of the Ministry
of Defense of Russian Federation,
candidate of juridical sciences;
e-mail: nat_kosterina@mail.ru

Жукова Полина Николаевна,
профессор кафедры
информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина,
доктор физико-математических наук, доцент;
e-mail: pnzhukova@mail.ru

Горкина Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lengor43@rambler.ru

Zhukova Polina Nikolaevna,
professor at the department of information
and computer technologies in the activities
in the law-enforcement bodies
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of physical and mathematical sciences,
docent;
e-mail: pnzhukova@mail.ru

Gorkina Elena Vladimirovna,
associate professor at the department
of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lengor43@rambler.ru

* * *

УДК 351.741
ББК 67.401.133.1
doi:10.25724/VAMVD.UJKL

В. С. Козаренко

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Проблема обеспечения государственной защиты сотрудников органов внутренних дел не теряет актуальности в течение нескольких десятилетий. При исполнении своих обязанностей правоохранители практически ежедневно сталкиваются с активным силовым противодействием со стороны криминальных структур и отдельных лиц, преследующих противоправные цели, риском для здоровья и жизни. Результаты проведенного нами опроса 290 сотрудников органов внутренних дел из различных регионов России показали, что большинство из них (67 %) оценивают уровень своей защищенности как неудовлетворительный.

В данной статье рассматриваются основные проблемы, сопровождающие реализацию подразделениями собственной безопасности мер государственной защиты сотрудников органов внутренних дел. Особое внимание уделяется финансовой стороне оперативно-разыскного обеспечения государственной защиты, обязанностям правоохранителей, находящихся под государственной защитой, методическому обеспечению рассматриваемой деятельности, а также проблемам взаимодействия подразделений собственной безопасности с подразделениями органов внутренних дел и иными правоохранительными органами.

Ключевые слова: государственная защита, сотрудники органов внутренних дел, подразделения собственной безопасности, меры безопасности.

V. S. Kozarenko

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF MEASURES
OF STATE PROTECTION POLICE OFFICERS?**

The problem of providing state protection for employees of internal affairs bodies has not lost its relevance for several decades. In the performance of their duties, law enforcement officers almost daily encounter active forceful opposition from criminal structures and individuals pursuing unlawful goals, risk to health and life. The results of our survey of 290 police officers from different regions of Russia showed that most of them (67 %) assess their level of security as insufficient.

This article describes the main problems accompanying the implementation of internal security units of measures of state protection of employees of internal affairs bodies. Particular attention is paid to the financial side of the operational and investigative support of state protection, the duties of law enforcement officers under state protection, the methodological support of the activities in question, as well as the problems of interaction between the internal security units with departments of the internal affairs bodies and other law enforcements.

Key words: state protection, police officers, internal security units, security measures.

Политическое, экономическое и социальное развитие Российской Федерации диктует необходимость укрепления государственной власти как гаранта правопорядка и безопасности граждан.

Ведущее место здесь занимают судебная система, надзорные органы и органы внутренних дел (ОВД). Однако выполнение ими своих профессиональных задач все чаще сопровождается риском

и совершением в отношении них преступных посягательств.

Обеспечение государственной защиты сотрудников ОВД — важнейшая функция Министерства внутренних дел Российской Федерации, которая, в том числе, гарантирует высокую эффективность их деятельности. Данный тезис убедительно доказывает кадровая ситуация, сложившаяся сегодня в системе МВД России: отток личного состава, в частности наиболее квалифицированных сотрудников, приводит к ощутимому размыванию профессионального кадрового ядра, ухудшению морально-психологического состояния коллектива, снижению престижа службы в органах внутренних дел и боеготовности в целом. Такое положение можно объяснить многими причинами, в том числе *недостаточным уровнем защищенности* личного состава, крайне неэффективной практикой реализации социальных гарантий, которая, в свою очередь, обусловлена *отсутствием четкого механизма охраны и защиты этой категории граждан* и несовершенством законодательства, закрепляющего гарантии социальной защиты сотрудников ОВД. Е. И. Мазова отмечает, что в идеале уровень защиты сотрудников правоохранительных, контрольных (надзорных) органов должен быть таким, чтобы у преступников не возникало желания решить проблемы посредством насильственного воздействия на представителей власти [1, с. 27]. С сожалением приходится констатировать, что сегодня этот уровень достаточно низок, о чем свидетельствуют данные проведенного нами анкетирования сотрудников ОВД Кабардино-Балкарской Республики, республик Дагестан и Калмыкия, Ставропольского края, Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ленинградской, Астраханской, Ростовской и Волгоградской областей (290 человек). Так, 67 % респондентов оценили реальное состояние своей защиты как неудовлетворительное, 26 % — как удовлетворительное, 7 % — как высокое. Приведенные цифры позволяют говорить о том, что в настоящее время необходимость обеспечения государственной защиты сотрудников ОВД приобрела особую актуальность.

Защита жизни и здоровья сотрудников ОВД, их близких родственников, а в исключительных случаях и иных лиц, на чью жизнь, здоровье и имущество совершается посягательство в целях противодействия законной деятельности сотрудников ОВД либо принуждения к изменению ее характера или же из мести за нее, выступает важнейшей госу-

дарственной задачей, которая, несмотря на создание 5 августа 1998 г. Главного управления собственной безопасности МВД России, взявшего на себя функции по обеспечению государственной защиты сотрудников органов внутренних дел и их близких, не получила своего должного решения [2]. В настоящее время Главное управление собственной безопасности МВД России является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации и оперативным подразделением криминальной полиции, обеспечивающим и осуществляющим функции министерства по разработке и реализации мер обеспечения собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации, государственной защиты сотрудников органов внутренних дел и их близких, защиты сотрудников от дискредитации, осуществляет организационно-методическое руководство территориальными подразделениями собственной безопасности органов внутренних дел. Территориальные подразделения собственной безопасности занимаются защитой сотрудников ОВД в случае возникновения угроз, связанных с исполнением ими служебных обязанностей, однако это не снижает уровня физического и психологического рисков, которые сопровождают служебную деятельность многих категорий работников системы МВД России, поскольку силовое воздействие на них криминальной среды увеличивается. В числе форм последнего нужно выделить такие, как:

- сбор компрометирующих материалов, фальсификация материалов (психологическое давление), в том числе в отношении близких родственников;

- поджоги, взрывы в целях уничтожения имущества и устрашения;

- нападения на близких, похищения членов семьи;

- избиения, пытки, убийства.

Применение мер силового воздействия со стороны преступников на сотрудников ОВД говорит о высокой степени криминализации общества, абсолютной безбоязненности преступных групп и их уверенности в том, что убийства и иные уголовно наказуемые деяния, совершенные ими, не будут раскрыты.

Для обеспечения защиты жизни и здоровья сотрудников ОВД и их близких, пресечения психологического давления, обеспечения сохранности принадлежащего им имущества с учетом конкретных обстоятельств могут применяться следующие меры безопасности:

- личная охрана;
- охрана жилища и имущества;
- выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- временное помещение в безопасное место;
- обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- перевод на другую работу (службу);
- изменение места работы (службы) или учебы (применяются только в отношении сотрудников ОВД);
- переселение на другое место жительства (применяется только в отношении сотрудников ОВД);
- замена документов;
- изменение внешности.

Все указанные меры безопасности применяются только при согласии защищаемого лица, за исключением обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах, как правило, в комплексе и зависят от конкретной ситуации.

В числе важных проблем, сопровождающих реализацию подразделениями собственной безопасности мер государственной защиты сотрудников ОВД, нужно назвать пренебрежительное отношение последних к своей безопасности. Так, известны случаи, когда сотрудники ОВД, полагаясь на собственные возможности и силы, решив, что сами справятся в сложившейся обстановке, доводили ситуацию до критической. Избежать этого возможно своевременным обращением в подразделения собственной безопасности. Последние при получении такового анализируют все обстоятельства и по результатам в трехдневный срок (в случае необходимости — безотлагательно) принимают решение о применении мер безопасности либо об отказе.

Сотрудник ОВД, в отношении которого применяются меры государственной защиты, обязан:

- выполнять законные требования сотрудников подразделений собственной безопасности;
- незамедлительно информировать сотрудников подразделений собственной безопасности о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении него;
- осторожно обращаться с имуществом, выданным в личное пользование для обеспечения безопасности;
- не разглашать сведения о принимаемых и принимавшихся мерах безопасности без разрешения подразделения, реализующего эти меры.

Иногда возникают ситуации, когда сотрудник ОВД, в отношении которого реализуются меры

государственной защиты, крайне небрежно относится к ним, что влечет за собой неблагоприятные последствия. Так, 2 ноября 2019 г. в 18:20 на улице Академика Анохина в Москве были убиты начальник Центра противодействия экстремизму МВД по Республике Ингушетия Ибрагим Эльджаркиев и его брат. Незвестный, быстро подойдя к стоявшим у автомобиля во дворе дома № 2 Ибрагиму Эльджаркиеву и его брату Ахмеду, произвел в них порядка десяти выстрелов из пистолета, после чего скрылся. Оба мужчины от полученных ранений скончались на месте. Данное покушение на Ибрагима Эльджаркиева было не первым: 12 января 2019 г. по его автомобилю неизвестные открыли огонь из автомата, тогда правоохранитель не пострадал, но после этих событий был взят под государственную защиту. В Москве он находился без охраны, чем, очевидно, и воспользовались преступники [3].

Защищаемые лица в обязательном порядке должны быть ознакомлены со своими правами и обязанностями и предупреждены об ответственности. Кроме того, им могут быть даны определенные предписания, соответствующие действующему законодательству, выполнение которых необходимо для их безопасности. Защищаемым лицам обеспечивается:

- применение мер безопасности в целях сохранения их жизни и здоровья, а также обеспечения сохранности их имущества;
- применение мер правовой защиты, предусматривающих, в том числе, повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и имущество;
- осуществление мер социальной защиты, предусматривающих реализацию права на материальную компенсацию в случае гибели, причинения телесных повреждений или иного вреда здоровью, уничтожения или повреждения их имущества в связи со служебной деятельностью.

Применение названных и иных мер может дать позитивный результат только в случае грамотного ведения оперативного сопровождения как на стадии выявления угрозы, так и на стадии ее ликвидации, поскольку оперативно-разыскная деятельность определяется разведывательно-поисковым характером и имеет целью получение информации о лицах, замышляющих, подготавливающих, совершающих преступные акты в отношении анализируемого субъекта защиты [4].

Не менее значимой проблемой реализации мер государственной защиты является проблема финансового обеспечения. Так, выделение денежных средств на оперативно-разыскное обеспече-

ние государственной защиты осуществляется централизованно. Полагаем, что уход от централизованности в вопросах финансового обеспечения мероприятий, проводимых в рамках обеспечения государственной защиты, предоставление данного права сотрудникам подразделений государственной защиты во многом бы упростили порядок подготовки необходимых мероприятий.

В числе проблем реализации мер государственной защиты также нужно назвать нехватку методических материалов, научно-исследовательских работ, создающих необходимую теоретическую базу. Сегодня особым направлением деятельности подразделений государственной защиты является участие в семинарах и форумах зарубежных специалистов по вопросам обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите. В последнее время сотрудники подразделений государственной защиты наряду с представителями Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ России), Федеральной таможенной службы Российской Федерации принимают активное участие в подобных мероприятиях, которые проводятся на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России и других учреждений, в том числе на территории государств — членов Евросоюза [5; 6]. Их результатом выступают научные и методические материалы, используемые сотрудниками при обеспе-

чении защиты лиц, подлежащих государственной защите, а также в научно-исследовательской деятельности.

Среди проблем реализации мер государственной защиты сотрудников ОВД необходимо упомянуть и отсутствие четкого взаимодействия с подразделениями органов внутренних дел (подразделениями уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, оперативно-поисковыми и оперативно-техническими и т. д.) и иными правоохранительными органами (Следственным комитетом, Генеральной прокуратурой, ФСБ России, Федеральной службой исполнения наказаний России) [7]. Этого можно достичь с помощью спланированного и интегративного использования сил и методов. Кроме того, нужна разработка комплексной системы оперативного получения данных об угрозах и готовящихся нападениях на сотрудников ОВД. Значима также информация о подготовке провокаций, нацеленных на дискредитацию органов внутренних дел, что позволит своевременно предупредить поступающие угрозы.

Помимо сказанного необходимы разработка новых и совершенствование имеющихся правовых актов по обеспечению государственной защиты сотрудников ОВД и их безопасности. Очевидным положительным моментом станет увеличение штатного расписания, но для этого потребуются финансирование на местном, государственном и федеральном уровнях.

1. Мазова Е. И. Роль функции оперативно-розыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Российский следователь. 2013. № 6. С. 25—29.

2. Мокробородов А. Н. Правовое и организационное обеспечение государственной защиты сотрудников ОВД и членов их семей // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7—5. С. 50—55.

3. От кровного до служебного. В Москве убит глава центра противодействия экстремизму Ингушетии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4148153> (дата обращения: 25.03.2021).

4. Соколов Д. С., Лебедев П. Н. Тактические способы обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД при реализации задач по государственной защите участников уголовного процесса // Деятельность правоохранительных

1. Mazova E. I. Role function of operational-search activity in ensuring the security of persons subject to state protection. Russian investigator, 25—29, 2013 (in Russian).

2. Mokroborodov A. N. Legal and organizational support of state protection of police officers and members of their families. Modern trends in the development of science and technology, 50—55, 2016 (in Russian).

3. From blood to service. The head of the center for countering extremism in Ingushetia was killed in Moscow. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4148153>. Accessed: 25 March 2021 (in Russian).

4. Sokolov D. S., Lebedev P. N. Tactical methods of ensuring personal security of police officers in the implementation of tasks for state protection of participants in the criminal process. In: Activities of law enforcement agencies in the system of coun-

органов в системе противодействия современным угрозам: сб. науч. тр. вузовского семинара. М.: Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя. 2017. С. 235—241.

5. Во Всероссийском институте повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (Московская область, г. Домодедово) начал работу семинар-совещание с руководителями подразделений государственной защиты территориальных органов МВД России по теме «Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите». URL: https://xn/mvd/structure1/Upravlenija/%D1%83%D0%BE%D0%B3%D0%B7/Publikacii_i_vistuplenija/item/2868932 (дата обращения: 26.03.2021).

6. Российские и европейские полицейские обменялись опытом по защите свидетелей. URL: <http://77.oficery.ru/social/5011> (дата обращения: 26.03.2021).

7. Замылин Е. И. Органы, обеспечивающие государственную защиту участников уголовного судопроизводства и иных лиц, специфика их деятельности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XX междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 57—62.

tering modern threats. Collection of articles of scientific high school seminar. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia; 2017: 235—241 (in Russian).

5. At the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow Region, Domodedovo), a seminar-meeting with the heads of state protection units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the topic "Issues of improving activities to ensure the safety of persons subject to state protection". Available from: https://xn/mvd/structure1/Upravlenija/%D1%83%D0%BE%D0%B3%D0%B7/Publikacii_i_vistuplenija/item/2868932. Accessed: 26 March 2021 (in Russian).

6. Russian and European police officers exchanged experience in witness protection. Available from: <http://77.oficery.ru/social/5011>. Accessed: 26 March 2021 (in Russian).

7. Zamylin E. I. Bodies providing state protection of participants in criminal proceedings and other persons, the specifics of their activities. In: Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of articles. Materials of XX international scientific-practical conference. Irkutsk; 2015: 57—62 (in Russian).

© Козаренко В. С., 2021

© Kozarenko V. S., 2021

Козаренко Владислав Сергеевич,
старший оперуполномоченный
по ОВД 1 отделения 1 отдела
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции
ГУ МВД России по Волгоградской области;
e-mail: vkozarenko@mvd.ru

Kozarenko Vladislav Sergeevich,
senior detective for the internal affairs bodies
of the 1st department
of the Department of economic security
and anti-corruption state department
of the Ministry of the Internal Affairs
of Russia for the Volgograd region;
e-mail: vkozarenko@mvd.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi:10.25724/VAMVD.UKLM

С. И. Колесников

**ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ
ЛИЦАМ, ОКАЗЫВАЮЩИМ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

В статье основной акцент сделан на проблемах применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Автор предлагает закрепить в нем отдельную норму, которая регламентировала бы заключение соглашения между членом преступной группы, совершившим противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченным к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшим раскрытию преступлений, возместившим нанесенный ущерб или иным образом загладившим причиненный вред, и представителем правоохранительной системы государства (по нашему мнению, на основании представления сведений руководителем оперативно-розыскного органа им должен быть соответствующий прокурор) об освобождении от уголовной ответственности за совершение ретроспективных противоправных действий этим лицом и санкционировании перспективных противоправных действий в целях борьбы с преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, правовая основа, правовое регулирование, преступление, преступность.

S. I. Kolesnikov

**ISSUES OF SUPPORT THE LEGAL GUARANTEES
TO PERSONS PROVIDING ASSISTANCE TO THE BODIES
MAKING THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

The article focuses on the problems of legal application of the Federal Law "On operational investigative activities". The author proposes to fix in the operational investigative law a separate norm regulating the conclusion of an agreement between a member of a criminal group who committed an illegal act that did not entail serious consequences, and involved in cooperation with the body carrying out operational investigative activities, actively contributed to the disclosure of crimes, compensated for the damage caused or otherwise made amends for the damage caused, and a representative of the law enforcement system of the state (we believe that it should be the appropriate prosecutor, on the basis of the submission of information by the head of the operational search body) on the exemption from criminal liability for committing retrospective illegal actions by this person and the authorization of prospective illegal actions in order to combat crime.

Key words: operational investigative activities, legal basis, legal regulation, crime, criminality.

Рассматривая правовое регулирование деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию преступлениям, будет правильным не просто констатировать те нормативные предписания, которые регламентируют различные правоотношения, возникающие в рамках их выявления и раскрытия, но и предложить пути их совершенствования.

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) правовую основу оперативно-розыскной деятель-

ности составляют нормативные правовые акты различной юридической силы, имеющие непосредственное и опосредованное отношение к рассматриваемой специфической сфере. От Конституции Российской Федерации до документов, регламентирующих организацию и тактику проведения оперативно-розыскных актов, подготавливаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в рамках своей компетенции. В череде нормативных предписаний, регулирующих общественные отношения в оперативно-

разыскной сфере, особую роль играет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Как справедливо отмечают С. С. Галахов, А. В. Галахова и Ш. Р. Берсанов, «в современных условиях роль правовых и нормативных основ регулирования правоотношений, возникающих в сфере организации ОРД и проведения ОРМ, повышается в связи с тем, что без их существования и развития невозможно создать необходимые предпосылки совершенствования управления деятельностью соответствующих органов» [1, с. 67].

Формальное изучение конструкции названного нормативного правового акта позволяет констатировать, что он состоит из семи глав, содержащих в себе всего 23 статьи. Для сравнения — уголовно-процессуальный кодекс состоит из 57 глав, содержащих 475 статей [2]. По мнению ряда ученых, подобное сравнение не в пользу оперативно-розыскного закона. Многие вопросы, требующие своей регламентации, либо остались за рамками правового поля, либо внедрены исключительно в ведомственные нормативные акты из-за невозможности открытого (гласного) их рассмотрения.

Так, по мнению современных ученых, «анализ проблем оперативно-розыскной деятельности сквозь призму научных разработок других отраслей права свидетельствует, что оперативно-розыскное законодательство не успевает за развитием правовых средств защиты человека, вовлеченного в правоохранительную сферу» [3]. В. А. Гусев высказал точку зрения, что «действующая законодательная модель комплекса прав органов, осуществляющих ОРД, не имеет стройной системы и не позволяет сформировать объективное представление о сущности и содержании этих прав» [4, с. 18].

По мнению А. Е. Четчина [5, с. 9], «закон об ОРД нуждается в законодательном „лечении“. При этом нужно помнить, что если закон по-настоящему качественный, он не может плохо применяться, а если оставляет возможность плохого применения, он уже не качественный. Законодатель же должен предусматривать не только „хитрость“ правоприменителя, но и возможность низкого качества его работы, а также ненамеренное искаженное понимание нормы и исключать таковую возможность» [6, с. 375]. И таких высказываний множество. Достаточно сказать, что ни одна статья из 23, составляющих основу Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не выдержала критики со стороны ученых. Н. С. Железняк подготовил научную работу «„Черные дыры“ и „белые пятна“ Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“: юридические и лингвистические аспекты» [7], где

подверг конструктивной критике все нормы закона об ОРД. Полагаем, отсюда предложения по кардинальному внесению изменений в действующий нормативный правовой акт, издание принципиально нового федерального закона и предложения о кодификации норм, регулирующих правоотношения в данной сфере (см., например: [8—11]). Одним из последних, интересных с точки зрения теории и практики оперативно-розыскной деятельности, является проект федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный заслуженным юристом Российской Федерации доктором юридических наук, профессором В. Ф. Луговиком [12]. В поддержку данной идеи высказались ученые Омской школы подготовки оперативных сотрудников. Так, Н. В. Павличенко отметил, что «в связи с тем, что оперативно-розыскная деятельность регламентируется на федеральном уровне не только Федеральным законом „Об оперативно-розыскной деятельности“, но и другими федеральными законами („О наркотических средствах и психотропных веществах“, „О связи“, „Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации“, „О статусе судей Российской Федерации“ и др.), полагаем абсолютно верным придание Федеральному закону „Об оперативно-розыскной деятельности“ статуса кодифицирующего нормативного правового акта — кодекса, обладающего приоритетом относительно других нормативных актов не по силе действия, а исключительно по предмету регулирования. Как правильно отметил автор законопроекта в пояснительной записке, это позволит предотвратить происходящее в настоящее время „размывание“ предмета правового регулирования оперативно-розыскной деятельности» [13, с. 109]. Положительную рецензию проект получил от специалистов смежных направлений правоохранительной сферы. Так, И. А. Насонова отметила, что «предложенный В. Ф. Луговиком проект федерального закона меняет концепцию правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, обозначая тем самым формирование отрасли оперативно-розыскного права» [14, с. 76].

Почему мы уделили значительное внимание проекту профессора В. Ф. Луговика? Потому, что убеждены, что вопросы совершенствования оперативно-розыскного закона должны решаться комплексно, и несмотря на то, что действующий федеральный закон выполняет свою основную функцию — борьбу с преступностью с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов, — он, по мнению большинства сотрудников опе-

ративных подразделений, представляет собой прогнивший корабль, который может в любой момент пойти ко дну. По мнению опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК), каждый из них встречался с правоприменительными проблемами при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. В то же время 74 % опрошенных считают, что проблемы есть непосредственно в нормах Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В качестве основных проблемных зон, требующих своего скорейшего разрешения, сотрудники оперативных подразделений отметили недостатки и сложности документирования организованных преступных формирований (89 % опрошенных). Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Если говорить об отдельных преступлениях, носящих трансграничный и организованный характер, выявление и раскрытие которых входит в компетенцию подразделений ЭБиПК, сотрудники оперативных подразделений отмечают сложности в получении первичной информации, документировании противоправных действий и в отсутствии подходов к лицу, совершающему экономическое преступление (на данное обстоятельство указало более 89 % опрошенных). Чем тут может помочь оперативно-разыскное законодательство? Первым делом правовой и социальной поддержкой лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам в борьбе с преступностью. Видимо, поэтому ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД «Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность» зафиксировала, что «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Прекрасная идея, которая в правоприменительной практике, к сожалению, не реализована. Существование данной статьи в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», к сожалению, никак не повлияло на эффективность борьбы с организованной преступностью, «а случаи реализации механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-

разыскную деятельность, судебной практике неизвестны» [15, с. 57].

Причина, на наш взгляд, в неудачной конструкции данной нормы, которая содержит ряд оценочных категорий: «противоправное деяние», «активное содействие раскрытию», «не повлекшее тяжких последствий». Кроме того, предлагаемые в рассматриваемой норме условия освобождения от уголовной ответственности не коррелируются с нормами Уголовного (УК РФ) и Уголовно-процессуального (УПК РФ) кодексов Российской Федерации. Каков же выход из сложившейся ситуации? Мнения современных ученых по этому поводу разделились. Одни считают, что ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД корреспондирует с институтом деятельного раскаяния, что позволяет освободить от уголовной ответственности лиц в связи с их сотрудничеством в раскрытии преступлений [16, с. 13]. Другие приходят к выводу, что положение ч. 4 ст. 18 названного закона позволяет применять институт крайней необходимости. Третьи пришли к выводу, что данное положение строго не оговорено в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, что составляет реализацию этой законодательной нормы на усмотрение следователя, прокурора, суда [17, с. 118]. Проведенный ранее опрос практических работников показал, что они не надеются на нормы права и предлагают лицам, оказывающим содействие, организационно-тактические способы избежания привлечения к уголовной ответственности (67,8 % опрошенных оперативных сотрудников считают, что иного пути защиты конфиденентов просто нет) [18, с. 176]. Есть еще одна кардинальная точка зрения, согласно которой института освобождения от уголовной ответственности членов преступной группы, совершивших противоправное деяние... (ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД), не существует [19, с. 36—39].

Все разнообразие взглядов вызвано тем обстоятельством, что предлагаемая в Законе об ОРД правовая конструкция не корреспондируется с нормами УК и УПК РФ. Иными словами, реализация положений ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД возможна лишь по основаниям, предусмотренным в уголовном законе, в пределах процедур, закрепленных в уголовно-процессуальном законе [20, с. 490].

К сожалению, в действующем в настоящее время уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве эти основания и процедуры отсутствуют. Действительно, к рассматриваемой ситуации нельзя применить ч. 1 и ч. 2 ст. 75 УК РФ, которые устанавливают весьма узкие рамки поведения для субъектов, претендующих на освобождение

от уголовной ответственности. Современные ученые считают, что применение института «крайней необходимости» (ст. 39 УК РФ) также ограничено правовыми предписаниями. Так, В. А. Гусев считает, что «конфидент может совершить преступление с превышением пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 39 УК РФ), при этом мотивы совершения такого преступления могут быть не менее важны для охраняемых законом интересов общества и государства, учитывая при этом, что в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД нанесенный ущерб будет возмещен» [4, с. 62—63]. Таким противоправным деянием, например, может быть преступление, совершенное конфидентом в качестве доказательства своего статуса в преступной группе. Об этом пишут в своей работе В. М. Антонов и В. П. Кувалдин, которые в результате исследования пришли к выводу, что криминальной проверке подлежит каждый новый член преступного сообщества, при этом речь идет, как правило, об участии в совершении преступления [21, с. 23—24].

Для исправления данной ситуации и конвергенции оперативно-разыскного законодательства с уголовным и уголовно-процессуальным ученые предлагают различные правовые конструкции этих нормативных актов. Так, еще в 1997 г. А. Ю. Шумилов в ст. 78 своего проекта модели Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предлагал детализировать правила деятельного раскаяния в ОРД и разработать проект соответствующей нормы «Обстоятельства, исключаящие противоправность деяния в оперативно-розыскной деятельности, и деятельное раскаяние лица, совершившего преступление» [22, с. 139]. Практические шаги по внесению изменений в уголовный и уголовно-процессуальный законы предложены многими авторами (М. А. Шматов, Н. С. Железняк, А. В. Савинский, И. М. Цимерман и др.) (см., например: [7, с. 55; 24, с. 37] и др.). Кроме того, предлагается корреляция (согласование) оценочных позиций ч. 4 ст. 18 («противоправное деяние», «активное содействие раскрытию», «не повлекшее тяжких последствий» и др.) с формально определенными в уголовном праве категориями (В. В. Кожевников, В. В. Николук и др.) (см., например: [25, с. 141; 26, с. 144] и др.).

К сожалению, предлагаемые изменения законодательства не нашли своего воплощения в реальной правоприменительной практике. Причина, по которой не вступили в силу предлагаемые изменения, нам видится не в нерадивости законодателя, а в принципиально неверном подходе к данному вопросу. Какие бы изменения мы ни внесли в УК РФ

и УПК РФ, они не смогут убрать оценочный субъективизм при возможном использовании ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД в практической деятельности. Наличие же субъективизма при принятии решения ставит под сомнение вопрос освобождения от уголовной ответственности и не дает 100 %-ной гарантии, что это решение будет принято.

Иными словами, в предлагаемой выше правовой конструкции не совпадают субъект, который дает обещание об освобождении от уголовной ответственности, и субъект, который принимает решение по существу. Кроме того, надежда на освобождение от уголовной ответственности остается исключительно надеждой, пока не будут зафиксированы документально обязанности сторон. Таким образом, полагаем, что между членом преступной группы, совершившим противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченным к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшим раскрытию преступлений, возместившим нанесенный ущерб или иным образом загладившим причиненный вред, и представителем правоохранительной системы государства должно быть заключено соглашение. Именно в нем должно быть зафиксировано, на какие *ретроспективные* действия этого лица государство может «закрыть глаза» и в чем будет выражаться конкретное содействие раскрытию преступлений. При заключении подобного соглашения будут нивелированы вопросы, касающиеся времени привлечения к конфиденциальному сотрудничеству (до совершения преступления или после), так как заключение предлагаемого соглашения подтверждает факт сотрудничества с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

В данном разрезе исследования возникает и другая проблема. Она вызвана тем, что лицо, подписавшее подобное соглашение, получит одобрение со стороны государства на ретроспективные действия (совершенные до его подписания). Вместе с тем это лицо не прекращает быть членом преступной группы, ему по-прежнему необходимо подтверждать свой социальный статус как преступника и т. п. Иными словами, ему также необходимо разрешение (санкционирование) на некие *перспективные* противоправные действия, которых избежать практически невозможно, если поддерживать отношения с лидерами и организаторами преступной группы. По мнению сотрудников оперативных подразделений, имитацией противоправной деятельности в данном случае не обойтись.

Опыт зарубежных стран свидетельствует, что подобное перспективное разрешение на совершение преступления нормативно закреплено и имеет положительный эффект в борьбе с преступностью (подобные нормы закреплены в уголовном законодательстве Республики Беларусь (ст. 38), Украины (ст. 43), Эстонии (ст. 13.2) и ряде других). Так, например, в США (Инструкция по тайным операциям ФБР 1987 г.) осведомителям разрешено участвовать в действиях, образующих состав преступления, в случае, когда необходимо:

- 1) добыть информацию, имеющую первостепенное значение для привлечения разрабатываемых лиц к уголовной ответственности;
- 2) поддержать достоверность легенды в глазах членов преступной организации;
- 3) предупредить опасность для жизни и здоровья людей [27, с. 50—52]. Данные действия при этом санкционируются руководством ФБР.

На основании сказанного считаем возможным закрепить в оперативно-разыском законе отдельную норму, регламентирующую заключение соглашения между лицом из числа членов преступной группы, совершившим противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченным к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшим раскрытию преступлений, возместившим нанесенный ущерб или иным образом загладившим причиненный вред, и представителем правоохранительной системы государства (полагаем, что данным представителем должен быть соответствующий прокурор, на основании представления сведений руководителем оперативно-разыского органа) об освобождении от уголовной ответственности за совершение ретро-спективных противоправных действий этим лицом и санкционировании перспективных противоправных действий в целях борьбы с преступностью.

1. Галахов С. С., Галахова А. В., Берсанов Ш. Р. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционные и уголовно-правовые источники // Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 67—74.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Павличенко Н. В., Софронов В. Н. Рецензия на проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный В. Ф. Луговиком (Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 79—80.

4. Гусев В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: монография. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2014. 129 с.

5. Чечетин А. Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и права личности // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омск. юрид. ин-т, 2011. С. 9—16.

6. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 544 с.

7. Железняк Н. С., Васильев А. Д. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юри-

1. Galakhov S. S., Galakhova A. V., Bersanov Sh. R. Legal basis of operational-search activity in the field of crime prevention: constitutional and criminal-legal sources. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 67—74, 2009 (in Russian).

2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ on 18 December 18 (as amended on 19 December 2020). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Pavlichenko N. V., Sofronov V. N. Review of the draft Federal Law "Operational-Investigative Code of the Russian Federation", prepared by V. F. Lugovik (Omsk: Omsk Law Academy, 2014. 96 p.). Scientific Bulletin Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 79—80, 2015 (in Russian).

4. Gusev V. A. Rights of operational police units: legislation and practice. Monograph. Moscow: Publishing house of I. I. Shumilova; 2014: 129 (in Russian).

5. Chechetin A. E. Federal law "On operational-search activity" and the rights of the individual. In: Topical issues of operational-search activity of internal affairs bodies. Collection of articles. Materials All-Russian scientific and practical conference. Omsk: Omsk law institute, 2011: 9—16 (in Russian).

6. Zorkin V. D. Modern world, law and constitution. Moscow: Norma; 2010: 544.

7. Zheleznyak N. S., Vasiliev A. D. "Black holes" and "white spots" of the Federal law "On operational-

дические и лингвистические аспекты: монография. Красноярск: СибЮИ, 2009. 162 с.

8. Шумилов А. Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект: науч.-справ. пособие. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2004. 32 с.

9. Инициативный авторский проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об оперативно-розыскной деятельности“» / К. К. Горяинов, О. А. Вагин, А. П. Исиченко, О. Г. Ковалев // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск: Омск. юрид. ин-т, 2006. С. 80—90.

10. Луговик В. Ф. Инициативный авторский проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск: Омск. юрид. ин-т, 2006. С. 44—79.

11. Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В. Ф. Луговик. Омск: Омск. юрид. ин-т, 2006. 92 с.

12. Луговик В. Ф. Концепция и новации проекта оперативно-розыскного кодекса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4. С. 73—75.

13. Павличенко Н. В. Нужен ли новый оперативно-розыскной закон (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации») // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1. С. 106—112.

14. Насонова И. А. Рецензия на проект Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации», подготовленный В. Ф. Луговиком (Омск: Омская юридическая академия, 2014. 96 с.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 76—78.

15. Горяинов К. К., Вагин О. А., Исиченко А. П. Теория и практика применения органами внутренних дел закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. Москва, 2002.

16. Аликперов Х. Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1999. № 4. С. 12—14.

search activity": legal and linguistic aspects. Monograph. Krasnoyarsk: Siberian law institute; 2009: 162 (in Russian).

8. Shumilov A. Yu. New edition of the operational-search law of Russia: open project. Scientific-reference allowance. Moscow: Publishing house of I. I. Shumilova; 2004: 32 (in Russian).

9. Goryainov K. K., Vagin O. A., Isichenko A. P., Kovalev O. G. Initiative author's draft of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Federal Law" On Operational Investigative Activities". In: Modern approaches to the legal regulation of operational-search activity: initiative author's projects of the Federal Law "On operational-search activity". Omsk: Omsk law Institute; 2006; 80—90 (in Russian).

10. Lugovik V. F. Initiative author's draft of the Federal Law "On operational-search activity". In: Modern approaches to legal regulation of operational-search activity: initiative author's projects of the Federal law "On operational-search activity". Omsk: Omsk law institute; 2006: 44—79 (in Russian).

11. Modern approaches to the legal regulation of operational-search activity: initiative projects of the Federal Law "On operational-search activity". Compiler is V. F. Lugovik. Omsk: Omsk law institute; 2006: 92 (in Russian).

12. Lugovik V. F. Concept and innovations of the draft operational-search code. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 73—75, 2015 (in Russian).

13. Pavlichenko N. V. Do we need a new operational-search law (analysis of the draft Federal law "Operational-search code of the Russian Federation"). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, 106—112, 2015 (in Russian).

14. Nasonova I. A. Review of the draft Federal Law "Operational-Investigative Code of the Russian Federation", prepared by V. F. Lugovik (Omsk: Omsk Law Academy, 2014. 96 p.). Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 76—78, 2015 (in Russian).

15. Goryainov K. K., Vagin O. A., Isichenko A. P. The theory and practice of the law "On operational-search activity" by the internal affairs bodies. In: Problems of the theory and practice of operational-search activity. Collection of scientific works. Moscow; 2002 (in Russian).

16. Alikperov H. New Criminal Code: Problems of Exemption from Criminal Liability. Legality, 12—14, 1999 (in Russian).

17. Khalikov A. N. Legal bases of operational-search activity. Moscow: Yurlitinform; 2007: 304 (in Russian).

17. Халиков А. Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2007. 304 с.

18. Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: монография. Омск: Омск. юрид. ин-т, 2011. 248 с.

19. Егорова Н. Два закона — подход разный // Законность. 1997. № 9. С. 36—39.

20. Смирнов М. П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. М.: Экзамен, 2002. 543 с.

21. Антонов В. М., Кувалдин В. П. Противодействие преступных структур органам внутренних дел и меры по его нейтрализации: лекция. М., 1997. 26 с.

22. Шумилов А. Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России: монография. М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 1997. 232 с.

23. Шматов М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 228 с.

24. Савинский А. В., Циммерман И. М. Деятельное раскаяние: от законодательного декларирования к реальному применению // Законность. 2004. № 3. С. 36—37.

25. Кожевников В. В. Правовая активность граждан и законодательство об оперативно-розыскной деятельности // Вопросы применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1996.

26. Николук В. В. Освобождение от уголовной ответственности членов преступных групп, способствовавших раскрытию и пресечению преступлений: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные аспекты // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2006. Вып. 9.

27. Савинский А. В., Циммерман И. М. Юридическое обеспечение оперативного внедрения требует совершенствования // Российский следователь. 2005. № 11. С. 50—53.

18. Pavlichenko N. V. Legal protection of persons providing confidential assistance to bodies carrying out operational-search activity. Monograph. Omsk: Omsk law institute; 2011: 248 (in Russian).

19. Egorova N. Two laws — a different approach. Legality, 36—39, 1997 (in Russian).

20. Smirnov M. P. Comments on the operational-search legislation of the Russian Federation and foreign countries. Textbook. Moscow: Examen; 2002: 543 (in Russian).

21. Antonov V. M., Kuvaldin V. P. Counteraction of criminal structures to the internal affairs bodies and measures to neutralize it. Lecture. Moscow; 1997: 26 (in Russian).

22. Shumilov A. Yu. Problems of legislative regulation of operational-search activity in Russia. Monograph. Moscow: Publishing house of I. I. Shumilova; 1997: 232 (in Russian).

23. Shmatov M. A. Theory of operational-search activity in the system of criminal law sciences. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia; 2001: 228 (in Russian).

24. Savinsky A. V., Zimmerman I. M. Active repentance: from legislative declaration to real application. Legality, 36—37, 2004 (in Russian).

25. Kozhevnikov V. V. Legal activity of citizens and legislation on operational-search activity. In: Questions of the application of the Federal law "On operational-search activity". Interuniversity collection of scientific works. Omsk; 1996 (in Russian).

26. Nikolyuk V. V. Exemption from criminal liability of members of criminal groups that contributed to the disclosure and suppression of crimes: criminal law, criminal procedure and operational-search aspects. In: Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice. Interuniversity collection of scientific works. Krasnoyarsk; 2006; 9 (in Russian).

27. Savinsky A. V., Tsimmerman I. M. Legal support of operational implementation requires improvement. Russian investigator, 50—53, 2005 (in Russian).

© Kolesnikov S. I., 2021

© Колесников С. И., 2021

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Колесников Сергей Иванович,
начальник управления экономической
безопасности
и противодействия коррупции МВД
по Республике Коми;
e-mail: skolesnikov36@mvd.ru

Kolesnikov Sergei Ivanovich,
head of the department of economic security
and anti-corruption
of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Коми;
e-mail: skolesnikov36@mvd.ru

* * *

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2
doi:10.25724/VAMVD.URST

Н. С. Костенко, О. А. Рыжкова

**ОНЛАЙН-ДОПРОС НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

В статье анализируется законодательная инициатива, предложенная в рамках совершенствования порядка производства допроса потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста с использованием видеоконференц-связи с целью соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, экономии финансовых ресурсов, повышения качества расследуемых уголовных дел. Предлагаемые поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, с одной стороны, упростят работу следователя, предоставив ему возможность допрашивать лиц, находящихся на отдаленном расстоянии от места производства предварительного следствия, с другой — несовершенство предлагаемой нормы может вызвать на практике множество вопросов по ее применению и реализации, что отразится на эффективности производства допроса в дистанционном режиме и востребованности такого порядка осуществления следственных действий. Авторы рассматривают положительные и отрицательные аспекты предлагаемых изменений уголовно-процессуального законодательства с точки зрения соотношения их с действующими уголовно-процессуальными нормами и устоявшимися правилами производства следственных действий «традиционными» способами.

Ключевые слова: допрос, следственные действия, уголовно-процессуальное законодательство, законопроект, следователь.

N. S. Kostenko, O. A. Ryzhkova

**ON-LINE INTERROGATION AT THE PRE-TRIAL STAGES
OF CRIMINAL PROCEEDINGS: IS IT MYTH OR REALITY**

The given article deals with a legislative initiative to have been proposed while improving the procedure to interrogate a victim, a witness, an expert and a specialist by means of videoconference to observe the reasonable time principle in the criminal proceedings, to save financial resources as well as to perfect quality of the criminal cases being investigated. On the one hand, the proposed amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will simplify investigator's activity by giving him an opportunity to interrogate persons who are located far away from the place of preliminary investigation, on the other hand, the proposed rule which is considered to be imperfect one may put many questions while implementing and realizing. All these aspects will influence effectiveness of interrogation to be conducted in a distant mode as well as necessity of such a procedure to carry out investigative actions. The author examines both positive and negative aspects of the proposed amendments to the criminal procedural legislation from the point of view of their correlation to acting criminal procedural norms and established rules to carry out investigative actions in «traditional» ways.

Key words: interrogation, investigative actions, criminal procedure legislation, bill, investigator.

Допрос в рамках производства по уголовному делу всегда был и остается одним из ключевых следственных действий, и, являясь важным источником доказательств, позволяет получать основной объем информации, необходимый для расследования преступлений, выдвигать версии совершенного преступления, определять методы и тактику расследования.

На качество и последующую доказательственную значимость допроса любого из участников уголовного судопроизводства влияет множество факторов, такие как своевременность и место его производства; окружающая обстановка; наличие посторонних раздражителей или людей; осведомленность и заинтересованность уполномоченного субъекта, производящего допрос; содержание этого

процесса, заключающееся в установлении психологического контакта с оказанием при необходимости правомерного психологического воздействия на допрашиваемое лицо, а в итоге — надлежащая процессуальная фиксация результатов допроса и их последующая оценка в совокупности с ранее полученными доказательствами.

Наибольшую результативность и важность в процессе доказывания имеет своевременность производства допроса, поскольку восприятие и сохранение в памяти событий, имеющих значение для уголовного дела, со временем утрачивается, в связи с чем полнота и точность воспроизводимых на допросе фактов совершенного преступления могут быть существенно искаженными и ошибочными относительно объективной действительности. Другими словами, чем меньше прошло времени с момента преступления, тем вероятность деформации обстоятельств в сознании человека минимальнее.

Однако произвести допрос в кратчайшие сроки, особенно лиц, не проживающих по месту производства предварительного расследования, не всегда представляется возможным. В связи с этим назрела необходимость внедрения в уголовно-процессуальное законодательство правовых средств, позволяющих осуществлять отдельные следственные действия с использованием телекоммуникационных технологий, которые в настоящее время входят в процессуальную сферу деятельности правоохранительных органов.

1 июня 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации сенаторами А. В. Кутеповым и В. А. Пономаревым внесен законопроект, предусматривающий изменения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) путем дополнения его новой ст. 189.1 («Особенности допроса посредством видео-конференц-связи»).

Как следует из пояснительной записки, именно новая норма предоставит правовую возможность следователю производить допрос «потерпевшего, специалиста, эксперта, свидетеля по уголовному делу с помощью видео-конференц-связи» [1]. Необходимость обосновывается соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку наметилась тенденция «бесконечных продлений сроков предварительного расследования» по уголовному делу в связи с невозможностью производства допроса его участников, находящихся на удаленном расстоянии от органов следствия.

Вполне оправданно и указание в пояснительной записке на то, что обеспечение явки к следователю таких лиц в отдельных случаях является затруднительным, а выезд следователя по их месту нахождения влечет не только временные и материальные затраты, но и может отразиться на расследовании других уголовных дел, одновременно находящихся у него в производстве.

Безусловно, законодательно предусмотрена возможность следователю делегировать право производства допроса или иного конкретного следственного действия по поручению другому уполномоченному субъекту (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Однако такое лицо тактически не заинтересовано в результативности выполнения порученных следственных действий, а отсутствие необходимых сведений об обстоятельствах уголовного дела и неосведомленность о содержании уже имеющихся в нем материалов приводит, в основном, к формальному выполнению лицом данного поручения, без погружения в суть дела и оценки содержания и значимости получаемой информации. Это часто влечет за собой проведение дополнительных следственных действий (например, дополнительный допрос свидетеля) для уточнения полученных сведений.

В итоге все это сказывается на законности и обоснованности принимаемых решений в рамках производства предварительного расследования по уголовному делу, его сроках и качестве. К тому же, выполнение следственного действия лично следователем, в производстве которого находится данное уголовное дело, априори будет более результативным.

В связи с этим предлагается предоставить возможность следователю производить допрос потерпевшего, специалиста, эксперта, свидетеля по уголовному делу посредством видео-конференц-связи, по аналогии с существующей уже процедурой производства следственных действий судами в дистанционном режиме в рамках рассмотрения дела по существу (ч. 4 ст. 240 УПК РФ). Это, в свою очередь, позволяет сократить сроки разрешения уголовных дел с соблюдением установленного законом порядка и принципов уголовного судопроизводства. Поэтому и предполагается, что «принятые поправки направлены на расследование уголовных дел в установленные законом разумные сроки, а также на полное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела» на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Предлагаемая норма определяет особенности онлайн-допроса следователем указанных лиц в следующих случаях:

— при невозможности личного участия допрашиваемого лица в производстве по уголовному делу;

— при нахождении допрашиваемого лица за пределами места производства;

— наличие оснований, при которых допрос должен быть произведен именно следователем или дознавателем, ведущим расследование уголовного дела, а не должностным лицом органа дознания или следователем по месту нахождения допрашиваемого.

Суть заключается в том, что следователь, в производстве которого находится уголовное дело, в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ направляет отдельное поручение в орган предварительного расследования или орган дознания по месту пребывания или нахождения лица, допрос которого следует осуществить. Соответственно, из содержания поручения должно следовать указание на обеспечение организации допроса и его особенности проведения следователем, направившим такое поручение, лично посредством видео-конференции-связи.

В то же время в предложенном законопроекте не оговорены особенности порядка проведения рассматриваемого следственного действия, в частности касающиеся обеспечения явки лица по месту его фактического производства, что вызовет на практике затруднения в применении дополняемой нормы.

Исходя из текста законопроекта, протокол допроса, произведенный в таком режиме, при участии двух должностных лиц «составляется с соблюдением требований настоящей статьи, статей 166, 167, 190 настоящего Кодекса. В протоколе допроса посредством видео-конференц-связи указывается должность, фамилия и инициалы как лица, составляющего протокол, так и дознавателя или следователя, который проводит допрос».

По факту участвовать в проведении такого следственного действия будут два должностных лица, задачи которых функционально различаются: один из них производит допрос с выбором его тактики и методики, а также определением полноты и достаточности получаемых сведений; другой всего лишь удостоверяет личность допрашиваемого, фиксирует результаты допроса и направляет составленный протокол для приобщения к материалам уголовного дела. Статья 166 УПК РФ при этом содержит требование о необходимости указания в протоколе только данных о лице, состав-

вившем его. Лицо, непосредственно производящее допрос в дистанционном режиме, согласно данной норме будет относиться к иным лицам, участвующим при производстве следственного действия. Однако это видится не совсем логичным: поскольку именно в производстве следователя или дознавателя, осуществившего допрос, находится уголовное дело, то иным лицом он являться в рамках такого следственного действия не может.

В связи с этим предлагаемая норма, касающаяся особенностей производства допроса посредством видео-конференц-связи, требует внесения соответствующих изменений и в содержание ст. 166 УПК РФ в целях определения субъектности / процессуального статуса уполномоченных лиц, участвующих при производстве допроса в такой форме.

Далее, анализируя предлагаемые поправки уголовно-процессуального кодекса, обратим внимание на то, что основным условием производства допроса посредством видео-конференц-связи является наличие технической возможности в следственных подразделениях как по месту нахождения следователя или дознавателя, так и по месту нахождения допрашиваемого лица. И здесь возникает ряд организационных вопросов: как выбрать правильный сервис или систему для видеоконференций? являются ли выбранные сервис или система правомерными для проведения следственного действия и какой тип (закрытый или публичный) и режим видеоконференций необходимо использовать? какое аппаратное устройство или программное ВКС-решение¹ может быть использовано при производстве следственного действия в дистанционном режиме?

Понятно, что разрешение этих организационных моментов станет обязанностью ведомственных подразделений соответствующих органов расследования, в зависимости от того, какой технической возможностью обладает конкретный территориальный следственный орган или подразделение дознания. Например, наподобие того, как регламентируется и организуется применение видео-конференц-связи в судах общей юрисдикции на основании регламента, предусматривающего порядок использования программно-технических комплексов, правила подготовки и проведения судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи (за исключением процессуального порядка) [2].

Наибольшую сложность представляют процессуальные аспекты. Во-первых, согласно ч. 5 ст. 166 УПК РФ в протоколе необходимо указывать перечень технических средств, примененных при производстве следственного действия, условия и поряд-

док их использования и полученные результаты, о чем заранее предупреждаются лица, в нем участвующие. Соответственно, в протоколе должны быть указаны оба устройства, с которых осуществляется организация видеоконференций, сервис или система, используемые для этого, и программное обеспечение, с помощью которого осуществляется фиксация хода следственного действия.

Во-вторых, использование любых технических средств предполагает наличие определенных результатов (видеозаписи, флеш-носители и т. д.), которые приобщаются к протоколу и могут быть дополнительно исследованы в суде, то есть требуется предусмотреть возможность объективной фиксации процесса проведения следственного действия и последующего проигрывания записи с переносом таких данных на электронные носители.

В-третьих, видится необходимым в обязательном порядке привлекать к участию в следственном действии посредством видео-конференц-связи специалиста для его технического сопровождения и выгрузки видеозаписи на электронный носитель с целью последующего приобщения к протоколу.

Таким образом, в содержании предлагаемой нормы стоит регламентировать порядок использования технических средств, с помощью которых непосредственно осуществляется видео-конференц-связь, и особенности фиксации хода следственного действия, результатов его проведения и приобщения. Иначе новые нормы в том виде, в котором предлагаются, вызовут большие затруднения в их применении, а могут и вовсе остаться нереализованными, поскольку следователю во избежание ошибок в процессе проведения допроса посред-

ством видео-конференц-связи, которые могут повлечь признание такого доказательства недопустимым, будет проще производить допрос в «традиционном» порядке.

Бесспорно, предпринимаемые попытки реформации производства расследования по уголовному делу в свете цифровизации и широкого применения технических средств во всех сферах деятельности человека, с целью ее упрощения и оптимизации, являются актуальными и востребованными практикой. К тому же складывающаяся эпидемиологическая ситуация в стране и мире в связи с новой коронавирусной инфекцией и введение ограничительных и карантинных мер, оказывающих влияние на процесс раскрытия и расследования преступлений, обуславливают необходимость дальнейшего развития института доказывания и адаптации его к современным реалиям относительно порядка участия в следственных действиях лиц, в том числе с помощью видео-конференц-связи.

Однако внедрение новых форм и средств расследования по уголовному делу, в особенности путем производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи, должно быть детально регламентировано с учетом связи с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства и установленными им правилами и общими условиями предварительного расследования, а не порождать в процессе правоприменения еще больше проблем, которые в итоге могут повлиять на допустимость получаемых доказательств, а в последующем на законность и обоснованность принимаемых по уголовному делу решений.

Примечание

¹ Программные ВКС-решения устанавливаются на выделенный сервер или ПК. Они не перекодируют видеопотоки и используют ресурсы процессоров только для передачи медиаданных.

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к Законопроекту № 1184595-7 // СОЗД: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 02.06.2021).

2. Об утверждении регламента организации применения видеоконференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции: приказ судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Explanatory note to Draft Law No. 1184595-7 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". SOZD. Website. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7>. Accessed: 2 June 2021 (in Russian).

2. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 401 on 28 December 2015. "On the approval of the rules for organizing the use of videoconferencing in federal courts of general jurisdiction". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

Костенко Наталья Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sns8383@mail.ru

Рыжкова Ольга Анатольевна,
преподаватель кафедры
административного права
Ростовского юридического института
МВД Российской Федерации,
кандидат юридических наук;
e-mail: cosmopolitan24@yandex.ru

Kostenko Natalia Sergeevna,
associate professor at the criminal proceeding
department of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in the Interior Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sns8383@mail.ru

Ryzhkova Olga Anatolevna,
lecturer at the department of administrative law
of Rostov law institute
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: cosmopolitan24@yandex.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi:10.25724/VAMVD.ULMN

А. И. Мелихов, А. В. Харченко, Т. И. Андриященко

**ИНСТИТУТЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ НАУКЕ**

Авторы статьи на основе анализа современных учебных и научных работ в области оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, не имеющих ограничительного грифа, посредством компьютерной индексации выявляют ряд направлений исследования вопросов безопасности в оперативно-разыскной науке. Понятие «безопасность» включается в подавляющее большинство научных определений оперативно-разыскной деятельности, оперативно-разыскная политика рассматривается как часть системы обеспечения национальной безопасности, оперативно-разыскная деятельность активно исследуется как инструмент обеспечения экономической и военной безопасности. Институты теории безопасности — «угроза» и «риск» — в различных значениях рассматриваются специалистами в теории оперативно-разыскной деятельности. Последнее межотраслевое направление представляется авторам наиболее перспективным, поскольку позволяет раскрыть оперативно-разыскную деятельность как потенциальный источник рисков для национальной безопасности. Возможности оперативно-разыскной деятельности и сопутствующий ей риск (опасность, дефицит времени, неполнота информации, быстро меняющаяся оперативная обстановка и др.) в совокупности могут стать причинами или предпосылками для создания угроз национальной безопасности в условиях систематического нарушения прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативно-разыскной деятельности, фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, коммерциализации правоохранительной деятельности и ее государственной монополизации в части сыскной деятельности. В заключение делается вывод о взаимопроникновении теорий национальной безопасности и оперативно-разыскной деятельности, а также благоприятном влиянии новой номенклатуры научных специальностей на их развитие как комплексных межотраслевых наук.

Ключевые слова: безопасность, оперативно-разыскная наука, криминальные угрозы, факторы риска и угрозы национальной безопасности.

A. I. Melikhov, A. V. Kharchenko, T. I. Andryushchenko

**SECURITY INSTITUTIONS
IN OPERATIONAL-SEARCH SCIENCE**

The authors of the article, based on the analysis of modern academic and scientific works in the field of operational and investigative activities of internal affairs bodies with no restriction stamp, identify a number of lines of research regarding security issues in operational-search science by the means of computer indexing. The concept of "security" is included in the majority of scientific definitions of operational-search activity. Operational-search policy is considered as part of the national security system and operational-search activity is currently studied as a tool for ensuring economic and military security. The institutes of security theory — "threat" and "risk" — and their various meanings are considered by specialists within the framework of the theory of operational-search activity. The authors find the last interdisciplinary direction the most promising, since it allows to reveal operational-search activity as a potential source of risks for national security. The possibilities of operational-search activity and the associated risk (danger, time shortage, incomplete information, rapidly changing operational conditions, etc.), in aggregate, can become the reasons or prerequisites for creating threats to national security under systematic violation of human and civil rights and freedoms during operational-search activity, fabrication of the results of operational-search activity, commercialization of law enforcement activity and its state monopolization in terms of detective activity. At the end of the article, a conclusion is drawn about the interpenetration of the theories of national security and operational-search activities, as well as the favorable influence of the new nomenclature of scientific disciplines on their development as complex interdisciplinary sciences.

Key words: security, operational-search science, criminal threats, factors of risk and threats to national security.

Правовой институт безопасности активно развивается с 90-х гг. XX в. и является межотраслевым, т. е. пронизывающим все отрасли права. Однако специалистам в области оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) не всегда понятна практическая сторона разработки и применения теории безопасности в ОРД. Так, до сих пор нет четкого разделения компетенций в области обеспечения национальной безопасности между субъектами ОРД; понятия и алгоритмы, предусмотренные Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ № 683 от 31.12.2015; далее — Стратегия), не всегда используются в ведомственной нормативной базе и не популяризированы в научной и практической среде, несмотря на активное использование категориального аппарата теории безопасности в международном и отечественном федеральном законодательстве.

В Федеральном законе № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. (далее — Закон «Об ОРД») — основном документе, регламентирующем оперативно-разыскную деятельность, категория «безопасность» сформулирована:

- как цель ОРД;
- одна из ее задач;
- обязанность органов, осуществляющих ОРД;
- основание для проведения оперативно-разыскных и иных специальных и технических мероприятий, а также вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Несмотря на это согласно проведенному нами анализу более 6 000 источников научной и учебной литературы в области ОРД, выпущенной без ограничительного грифа, начиная с 2000 г. термин «безопасность» в основном используется исследователями лишь для определения понятия ОРД и дальнейшего развития в трудах не получает.

В паспорте научной специальности 12.00.12 (Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; ОРД) термин «безопасность» вовсе не упоминается, хотя «риск» как один из институтов теории безопасности рассматривается в аспекте принятия тактических решений.

В исследованиях, проведенных в рамках специальности 12.00.12, проблематика безопасности раскрывается в следующих аспектах:

— расследование преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности (В. Н. Апович, Ю. А. Бондаренко, А. А. Митрофанова, Т. А. Моховая, Г. М. Овсепян и др.);

— криминалистическое и скрытое обеспечение безопасности предпринимательской деятельности (В. А. Гамза, М. В. Жижина, М. Ш. Махтаев и др.);

— обеспечение собственной безопасности (Е. В. Лемешев, И. Н. Кошелев, А. Л. Коновалов и др.);

— обеспечение безопасности участников уголовного процесса (А. Ю. Епихин, Е. И. Замылин, А. В. Макеев, А. Н. Петрова и др.);

— обеспечение экономической безопасности криминалистическими, оперативно-разыскными и уголовно-процессуальными средствами (С. С. Воронов, С. В. Петраков, А. Е. Шарихин, А. А. Юдинцев и др.).

Подробно в современных исследованиях, не имеющих ограничительного грифа, ОРД рассматривается в обеспечении экономической безопасности (А. Ю. Козловский, О. Б. Мозохин, Н. В. Павличенко [1] и др.) На фундаментальном уровне обеспечение экономической безопасности посредством ОРД была раскрыта А. Е. Шарихиным, который, проанализировав отечественный и зарубежный опыт по использованию законодательных мер и оперативных средств, необходимых для обеспечения экономической безопасности страны, выработал научные подходы к формированию оптимальной стратегии борьбы с организованной экономической преступностью на базе новой оперативно-разыскной парадигмы [2].

Отдельным направлением исследования безопасности в оперативно-разыскной науке является анализ оперативно-разыскной политики в системе обеспечения национальной безопасности (С. В. Катков, А. Ю. Шумилов). Изначально оперативно-разыскная политика рассматривалась как компонент политики государства в области сыскной деятельности и одновременно как часть уголовно-правовой политики в воздействии на преступность, реализующаяся, с одной стороны, в процессе правотворческой деятельности государства, разрабатывающего и устанавливающего правила оперативно-разыскного воздействия на преступность, а с другой — в правоприменительной деятельности уполномоченных на то федеральным законом представителей государства, которые непосредственно проводят ОРД или ее контролируют [3, с. 12]. Позже, с развитием теории национальной безопасности, оперативно-разыскную политику стали рассматри-

вать как элемент системы национальной безопасности России [4, с. 115].

Использование ОРД органами внутренних дел не ограничивается отражением криминальных угроз национальной безопасности. Ее потенциал активно можно использовать при обороне страны. Война — наиболее серьезная угроза национальной безопасности, в устранении которой, как правило, принимают участие все государственные ведомства. В условиях военного положения такие профессиональные и личностные качества оперативных сотрудников органов внутренних дел, как способность решать профессиональные задачи в психотравмирующих ситуациях, готовность к психологическому и физическому противоборству с противником, высокая психофизиологическая выносливость, делают их востребованными во многих отраслях не только правоохранительной, но и военной деятельности. В связи с этим отдельные исследователи признают ОРД военной наукой [5, с. 28]. Можно согласиться с таким необычным подходом авторов, поскольку в настоящее время все чаще противостояние между государствами происходит внутри противоборствующих стран посредством манипуляций, злоупотреблений правом, инсценировок, провокаций и тому подобных методов «мягкой силы». С правовой точки зрения ОРД, прежде всего, представляет собой универсальный порядок доступа к мерам государственного принуждения для уполномоченных субъектов системы обеспечения национальной безопасности. Однако на современном этапе ведение войны тоже регламентируется международным и внутригосударственным правом, что сближает эти две деятельности.

От целостного исследования категории безопасности перейдем к рассмотрению отдельных институтов теории безопасности — «угрозе» и «рisku».

В. А. Козловым в 2009 г. была защищена докторская диссертация, посвященная оперативно-разыскным мерам противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства. В исследовании впервые была разработана научная концепция оперативно-разыскных мероприятий противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства, а также определены основы государственной политики в этой сфере [6].

Согласно проведенному нами семантическому анализу упоминание термина «криминальные угрозы» в трудах по ОРД в настоящее время является единичным, чего нельзя сказать про труды по уголовно-исполнительному праву в рамках

специальности 12.00.08, где рассматриваются различные аспекты соприкосновения проблем безопасности и ОРД оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. В частности, можно выделить целую научную школу противодействия криминальным угрозам в контексте обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы и заключенных в местах лишения свободы, в том числе с помощью ОРД (работы Н. Н. Карькиной, А. Л. Коновалова, Д. А. Кравцова, Э. Е. Кудряшова, Н. Н. Кутакова, А. М. Савихина). Представитель указанной школы А. В. Кудрявцев справедливо отмечает, что «оперативно-розыскное противодействие криминальным угрозам правоохранительным функциям государства в современных условиях по сравнению с уголовно-процессуальным и уголовно-правовым предупреждением отличается большей эффективностью. Оно позволяет достичь поставленных целей в сжатые сроки, с меньшими материальными и моральными потерями, обеспечивает предупреждение вредных последствий и, в конечном счете, сужает сферу применения мер уголовного наказания» [7, с. 6].

В свою очередь отметим, что ОРД предоставляет возможность выявлять, предупреждать, нейтрализовать, пресекать и уничтожать все виды криминальных угроз не только на стадии привлечения к уголовной ответственности, но и на неохватываемых уголовным законодательством стадиях возникновения умысла, приготовления к преступлению; бороться с девиантными действиями, не принявшими форму преступлений; отражать угрозы, порождаемые событиями, искусственным разумом, бессознательной или (и) невиновной деятельностью, случайным стечением обстоятельств; противодействовать криминальным угрозам по нераскрытым, инсценированным и замаскированным преступлениям, дела по которым приостановлены или прекращены.

Кроме того, термин «криминальная угроза» нередко используется применительно к обеспечению информационной безопасности посредством ОРД [8]. Информационная сфера имеет техническую составляющую, в которой выработаны и апробированы языковые и логические схемы, пригодные для использования в теориях национальной безопасности и ОРД (к примеру, этапы устранения угрозы: выявление, предупреждение, нейтрализация, пресечение, локализация, отражение, уничтожение), которые с их помощью смогут упорядочить и унифицировать наработанный материал.

Проведенный нами обзор подтверждает недооцененность института «криминальной угрозы» в отечественной науке, а поскольку именно различного вида угрозы порождают потребность человека, общества и государства в безопасности как благе, то становятся ясны причины ограниченности тематики ведомственной полицейской науки рамками общественной безопасности и отстраненности от решения проблем обеспечения национальной безопасности в оперативно-разыскной науке.

Следующим направлением применения категории безопасности в теории ОРД является исследование института риска. Согласно концепции Ульриха Бека современное общество — есть общество риска, управление которым осуществляется распределением не благ, а опасностей и обусловленных ими рисков [9]. В словаре С. И. Ожегова риск определяется как «действие наудачу в надежде на благополучный исход», что не охватывает всех современных представлений о категории безопасности, однако именно в таком аспекте она преимущественно исследуется в оперативно-разыскной науке. В некоторой степени это обусловлено тем, что в действующем паспорте научной специальности 12.00.12, в части ОРД, есть упоминание о тактическом риске как составляющем элементе криминалистической тактики.

Возможность наступления неблагоприятных последствий в ходе ОРД детерминирована такими присущими для нее факторами, как дефицит времени, неполнота информации, высокая либо, напротив, низкая вариативность поведения, обусловленная быстро меняющейся оперативной обстановкой. То, что ОРД связана с риском, давно осознано представителями оперативно-разыскной науки (И. И. Басецкий, К. К. Горяинов, Д. В. Гребельский, И. И. Карпец, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашев, И. Н. Озеров, Е. М. Рябков, В. Г. Самойлов, Ю. В. Соболев, А. Ю. Шумилов и др.). Более того, без риска ОРД просто немыслима [10]: риск является своего рода профессиональным условием ОРД. Возможность риска не может служить препятствием для решения задач охраны правопорядка. Действовать в условиях риска — не только право, но и обязанность оперативного сотрудника [11, с. 76].

Институт риска в теории ОРД был на фундаментальном уровне исследован И. Н. Озеровым, который констатировал значимость, но малоизученность проблемы риска в оперативно-разыскной науке, рассмотрел сущность оперативного риска, его виды, организационно-методические основы

снижения степени риска в ОРД, роль риска при принятии решений в ОРД, а также виктимологические аспекты категории риска [12].

В ходе анализа научной литературы мы выделили следующие направления исследования риска в теории ОРД:

— риск как условие профессиональной деятельности работы оперативных сотрудников (работа в условиях неопределенности, не гарантирующей благополучного достижения целей ОРД и непричинения вреда законным правам и интересам);

— тактический риск как элемент теории принятия решения в ОРД и уголовном процессе (оперативный риск, ситуации риска, виды факторов риска (риск для жизни и участников ОРД, риск нанесения ущерба и др.); в последнее время обозначено новое направление междотраслевого исследования — тактического риска легализации или использования в уголовном процессе данных, полученных в результате осуществления ОРД [13]);

— оправданный риск как право оперативного сотрудника на правомерное причинение вреда (Э. А. Дидоренко, С. А. Кириченко, Б. Г. Розовский);

— обоснованный риск как обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности за причинение вреда законным правам, свободам и интересам (ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)).

С другой стороны, риск определяется как «возможная опасность чего-либо», и в настоящее время интерес представляет соотносимость риска и безопасности. Категория «безопасность» очень часто нормативно раскрывается через понятие риска. Так, согласно ст. 2 Федерального закона № 184-ФЗ «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 г. «безопасность — это состояние, при котором отсутствует недопустимый риск причинения вреда». «Безопасность» — термин, выражающий гарантию приемлемого риска, поскольку полная безопасность в современном мире невозможна. Без определения степени риска указание на безопасность является всего лишь психологическим приемом подавления возможной паники от осознания реального положения дел, описательным прилагательным, не несущим смысловой нагрузки. Безопасность должна означать гарантию как минимум умеренного риска, при котором вероятность наступления неблагоприятных последствий (либо количество причиненного вреда) ниже, чем 50 %.

Государство, беря на себя обязательства по обеспечению национальной безопасности, распределяет задачи по борьбе с угрозами национальной безопасности в структуре государственных

органов. Как всякая человеческая деятельность, ОРД может закончиться неудачно, не достигнув своей цели, либо достичь своей цели не оптимальным путем, а со значительными затратами или неприемлемыми средствами, с нанесением ущерба интересам других субъектов, в том числе интересам национальной безопасности. В оперативно-разыскной науке риски ОРД для национальной безопасности опосредованно рассматривались в рамках дискуссий о соблюдении законности в ОРД (Г. В. Дытченко, А. М. Ефремов, А. В. Колесников, Е. Л. Никитин, А. А. Ширванов и др.).

Поскольку ОРД в качестве правового института была создана как инструмент для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия криминальных угроз и информационного обеспечения национальной безопасности, говорить о ней как об угрозе национальной безопасности было бы некорректно. Поэтому, на наш взгляд, ОРД является одним из факторов риска для национальной безопасности, т. е. деятельностью, потенциально способной нанести интересам национальной безопасности какой-либо ущерб. О потенциальной опасности ОРД свидетельствует ряд ограничений и запретов, содержащихся в Законе «Об ОРД», и их санкционирование нормами УК РФ. Так, Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 ноября 2012 г. изменил содержание ст. 303 УК РФ, которая была дополнена новой ч. 4, устанавливающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов ОРД. В первую очередь ОРД может представлять потенциальную опасность для общества, государства и личности, если она используется не в целях борьбы с криминальными угрозами и информационного обеспечения системы национальной безопасности, а для достижения экономических и политических целей. Чтобы предотвратить нецелевое использование ОРД, законодатель устанавливает ряд запретов и ограничений для ОРД в политической сфере. Так, в России органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается проводить ОРМ в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения, а также принимать негласное участие в работе органов публичной власти, политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности.

За рубежом осознанность потенциальной опасности негласного расследования для национальной безопасности в политической сфере находится

на более высоком уровне. Так, в Законе о разведке и безопасности 2017 г. Новой Зеландии прямо говорится, что эта деятельность не будет осуществляться с целью поощрения или нанесения ущерба интересам любой политической партии или кандидата. Закон о разведке и безопасности также требует от главы разведки регулярно консультироваться с лидером оппозиции о вопросах безопасности.

Влияние модели ОРД на политическую жизнь страны очень велико [14] и заслуживает отдельного рассмотрения, однако в современной теории ОРД данное направление фрагментарно разрабатывается только отдельными авторами (Т. Г. Ганиев, К. К. Горяинов, В. С. Овчинский, А. Е. Шарихин, А. В. Шахматов, А. Ю. Шумилов) либо исключительно в историческом аспекте (С. Н. Жаров, Я. А. Крутова, М. В. Макаричев, М. В. Шутова, Ю. Г. Юдин и др.), об опасности дестабилизации политической сферы общества посредством злоупотребления ОРД говорится в основном в политологических и философских исследованиях, касающихся общественного контроля над силовыми органами [15, с. 52].

Особую угрозу ранее перечисленным направлениям государственной и общественной безопасности (п. 44 Стратегии) представляет фальсификация результатов ОРД, подрывающая доверие не только к правоохранительным органам, но и к органам власти, принимающим политические решения на основе фальсифицированных результатов расследования. Указанную угрозу безопасности рассматривают в основном в уголовно-правовом (Е. Г. Быкова, В. Н. Борков, А. Ю. Епихин, И. Е. Ермолаев, Н. Р. Косевич, П. С. Метельский, А. Н. Халиков, Г. С. Шкабин [16] и др.) и криминалистическом (Е. Р. Беляева, Г. А. Кокурин, О. П. Грибунов [17]) аспектах.

Как мы видим, факторы риска в теории ОРД исследовались в основном применительно к безопасности ее участников, чему посвящено немало работ. Однако риск нанесения ОРД вреда интересам национальной безопасности в отечественной науке опосредованно рассматривался в контексте нарушения в процессе ОРД прав и свобод человека и гражданина. Систематичное нарушение общепринятых и конституционных прав и свобод правоохранительными органами в процессе ОРД представляет серьезную угрозу национальной безопасности, поскольку посягает на гуманизм как основную ценность, формирующую фундамент российской государственности (п. 11 Стратегии), противоречит государственной политике по укреп-

лению внутреннего единства российского общества (п. 26 Стратегии), препятствует усилению роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, снижает доверие граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации (п. 44 Стратегии) и др.

В подавляющем большинстве научных работ ОРД в спектре прав человека рассматривается с позитивной стороны как часть правозащитного механизма, а с негативной — как область государственной деятельности, требующая повышенного внимания к соблюдению законности (О. А. Галустьян, Т. Г. Ганиев, А. Ю. Епихин, А. М. Ефремов, Ю. А. Кавкаева, Т. А. Калентьева, Ю. А. Ковтун, И. Э. Никитина, В. В. Савельев, И. Д. Шатохин и др.).

Научной общественностью осознан и другой фактор риска ОРД для национальной безопасности — опасность монополизации и коммерциализации ОРД (В. В. Волков, С. В. Шошин и др.), поскольку указанные формы деградации правоохранительной системы способствуют актуализации такой ключевой внутренней угрозы национальной безопасности, как сохранение значительной доли теневой экономики и условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений (п. 56 Стратегии), что в свою очередь негативно отражается на привлекательности российской юрисдикции (п. 62 Стратегии) и других важных показателей национальной безопасности. Для предотвращения указанных угроз следует поступательно расширять полномочия субъектов частной детективной и охранной деятельности.

Благотворную роль частной детективной и охранной деятельности в деле обеспечения национальной безопасности прямо и косвенно отмечали многие авторы, исследующие частно-правовой (В. В. Злобин, С. А. Шаронов), административный (В. В. Иванов, М. В. Колчманов, О. В. Солнышкова, Е. А. Сиротин) и криминологический (Е. Г. Андреева, Т. Э. Зильфугарзаде) аспекты частного сыска. Однако необходимо помнить, что необдуманное расширение прав частных субъектов на тайное расследование (выступающее сутью ОРД) также может представлять опасность для национальной безопасности, как, например, допуск к частной охранной и детективной деятельности иностранных лиц.

Указанный перечень рисков ОРД для национальной безопасности не является исчерпывающим. Возможности ОРД и сопутствующий ей риск

(опасность, дефицит времени, неполнота информации, быстро меняющаяся оперативная обстановка и др.) в совокупности могут стать причинами или предпосылками для создания новых угроз национальной безопасности в условиях систематического нарушения прав и свобод человека и гражданина в ходе ОРД, фальсификации результатов ОРД, коммерциализации правоохранительной деятельности и ее государственной монополизации в части сыскной деятельности.

Подводя итог, можно отметить следующие направления исследования вопросов безопасности в оперативно-разыскной науке, выявленных нами в результате анализа и систематизации ее источников. Безопасность включается в большинство научных определений ОРД; оперативно-разыскная политика рассматривается как часть системы обеспечения национальной безопасности; ОРД активно исследуется как инструмент обеспечения экономической и военной безопасности; институты теории безопасности — «угроза» и «риск» — в различных значениях рассматриваются специалистами в теории ОРД. Последнее межотраслевое направление нам представляется перспективным, поскольку позволяет раскрыть новое видение ОРД как потенциального источника рисков для национальной безопасности.

В завершение необходимо упомянуть о новой номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, принятой приказом Министерства науки и высшего образования России № 118 от 24 февраля 2021 г., где в области социальных и гуманитарных наук представлено пять научных юридических специальностей: теоретико-исторические правовые науки; публично-правовые (государственно-правовые); частно-правовые (цивилистические); уголовно-правовые; международно-правовые. Представляется, что подобное укрупнение научных специальностей снимет искусственные отраслевые рамки, препятствующие комплексному исследованию таких актуальных межотраслевых научных категорий, как «безопасность», «национальная безопасность» и «ОРД» (как было ранее показано на примере исследования криминальных угроз в оперативно-разыскной науке и уголовно-исполнительном праве), как стены храмов не делят небо между религиями, так и деление права на отрасли не должно стать преградой для научного анализа.

1. Павличенко Н. В. Новая уголовная политика в сфере борьбы с экономическими преступлениями сквозь призму оперативно-разыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1 (23). С. 62—66.

2. Шарихин А. Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-разыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук / А. Е. Шахрин. Москва, 2007. 497 с.

3. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-разыскной деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. 391 с.

4. Катков С. В., Белокобыльская О. И. Закономерности оперативно-разыскной политики: отдельные вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 1 (48). 2019. С. 115—120.

5. Захарцева С. И., Вихрова В. А., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-разыскная деятельность и военная безопасность: монография. Москва: Граница, 2017. 423 с.

6. Козлов В. И. Оперативно-разыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства: правовые и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук / В. И. Козлов. Москва, 2009. 388 с.

7. Кудрявцев А. В. Противодействие криминальным угрозам в уголовно-исполнительной системе: криминологические и оперативно-разыскные аспекты: учеб. пособие / Владим. гос. ун-т им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. 143 с.

8. Информационные технологии в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции: монография / А. А. Крылов, В. Н. Анищенко, Э. А. Васильев, С. В. Дегтярев, Е. Н. Зарубина, С. В. Маликов, Р. С. Мацкевич, В. О. Морар, А. Л. Ситковский. Москва: ВНИИ МВД России, 2015. 293 с.

9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Москва, 2000. 381 с.

10. Оперативно-разыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. Москва, 2004. 847 с.

11. Дидоренко Э. А., Кириченко С. А., Розовский Б. Г. Процессуальный статус ОРД в уголовном судопроизводстве: монография. Луганск, 2000. 93 с.

1. Pavlichenko N. V. New criminal policy in the field of combating economic crimes from the perspective of operational-search activities. Legal science and law enforcement practice, 62—66, 2013 (in Russian).

2. Sharikhin A. E. Scientific bases of the economic security of Russia by means of operational-search activities. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 497 (in Russian).

3. Shumilov A. Yu. Basics of operational-search activities. Textbook for higher education. 3rd ed., add. and rev. Moscow: Publishing house of Shumilova I. I.; 2008: 391 (in Russian).

4. Katkov S. V., Belokobylskaya O. I. Consistent patterns of the operational-search policy: some questions of theory and practice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 115—120, 2019 (in Russian).

5. Zakhartseva S. I., Vikhrova V. A., Ignaschenkova Yu. Yu., Salnikova V. P. Operational-search activity and military security. Monograph. Moscow: Granitsa; 2017: 423 (in Russian).

6. Kozlov V. I. Operational-search countermeasures against criminal threats to the law-enforcement function of the state: legal and methodological problems. Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2009: 388 (in Russian).

7. Kudryavtsev A. V. Counteraction to criminal threats in the penal system: criminological and operational-search aspects: textbook. allowance. Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs. Vladimir: Publishing house of VISU; 2012: 143 (in Russian).

8. Krylov A. A., Anischenko V. N., Vasiliev E. A., Degtyarev S. V. (et al.) Information technologies in the activities of economic security and anti-corruption units. Monograph. Moscow: All-Russian Scientific-Research Institute of the MIA of Russia; 2015: 293 (in Russian).

9. Beck U. Risk Society. On the way to another modernity. Translate from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow; 2000: 381 (in Russian).

10. Operational-search activity. Textbook. Ed. by K. K. Goryainov [et al.]. 2nd ed., add and rev. Moscow; 2004: 847 (in Russian).

11. Didorenko E. A., Kirichenko S. A., Rozovsky B. G. Procedural status of the operational-search activity in criminal proceedings. Monograph. Lugansk; 2000: 93 (in Russian).

12. Ozerov I. N. Risk category in operational-search activities. Dissertation of the candidate

12. Озеров И. Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Озеров. Санкт-Петербург, 2001. 202 с.

13. Рябков Е. М. Риск легализации или использования в уголовном процессе данных, полученных в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3 (21). С. 127—134.

14. Шарихин А. Е. Парадигмы оперативно-розыскной деятельности и их влияние на формирование системы обеспечения экономической и общественной безопасности страны // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 63—67.

15. Карастелев В. Е. Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России: дис. ... канд. полит. наук / В. Е. Карастелев. Москва, 2015. 152 с.

16. Быкова Е. Г., Яшков С. А. Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 14—21.

17. Беляева Е. Р., Грибунов О. П. Характеристика личности оперативного сотрудника как субъекта, совершившего фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 111—114.

© Мелихов А. И., Харченко А. В.,
Андрющенко Т. И., 2021

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Харченко Александр Викторович,
начальник Новочеркасского суворовского
военного училища МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: M-13913@live.com

of juridical sciences. Saint Petersburg; 2001: 202 (in Russian).

13. Ryabkov E. M. The risk connected with legalization or use of data obtained as a result of operational-search activities in criminal proceedings. Penal law: legal theory and law enforcement practice, 127—134, 2019 (in Russian).

14. Sharikhin A. E. Paradigms of operational-search activity and their influence on the formation of a system for ensuring the country's economic and public security. Gaps in Russian legislation, 63—67, 2017 (in Russian).

15. Karastelev V. E. Institutionalization of public control in the justice system and law enforcement in modern Russia. Dissertation of the candidate of political sciences. Moscow: 2015: 152 (in Russian).

16. Bykova E. G., Yashkov S. A. Abuse of office and falsification of the results of operational-search activities: is the aggregate possible? Criminal law, 14—21, 2016 (in Russian).

17. Belyaeva E. R., Gribunov O. P. Characteristics of the personality of an operational officer as a subject who falsified the results of operational-search activities. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 111—114, 2018 (in Russian).

© Melikhov A. I., Kharchenko A. V.,
Andryushchenko T. I., 2021

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

Kharchenko Alexander Viktorovich,
Head of the NovoCherkassk Suvorov
Military School
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: M-13913@live.com

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Андрющенко Татьяна Ивановна,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: tatyana-ashnina@yandex.ru

Andryushchenko Tatiana Ivanovna,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: tatyana-ashnina@yandex.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi:10.25724/VAMVD.UMNO

М. Ю. Тарасова, Ю. В. Контемирова

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПРИ НАПРАВЛЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ ПОРУЧЕНИЙ**

Взаимодействие и сотрудничество всех участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования — залог успешной и эффективной деятельности по привлечению виновного лица к уголовной ответственности. Одной из форм взаимодействия между следователем и оперативным сотрудником на современном этапе является поручение. В статье рассмотрены проблемы, возникающие при направлении и исполнении поручения, связанные с содержанием и сроками его исполнения. Анализируются различные точки зрения относительно сокращения или увеличения сроков исполнения поручения. Приведены результаты проведенного анкетирования следователей и оперативных сотрудников подразделений Главного Управления Министерства внутренних дел России по Волгоградской области. Определены возможные пути совершенствования взаимодействия между сотрудниками следственных подразделений и органов дознания. Внесены предложения по дополнению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, связанные с возможностью осуществления непосредственного контроля следователя над ходом исполнения поручения конкретным оперативным сотрудником. Обращено внимание на необходимость наличия профессиональной заинтересованности, высокого уровня мотивации и взаимного желания выполнять свои служебные обязанности посредством взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, поручение, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия.

М. Yu. Tarasova, Yu. V. Kontemirova

**ON SOME PROBLEMS RELATED TO COOPERATION
AMONG INVESTIGATIVE AND DETECTIVE UNITS
OF THE INTERIOR BODIES WHILE DEALING
WITH ASSIGNMENTS: DELIVERY AND EXECUTION**

Cooperation and interaction of all participants of the criminal procedure at the stage of preliminary investigation is said to be the key point to successful and effective activity related to prosecuting a guilty person. At present one of the forms of cooperation between an investigator and a detective is an assignment. The article deals with the problems to appear while delivering and executing an assignment related to the content and term of its execution. The authors analyze various points of view how to reduce or increase terms of execution of an assignment. The results of a survey (questionnaire) to have been made among investigators and detectives of the units of the Main Department of the Interior Ministry of Russia in the Volgograd Region are presented in the given article. The authors identify possible ways to improve cooperation among officers of investigative departments and bodies of inquiry. The authors offer amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the latter is related to control to be made by an investigator directly while an assignment is executed by a certain detective. The authors pay attention to necessity to have some professional interest, a high level of motivation as well as mutual desire to fulfill their official duties while cooperating.

Key words: cooperation, assignment, investigative actions, detective measures.

Как известно, с точки зрения собирания доказательств важнейшим этапом российского уголовного процесса является стадия предварительного расследования, в рамках которой осуществляется зна-

чительный объем работы, связанной с установлением обстоятельств совершенного деяния, а также обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При производстве предварительного

следствия серьезную помощь в этом следователю могут оказать сотрудники оперативных подразделений.

Взаимодействие следователя с сотрудниками органов дознания для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, реализуется в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и может осуществляться в формах, апробированных практикой уголовно-процессуальной деятельности, направленных на повышение эффективности реализации полномочий указанных субъектов путем разумной согласованности их работы. Благодаря этому, как представляется, возможно всестороннее расследование и быстрое раскрытие преступлений, причем в ряде случаев именно надлежащая организация взаимодействия следователя и органов дознания считается залогом установления обстоятельств совершенного деяния.

Очень важно учитывать роль каждого участника, в том числе работников других служб, которые привлекаются к совместной деятельности, так как они играют немаловажную роль в исполнении поручений следователя. Оперативные сотрудники по своему желанию могут инициировать свое участие, если считают, что оно может оказаться полезным и результативным. Оперуполномоченные докладывают о проделанной работе следователю, при этом могут не ссылаться на источники получения информации. Совместная работа следователя и оперативных сотрудников приводит к получению объективной проверки и последующей ее реализации. Сотрудники оперативных подразделений могут знакомиться с материалами уголовного дела как по собственной инициативе, так и по поручению следователя для обеспечения результативности оперативных мероприятий.

В статье 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» раскрыто содержание такого принципа деятельности полиции, как взаимодействие и сотрудничество. В статье определено, что полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами.

Реализация взаимодействия следственных и оперативных подразделений в общем и при выполнении поручений в частности основывается на принципах законности, обоснованности, ситуативности, плановости, поступательности, непрерывности, практической обусловленности совместной деятельности и конспирации, т. е. сохране-

нии в тайне информации о силах, методах, средствах и результатах оперативно-разыскной деятельности (ОРД). Естественным образом при совместной с оперативным сотрудником деятельности следователь, не являющийся субъектом ОРД, имеет доступ к соответствующим сведениям и получает определенную информацию оперативно-разыскного характера, разглашение которой запрещено и преследуется законодательством Российской Федерации [1].

Следует отметить, что данный принцип имеет и обратное выражение, в соответствии с которым сам оперативный сотрудник должен предпринимать действия по сохранению полученных в процессе совместной работы сведений о фактическом состоянии расследуемого дела и иных обстоятельств, составляющих тайну следствия.

Взаимодействие следователя с оперуполномоченными и сотрудниками других служб органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений — это основанная на законах и подзаконных нормативных правовых актах согласованная деятельность по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений, в том числе по изобличению виновного. Роль следователя в таком взаимодействии является организующей, при этом необходимо отметить самостоятельность оперативных подразделений в выборе средств и методов ОРД, комплексного использования сил и средств [2; 3].

Рассмотрим ряд неотъемлемых признаков, присущих взаимодействию между заинтересованными службами в общем и между следственными и оперативными подразделениями в частности:

— профессиональная подготовленность сотрудников взаимодействующих служб;

— нормативное регулирование, наличие подробных методических рекомендаций, образцов заполнения запросов при осуществлении взаимодействия;

— стремление к взаимопониманию, мотивация и заинтересованность в результате совместной деятельности;

— временный характер объединения.

Традиционно формы осуществляемого как на стадии возбуждения уголовного дела, при проверке сообщения о преступлении, так и на стадии предварительного расследования, являющегося основным этапом досудебного производства, взаимодействия следователя с органами дознания принято делить на процессуальные и организационные [4—6]. Распространенной на практике является такая процессуальная форма взаимодействия, как

предусмотренная ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) дача следователем поручений органу дознания. В пункте 4 части 2 статьи 38 УПК РФ законодатель указал, что поручения следователя органу дознания являются обязательными для исполнения последним. Обязательность поручений вытекает и из требований иных законодательных актов. Так, ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ «Об ОРД») содержит соответствующее положение применительно к поручениям следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ); п. 9 ст. 12 Федерального закона «О полиции» предусматривает обязанность полиции исполнять поручения следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий, отдельных следственных и иных процессуальных действий. Перечислить все позиции относительно взаимодействия в данном случае вряд ли возможно в силу их многочисленности. Отметим лишь, что в соответствии с УПК РФ устанавливаются конкретные формы взаимодействия, а также процессуальные особенности реализации подобных форм. УПК РФ также устанавливает правовой статус следователя, руководителя следственного органа, в числе полномочий которых является дача поручений оперативным подразделениям.

Основная цель поручения — это возможность сократить временной промежуток между моментом совершения преступления и привлечением виновного лица к уголовной ответственности посредством разграничения деятельности между следователем и иными сотрудниками правоохранительных органов. В поручении определяется вид задания, который может указывать на необходимость следственного или розыскного действия; его цель; объект, на который направлены действия; а также место проведения задания [6].

Реализуя собственные полномочия, следователь может давать поручения, изложенные в письменном виде, органу дознания, которые регулируют необходимые для проведения расследования следственные мероприятия. Кроме того, поручения содержат указания, регулирующие процессы задержания, ареста, привода, а также иные действия процессуального характера (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Взаимодействие следователя и органов дознания заключается в следующем: основной массив работы по какому-либо делу выполняет следователь самостоятельно, однако некоторые вопросы могут требовать личного присутствия в районах, находящихся на некотором отдалении, в таком

случае следователь обращается за помощью к органам дознания. Поручение содержит информацию о том, какие именно следственные или розыскные действия необходимо провести в ином районе, который имеет значение для проведения следствия. Часть 1 статьи 152 УПК РФ регулирует выполнение данных следователем поручений. Так, мероприятия, которые должны быть исполнены в срок и необходимы для делопроизводственного процесса, могут быть поручены для выполнения иному следователю и органу дознания.

Как правило, розыскные мероприятия или следственные действия, которые необходимо провести в соответствии с поручением, направлены:

- 1) на предупреждение, раскрытие и расследование преступлений;
- 2) привлечение к установленной законом ответственности лиц, их совершивших;
- 3) розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия, суда.

Поручения могут быть классифицированы в соответствии с процессуальным назначением следующим образом:

- 1) поручения, направленные на сбор доказательств и их проверку;
- 2) поручения, регулирующие действия процессуального принуждения;
- 3) поручения, содержащие указания о выполнении действий оперативно-розыскного и розыскного характера.

Первостепенными действиями в рамках поручения могут быть: допрос свидетелей, потерпевших, а также проведение очной ставки и пр. Принудительными мерами могут быть действия по обыску или выемке. К обеспечительным действиям относятся арест или конфискация имущества в рамках осуществления приговора. Когда в поручении имеются указания об осуществлении действий с элементами принуждения, следователю необходимо вместе с поручением направить постановление, так как реализация данных мер может выполняться только на основании решения суда. Не имеет значения, для каких структур предназначается поручение, однако указанные в задании действия должны входить в полномочия данных органов.

Следователь обладает правом процессуальной самостоятельности, поэтому вышеперечисленные действия осуществляются им единолично с учетом соответствия мероприятия законности и обоснованности. Действия, направленные на реализацию законных прав лиц, участвующих в уголовном процессе, к которым относятся, например, признание

лица потерпевшим и разъяснение ему следующих за этим фактом прав и обязанностей, могут быть исполнены лицами, которым следователь выдал соответствующее поручение. К данному поручению должны быть приложены документы, на основании которых могут быть совершены указанные мероприятия.

Поручение, направленное сотрудникам оперативных подразделений, требует проведения оперативно-разыскных мероприятий на основании ч. 2 ст. 14 ФЗ «Об ОРД». На основании данной статьи сотрудники оперативных подразделений обязаны исполнять в пределах своих полномочий поручения в письменной форме органа дознания, следователя, указания прокурора и решения суда о проведении ОРМ по уголовным делам, принятым ими к производству.

Нередко в научном сообществе ведутся споры по поводу содержания поручения следователя о проведении ОРМ. Поддержим мнение большинства авторов о том, что следователь не должен указывать в поручении конкретные мероприятия ввиду того, что выбор средств и методов исполнения поручения остается за оперативным сотрудником [7—9]. Объясняется это тем, что «производство конкретного оперативно-разыскного мероприятия зависит от многих условий, в том числе от наличия объективных возможностей у оперативного подразделения органа дознания для его проведения» [10, с. 25]. Оперативные сотрудники, выполняя поручения следователя, вправе проводить весь перечень ОРМ, изложенных в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», а также, руководствуясь принципом законности, осуществлять ряд иных действий для решения задач ОРД.

На основании норм оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства и при соблюдении необходимых процедур материалы и сведения, ставшие известными в процессе осуществления ОРД, могут служить доказательствами по уголовному делу, основаниями для выдвижения следственных версий.

Поручения следователя оформляются в виде документа, ранее закреплявшегося в приложении 45 к ст. 476 УПК РФ (в ред. от 06.06.2007), в котором можно условно выделить три части, первая из которых является вводной и включает в себе реквизиты «Наименование документа» и «Адресат». В описательной части изложены обстоятельства уголовного дела и данные, которые подлежат выяснению. И наконец, в заключительной части определяются задачи, которые необходимо решить

посредством проведения следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий. Далее следуют возможные приложения и реквизит «Подпись».

Необходимость в выполнении поручения может возникнуть на всех этапах предварительного следствия, вплоть до его окончания. В любом случае, поручение должно быть дано незамедлительно с момента возникновения необходимости осуществления следственных действий или ОРМ. Следует иметь в виду, что истребование данных, характеризующих подозреваемых и обвиняемых, должно быть максимально оперативным и незамедлительным.

При решении вопроса о том, насколько необходимо дать поручение, а не производить следственное действие самостоятельно следователем, нужно исходить из того, что основополагающие следственные действия в обязательном порядке должны быть проведены самостоятельно следователем, в чем производстве находится уголовное дело. Поручение о проведении отдельных следственных действий органу дознания должно иметь место лишь в исключительных случаях, во избежание возможных ошибок при их проведении лицом, не заинтересованным в исходе дела.

Если поручение выдается органу дознания, который находится в другом регионе или населенном пункте, то необходимость направления этого поручения объясняется отсутствием у следователя возможности выехать на данную территорию в силу экономических или каких-либо других весомых причин. Орган дознания, получив такое распоряжение, выполняет процессуальные мероприятия, которые доверены следователем. В том случае, если орган дознания вследствие каких-либо объективных причин не в состоянии исполнить поручения, следователь может быть командирован в данный населенный пункт для выполнения необходимых процессуальных действий. Как правило, такая практика применяется, когда дело расследуется в отношении тяжких и особо тяжких преступлений.

Кроме того, факты дачи поручений о предоставлении статистических, справочных или аналитических данных, а также о проведении других мероприятий, осуществление которых не находится в компетенции органов, которым поручения направлены, необходимо исключить. Нарушение требований УПК РФ в процессе работы по даче поручений может повлечь последующее признание полученных таким образом доказательств недопустимыми.

В первую очередь это касается требований о том, что поручение может быть дано только лицом, в чьем производстве находится уголовное дело.

Поручение может быть дано только в период расследования уголовного дела, поскольку возможно допущение ошибки, связанной с несоответствием даты дачи поручения временному промежутку, когда уголовное дело находилось в производстве (дача поручения до возбуждения уголовного дела и т. д.) [11].

Следует также иметь в виду, что поручение не может быть исполнено лицом, которое уже проходит по уголовному делу в каком-либо качестве (например, сотрудником полиции, допрошенным по уголовному делу в качестве свидетеля).

Положения уголовно-процессуального закона определяют срок исполнения поручения не позднее 10 суток и не предусматривают возможность его продления. Безусловно, исполнителями поручений направляются различные рапорты и справки инициатору с объяснением причин задержки выполнения задания. Однако каких-либо конкретных положений, связанных с продлением или указанием причин возможного увеличения сроков исполнения поручений, в уголовно-процессуальном законе нет.

Как показывает практика, следователи довольно часто не указывают срок, к которому поручение должно быть исполнено. При исполнении поручений, которые не содержат конкретного срока его исполнения, органом дознания должна предоставляться отчетная документация, отражающая процесс исполнения порученных мероприятий. Кроме того, в различных ситуациях — при необходимости выполнения дльщихся или сложных в организационном плане ОРМ или в других конкретных случаях — срок их выполнения может быть оговорен дополнительно в процессе непосредственного контроля со стороны инициатора поручения.

Важно отметить, что в данном случае необходимо стойкое налаженное межличностное взаимодействие следователя с органом дознания. Во-первых, необходим определенный уровень доверия со стороны следователя, позволяющий оперативным работникам самостоятельно выбрать средства и методы выполнения поручений, т. е. независимость в выборе тех специфических полномочий, которые присущи только органу дознания. Во-вторых, необходимо ответственное отношение оперативного сотрудника к выполняемому поручению. Главное — это исключить формализм в работе, чтобы и следователь, и оперативный сотрудник понимали ту общую цель, которой им необходимо

достигнуть в процессе расследования, приложив к этому совместные усилия.

Формальный подход к осуществлению взаимодействия (как со стороны следователей, так и со стороны сотрудников органов дознания), непрерывная текучесть кадров являются немаловажной организационной проблемой в аспекте рассматриваемого вопроса. Этой проблеме уделено внимание в выступлении Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г.: «Вместе с тем основной проблемой остается несогласованность действий правоохранительных органов, особенно на начальном этапе расследования, что существенно затягивает срок предварительного следствия и влечет невосполнимые просчеты в работе, как со свидетелями, так и с вещественными доказательствами...» [12].

В ряде случаев недостаточное законодательное закрепление механизмов влияния следственных органов на работу оперативных служб приводит к некачественному и формальному исполнению поручений следователей.

В юридической литературе и непосредственно практикующими следователями неоднократно высказывались мнения о различного рода несовершенствах, связанных с деятельностью по направлению и исполнению поручений, о дальнейшем использовании полученных в результате оперативно-разыскной деятельности сведений и материалов в качестве доказательств [13], о возможных изменениях и дополнениях норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок исполнения поручения [14].

В рамках рассматриваемой проблемы было разработано и проведено анкетирование следователей на предмет трудностей, с которыми сотрудники органов внутренних дел сталкиваются при составлении, направлении и исполнении поручений, а также организации совместной деятельности.

В анкетировании приняли участие 50 следователей, 14 % из которых имели стаж службы в следственном подразделении менее 1 года; 28 % — от 1 года до 5 лет; 54 % — от 5 до 10 лет; 4 % — свыше 10 лет.

В большей степени опрошенные следователи удовлетворены сложившимся уровнем взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями территориального органа, в котором они проходят службу: 24 % респондентов удовлетворены полностью; 44 % — удовлетворены частично; 32 % — не удовлетворены. Опрашиваемые,

которые удовлетворены частично или не удовлетворены совместной с органами дознания работой, причинами этого указали следующее: 16 % — несовершенство нормативной базы; 62 % — отсутствие желания у одной из сторон эффективно организовывать совместную деятельность; 50 % — низкий уровень мотивации в раскрытии и расследовании преступлений; 8 % — трудности в установлении личного контакта.

Лишь 10 % опрошенных не направляют поручения органу дознания, так как им достаточно оперативного сопровождения по уголовным делам. Вполне закономерно предположить, что это те следователи, которые полностью удовлетворены сложившимся уровнем взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями территориального органа, в котором они проходят службу.

60 % следователей, участвовавших в опросе, направляют поручения по мере необходимости.

30 % — по каждому уголовному делу через секретариат.

Содержанием поручения, согласно ст. 38 УПК РФ, является: 84 % — проведение оперативно-разыскного мероприятия; 76 % — производство отдельных следственных действий; 28 % — исполнение постановления о приводе; 18 % — получение сведений при осуществлении иных следственных действий; 0 % — исполнение постановления о задержании, исполнение постановления об аресте, производство иных следственных действий.

52 % из опрошенных следователей считают необходимым дополнить УПК РФ статьей, которая бы более полно раскрывала содержание и порядок направления и исполнения поручения о проведении ОРМ, отдельных следственных действий и т. д.

88 % следователей из общего числа принимавших участие в анкетировании встречаются с трудностями при получении ответа на поручение следующего характера: 80 % — недостаточный объем получаемой информации; 38 % — формальный подход; 20 % — нарушение сроков исполнения; 10 % — отсутствие контроля со стороны руководителя оперативного подразделения.

Установлено, что из числа опрошенных следователей 90 % приходилось направлять поручения повторно. Многие следователи (52 %) сталкивались с проблемой невозвращения ответов на запрос, т. е. им лично приходилось забирать ответы на запросы. Кроме того, по мнению 60 % анкетированных, результаты выполнения поручений и объемы

полученной информации по поручениям зачастую не соответствуют запрошенной, что говорит о низком уровне профессиональной подготовки и слабом ведомственном контроле за работой оперативных уполномоченных.

72 % респондентов указали на целесообразность и реальную необходимость участия оперативного сотрудника после получения запрашиваемой информации для планирования дальнейших следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

В контексте рассматриваемого вопроса вполне справедливо проведение соответствующего анкетирования с участием оперативных сотрудников. В проведенном опросе приняло участие 50 оперуполномоченных, 18 % из которых имели стаж службы в оперативном подразделении менее 1 года; 64 % — от 1 года до 5 лет; 14 % — от 5 до 10 лет; 4 % — свыше 10 лет.

В целом опрошенные оперуполномоченные удовлетворены сложившимся уровнем взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями территориального органа, в котором они проходят службу.

92 % оперативных сотрудников из общего числа принимавших участие в анкетировании встречаются с трудностями при исполнении поручения следующего характера: 76 % — недостаточный объем исходной информации; 60 % — ограниченные сроки выполнения задания; 10 % — излишний контроль со стороны следователя или руководителя оперативного подразделения.

22 % из общего числа опрошенных оперативных сотрудников так же, как и 52 % следователей, считают необходимым внести дополнения в уголовно-процессуальный закон относительно содержания и порядка направления и исполнения поручений.

80 % указали на целесообразность и реальную необходимость участия оперативного сотрудника после получения запрашиваемой информации для планирования дальнейших следственных действий и ОРМ.

Таким образом, можем заключить, что по результатам проведенного исследования сотрудники следственных и оперативных подразделений в большей степени удовлетворены сложившимся уровнем взаимодействия в территориальном органе, где они проходят службу. В ходе исследования выявлен ряд проблем, с которыми сталкиваются следователи и сотрудники оперативных подразделений при направлении и исполнении поручений. Мнение следователей и оперуполномоченных относи-

тельно совместного участия в планировании следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий было единогласным, в связи с чем можно констатировать, что принципы плановости и непрерывности взаимодействия неукоснительно соблюдаются и считаются реально необходимыми вышеуказанными участниками уголовного процесса.

Для оптимального взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками считаем целесообразным внести в ч. 2 п. 4 ст. 38 УПК РФ изменения, дополнив полномочия следователя правом личного контроля за выполнением своего поручения конкретным оперативным сотрудником, которому оно поручено, минуя начальника отдела дознания или оперативного подразделения, и изложить в следующей редакции: «4) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении опера-

тивно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении и право непосредственного контроля за их осуществлением».

Несмотря на руководящую роль представитель органов предварительного следствия и обладание уголовно-процессуальными полномочиями, вполне очевидно, что они не в состоянии в полной мере реализовать их без возможностей оперативно-разыскной деятельности. Пути повышения уровня взаимодействия следственных и оперативных подразделений видятся также в осознании потребности, мотивации и непосредственной реализации каждым субъектом системы должного уровня организации совместной деятельности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Данильян А. С., Данильян Э. С. Взаимодействие следователя и оперуполномоченного при расследовании преступлений коррупционной направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2. С. 55—58.

3. Яндырханов З. М. Проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 598—601.

4. Плеснева Л. П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 119—121.

5. Безруких Е. С. Правовые научные и криминалистические аспекты взаимодействия следователя в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2013. 219 с.

6. Гапанович, И. И. Мартинович. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений: учеб. пособие для вузов. Минск: Изд-во БГУ, 1983. 104 с.

7. Шепель Н. В., Овсянников В. В. Поручение следователя органу дознания как форма взаимодействия при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Закон и право. 2019. № 2. С. 153—156.

8. Есина А. С. К вопросу об исполнении поручений следователя на производство следствен-

1. Criminal Code of Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996 (as amended on 24 February 2021). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Danilyan A. S., Danilyan E. S. Cooperation between an investigator and a detective while investigating corruption-related crimes. Vestnik of the Krasnodar University of the Interior Ministry of Russia, 55—58, 2014 (in Russian).

3. Yandyrkhanov Z. M. Problems of cooperation among an investigator and detective units. Young Scientist, 598—601, 2013 (in Russian).

4. Plesneva L. P. Forms of cooperation among an investigator and bodies of inquiry. Legal Vestnik of Siberia, 119—121, 2015 (in Russian).

5. Bezrukikh Ye. S. Legal scientific and criminological aspects of cooperation of an investigator while solving and investigating crimes. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Kaliningrad; 2013: 219 (in Russian).

6. Gapanovich N. N., Martinovich I. I. Basics of cooperation among an investigator and a body of inquiry while investigating crimes. Textbook for universities. Minsk: BSU Publishing House; 1983: 104 (in Russian).

7. Shepel N. V., Ovsyannikov V. V. Assignment of an investigator to a body of inquiry as a form of cooperation while investigating economic-related crimes. Law and Right, 153—156, 2019 (in Russian).

8. Yesina A. S. On issue related to executing investigator's assignments to conduct investigative ac-

ных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 128—130.

9. Поручение следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2020. С. 91—96.

10. Седельников В.П. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика, 2017. № 1. С. 24—28.

11. Громов Н. А., Гришин А. И. Основные направления использования результатов ОРД в процессе доказывания // Следователь. 2019. № 11. С. 39—45.

12. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 10.04.2021).

13. Луговик В. Ф. Проблемы процедурно-процессуального обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право: науч.-практ. журн. 2005. № 3 (3). С. 84—88.

14. Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 45—48.

tions. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 128—130, 2011 (in Russian).

9. Assignment of an investigator to a body of inquiry: issues in theory and practice. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 91—96, 2020 (in Russian).

10. Sedelnikov V.P. Investigator's order to the body of inquiry. Legislation and Practice, 24—28, 2017 (in Russian).

11. Gromov N. A., Grishin A. I. Main ways of using detective activity results while proving. Investigator, 39—45, 2019 (in Russian).

12. Expanded meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090>. Accessed: 10 April 2021 (in Russian).

13. Lugovik V. F. Problems of procedure and process support of detective activity. Police Law. Scientific and Practical Journal, 84—88, 2005 (in Russian).

14. Grigoriyev V. N. Variant of a normative model of delivering an investigator with detective powers. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 45—48, 2013 (in Russian).

© Tarasova M. Yu., Kontemirova Yu. V., 2021

© Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В., 2021

Тарасова Мария Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-937-693-88-44

Tarasova Maria Yurevna,
senior lecturer at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-937-693-88-44

Контемирова Юлия Владиславовна,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-961-663-44-58

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
senior lecturer at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-961-663-44-58

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi:10.25724/VAMVD.UNOP

В. И. Третьяков, Н. Г. Корнаухова, П. Г. Новичихин

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОВЕРКИ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

В последнее время проблема реализации принципа законности при осуществлении оперативно-разыскной деятельности приобрела актуальность и стала предметом внимания ученых. Именно прокурорский надзор за оперативно-разыскной деятельностью призван обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности путем выявления и своевременного устранения любых нарушений и привлечения виновных к ответственности. В статье исследуются причины нарушения законности в ходе работы по делам оперативного учета, в том числе с материалами о проведении оперативно-разыскных мероприятий; особенности правоприменительной практики в указанной сфере; проблемы, возникающие при реализации требований федерального законодательства, регулирующего оперативно-разыскную деятельность, и выполнении полномочий прокурорами, надзирающими за ней. Делается вывод о необходимости теоретического осмысления накопленного опыта в целях модернизации современного законодательства, регламентирующего вопросы осуществления прокурорского надзора за оперативно-разыскной деятельностью.

Ключевые слова: законность; прокурорский надзор; оперативно-разыскная деятельность; принцип; сведения, составляющие государственную тайну; конспирация; оперативно-разыскные мероприятия; допуск к государственной тайне; режим секретности; сведения ограниченного распространения; надзорная деятельность.

V. I. Tretyakov, N. G. Kornaukhova, P. G. Novichikhin

**SOME ISSUES TO CHECK OBSERVING LEGALITY,
WHILE IMPLEMENTING PROSECUTOR'S
SUPERVISION ON DETECTIVE ACTIVITY**

The problem to realize the principle of legality while carrying out detective activity has been quite topical one lately as well as it has become a subject of great interest of some scientists. It is prosecutor's supervision on detective activity that is oriented to ensure a rule of law, a unity and strengthening legality by identifying and eliminating any violations in time as well as bringing responsible persons to justice. The authors of the given article examine the reasons causing preconditions to violate legality while dealing with operative accounting as well as with materials related to taking detective measures and specifics of law enforcement practice in this sphere.

The authors also deal with problems that emerge while performing requirements of the federal legislation of the Russian Federation regulating detective activity as well as while exercising their powers to be supervised by prosecutors. The authors of the article conclude that it is necessary to conceptualize great practical experience in order to modernize the current legislation regulating issues of the prosecutor's supervision on detective activity.

Key words: legality, prosecutor's supervision, detective activity, principle, information constituting a state secrecy, secrecy, detective measures, access to a state secrecy, secrecy mode, information of limited distribution, supervisory activity.

В основе борьбы с преступностью, которая подразумевает под собой использование различных сил, средств и методов правоохранительных орга-

нов, лежат такие принципы, как законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина [1].

Дискуссия о сущности принципа законности, начавшаяся много лет назад, продолжается до настоящего времени. Советские юристы рассматривали ее с позиции правовой урегулированности общественных отношений, характеризовавшихся их соответствием закону и подзаконным нормативным актам, установленным государством [2, с. 101; 3]. Однако, как известно, закон еще не есть законность. Так, по мнению А. И. Ильина, обилие законов не является свидетельством наличия законности в государстве. Более того, это может подтверждать лишь наличие узаконенного произвола [4, с. 159—161]. Особую актуальность данный тезис приобретает сегодня, когда качество законов все чаще становится объектом внимания исполнительной власти.

Приведем еще несколько точек зрения. В 1970-х гг. в теории права законность толковали как метод, средство государственного руководства обществом [5, с. 19, 125; 6; 7]. На наш взгляд, такой подход вполне может стать методологической основой современных изысканий. Вместе с тем в свете конкретных аспектов деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений понятие законности необходимо уточнить.

Законность является одним из центральных и неизменных конституционных принципов, поскольку выступает основополагающим, ведущим началом всех направлений государственной деятельности [8, с. 513—519; 9]. В связи с этим С. С. Алексеев отмечает, что она есть требование строжайшего, неукоснительного соблюдения и исполнения всех юридических норм, всех правовых предписаний всеми субъектами, то есть гражданами, их объединениями, должностными лицами, государственными органами. В числе ее составляющих ученый называет: верховенство законов над иными правовыми актами; равенство всех перед законом; обеспечение для всех субъектов полного и реального осуществления субъективных прав, независимого и эффективного правосудия; эффективность работы всех правоохранительных органов [10, с. 71—72].

В нашем случае законность имеет три грани: социальную, экономическую и правовую. На первых двух акцент сделал Л. С. Явич: под режимом законности он понимал «такие экономические и политические условия, такую нравственно-идеологическую атмосферу жизни общества, при которых соблюдение законов государства, неприкосновенность прав граждан и добросовестное исполнение обязанностей являются принципом деятельности всех государственных органов и негосударственных

организаций, поведения должностных лиц и граждан» [11, с. 154]. Полагаем, что применительно к соблюдению законности при осуществлении оперативно-разыскной деятельности (ОРД) социальная и экономическая стороны выходят на первый план. Если же вести речь о правовой грани, то ее будут составлять неукоснительное соблюдение и исполнение юридических норм и общественно-политических требований, гарантия прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, в рамках ОРД законность предполагает создание правовых механизмов, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, неукоснительное выполнение соответствующих обязанностей и гражданином, и государством.

Соблюдение законности, безусловно, невозможно без контроля и надзора, осуществление которых, в свою очередь, не должно противоречить требованиям обеспечения режима секретности при реализации сотрудниками оперативных подразделений их деятельности. Однако здесь тоже возникает ряд проблем. Так, недостаточная проработка вопросов осуществления прокурорского надзора за ОРД вызывает недовольство сотрудников оперативных подразделений. Они трактуют его как вмешательство в организацию и тактику ОРД, а иногда как превышение должностных полномочий. Прокуратура же обвиняет оперуполномоченных и их руководителей в невыполнении законных требований, что влечет за собой возбуждение дел административного производства по ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») по требованию прокуроров руководители органов, осуществляющих ОРД, представляют им оперативно-служебные документы: дела оперативного учета (далее — ДОУ), материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) с использованием оперативно-технических средств, учетно-регистрационную документацию, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения ОРМ [12]. Данный перечень документов является исчерпывающим. В рамках настоящей статьи остановим свое внимание на проблемах, возникающих с обеспечением режима секретности при осуществлении прокурорского надзора по ДОУ, а также при изучении учетно-отчетной документации.

В соответствии со ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее —

ФЗ «О прокуратуре РФ») «предметом надзора за ОРД является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения ОРМ, а также законность решений, принимаемых субъектами ОРД» [13]. Вопросы организации, тактики, методов и средств осуществления ОРД сюда не входят. Сведения о лицах, «внедренных в организованные группы, штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе» [14], составляют государственную тайну и защищаются в особом порядке. Исходя из сказанного, закон предусматривает специальное дополнительное условие возможного разглашения органом, осуществляющим ОРД, сведений о конфидентах с учетом обеспечения их личной безопасности. Информация о них предоставляется уполномоченному прокурору только с их согласия, данного добровольно в письменной форме. Эти правила не действуют в случае привлечения конфидентов к уголовной ответственности.

Требования норм оперативно-разыскного законодательства обязывают оперативных сотрудников формировать дела так, что в них концентрируются служебные документы, содержащие сведения, не являющиеся предметом прокурорского надзора. Например, дела, которые заводятся для собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД, а также для принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими ОРД. С сожалением приходится констатировать, что сегодня вопрос разделения информации на подлежащую и не подлежащую представлению прокурору не получил своего решения. Некоторые ученые предлагали механизм передачи дел прокурорам, обеспечивающий режим секретности, однако успеха это не принесло. Так, мнение А. П. Киселева о том, что материалы дел, откуда можно получить сведения о конфиденциальных источниках, необходимо закрывать в конверты, исключая их прочтение, и представлять уполномоченному лицу [15], вызывает резонный вопрос: что помешает последнему вскрыть конверт и ознакомиться с документом?

Интересна точка зрения В. Ф. Луговика. В целях обеспечения режима секретности ученый предлагает вести ДОУ в двух частях (разделах) [16, с. 15]: в первой концентрировать документы, содержащие сведения, не входящие в предмет прокурорского надзора, во второй — носители сведений, составляющих государственную тайну. Но это

можно реализовать лишь там, где существует объективная необходимость. Основанием такого разделения ДОУ могло бы стать ходатайство оперуполномоченного или решение (указание) руководителя.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что в ФЗ «О прокуратуре РФ» не закреплены процедуры надзорной деятельности прокуратуры и не предусматриваются гарантии прав тех лиц, в отношении которых осуществляется возложенный на прокуратуру надзор за исполнением законов [17], поэтому считаем, что порядок ознакомления прокурора с необходимыми оперативно-служебными документами должен отвечать, прежде всего, нормативным правовым актам, регулирующим правоотношения в сфере защиты государственной тайны.

Полагаем, уместно осветить правомочность истребования прокурором для проверки материалов, по которым решение еще не принято и продолжается осуществление ОРМ. Сегодня прокуроры в ходе ознакомления с такой категорией дел изымают их из производства. Интервьюирование 172 сотрудников оперативных подразделений территориальных органов внутренних дел Российской Федерации показало, что это может создавать предпосылки для нарушения законности при осуществлении ОРД (указали 58 % опрошенных). Причины могут быть следующими:

1. Сам факт нахождения ДОУ на проверке у прокурора приостанавливает работу сотрудников оперативных подразделений, что нарушает один из важнейших принципов ОРД — принцип наступательности (отметили 62,2 % респондентов).

2. Подобная надзорная проверка не позволяет оставить в тайне сведения, подлежащие засекречиванию, соответственно, сама ОРД, обычно носящая негласный характер, утрачивает смысл (указали 12,8 % опрошенных).

3. По той причине, что работа по делам оперативного производства является негласной, их истребование для надзорной проверки должно осуществляться в том же порядке, что и представление прокурору материалов проверок следователем (отметили 25 % респондентов).

Осуществление прокурорами надзора за исполнением законов (ст. 29, 30) закреплено в главе 3 ФЗ «О прокуратуре РФ», где регламентированы предмет надзора и полномочия прокуроров по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие. В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что согласно ст. 30 ФЗ

«О прокуратуре РФ» полномочия прокурора по надзору за такими органами устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Из буквального толкования данной нормы можно заключить, что прокурор имеет право истребовать материалы проверок только в том случае, если по их окончании вынесены соответствующие процессуальные решения [18]. Полагаем, что это может быть распространено и на практику истребования оперативных материалов.

Ранее мы уже говорили, что ст. 21 ФЗ «Об ОРД» установлено представление прокурору учетно-регистрационной документации. Однако ни в законе, ни в ведомственных нормативных правовых актах не содержится ее определения, что дает надзорному органу возможность рассматривать в качестве такой документации любые регистрационные документы, журналы и даже оперативные учеты. Согласимся с мнением 48 % опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений о том, что ведомственное закрепление ее четкого перечня исключило бы создание предпосылок для нарушения законности при осуществлении прокурорского надзора, а также случаи ознакомления прокурора с документами, содержащими, например, сведения о лицах, сотрудничающих с оперативным подразделением на конфиденциальной основе, или разрабатываемых лицах.

В завершение обратим внимание на следующее:

1. Прокурорский надзор за исполнением ФЗ «Об ОРД» осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры (ч. 1 ст. 21 ФЗ «Об ОРД»). Согласно п. 3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 руководители прокуратур должны определить лиц, ответствен-

ных за ведение делопроизводства по документам оперативно-разыскной деятельности, обеспечить им и уполномоченным прокурорам к моменту назначения на должность получение оформленной в установленном порядке соответствующей формы допуска к работе со сведениями, составляющими государственную тайну.

2. Копия приказа с перечнем уполномоченных прокуроров и лиц, ответственных за ведение делопроизводства по документам оперативно-разыскной деятельности, должна быть направлена руководителям органов, осуществляющих ОРД, а также руководителю вышестоящей прокуратуры.

3. В соответствии с п. 66 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне [19] доступ лиц, осуществляющих прокурорский надзор, к сведениям, составляющим государственную тайну, в организациях, в которые они направляются, возможен лишь после предъявления ими предписаний на выполнение задания, документов, удостоверяющих личность, и справок о допуске по соответствующей форме. Первое выдается для посещения только одной организации и оформляется на бланке прокуратуры. Если оно отсутствует, прокурор не может быть допущен к надзорной проверке. Это означает, что руководители органа внутренних дел и оперативного подразделения и его сотрудники не вправе представлять ему оперативно-служебные документы.

Наличие некоторых пробелов в регламентации вопросов, связанных с обеспечением законности при осуществлении прокурорского надзора за ОРД, не умаляет важности рассматриваемой проблемы и, безусловно, требует дальнейшего ведомственного регулирования и детальной научной разработки.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 2; 17; 18.

2. Дедков Л. Л. Обеспечение законности в общенародном государстве. Минск: Беларусь, 1980.

3. Юридический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1984.

4. Ильин А. И. О большевизме и коммунизме // Сб. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 7.

5. Самощенко И. С. Социалистическая демократия и советская законность и правопорядок. Киев: КВШМ МВД СССР, 1970.

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993). Lawbook of Russian Federation. 2009. No. 4. Art. 2; 17; 18 (in Russian).

2. Dedkov L. L. Ensuring the rule of law in the state of the whole people. Minsk: Belarus; 1980 (in Russian).

3. Legal encyclopedic dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1984 (in Russian).

4. Ilyin A. I. About Bolshevism and Communism. Collected works. In 10 vol. Moscow: Russian book; 1998. Vol. 7 (in Russian).

6. Лукашова Е. А. Социалистическое правосознание и правопорядок. М.: Юрид. лит. 1973.

7. Рабинович П. М. Упрочнение законности — закономерность социализма. Львов: Львовский гос. ун-т, 1975.

8. Бабаев В. К., Витрук Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993.

9. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966.

10. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юрид. лит. 1993.

11. Явич Л. С. Сущность права. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1985.

12. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (послед. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (послед. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: указание Генпрокуратуры России № 215/69 и МВД России № 1/7818 от 29 сентября 2008 г. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

15. Киселев А. П. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Луговик В. Ф. Прокурорский надзор в ведомственное и правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности: проблемы и решения // Проблемы повышения эффективности оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде: материалы межведомств. круглого стола (Москва, 10 июня 2015 г.).

17. По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2013 г. № 18-АД13-21.

5. Samoshchenko I. S. Socialist democracy and Soviet legality and legal order. Kiev: KVShM Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1970 (in Russian).

6. Lukashova E. A. Socialist legal awareness and legal order. Moscow: Juridical literature; 1973 (in Russian).

7. Rabinovich P. M. Strengthening the rule of law — the regularity of socialism. Lviv: Lviv State University; 1975 (in Russian).

8. Babaev V. K., Vitruk N. V. Legality: concept, protection and security. In: General theory of law. A course of lectures. Nizhny Novgorod; 1993 (in Russian).

9. Strogovich M. S. Basic questions of the Soviet socialist legality. Moscow: Nauka; 1966 (in Russian).

10. Alekseev S. S. State and law. Initial course. Moscow: Juridical literature; 1993 (in Russian).

11. Yavich L. S. The essence of law. Leningrad: Leningrad state university; 1985 (in Russian).

12. Federal law No. 144-FZ on 12 August 1995 (last edition). "On the operational-search activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

13. Federal law No. 2202-1 on 17 January 1992 (last edition). "About the Prosecutor's Office of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

14. Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 215/69 and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1/7818 on 29 September 2008. "On the procedure for submission by internal affairs bodies of operational and official documents for the purpose of prosecutors' supervision over the implementation of the Federal Law "On Operational Investigative Activities". Available from: legal information portal "Garant" (in Russian).

15. Kiselev A. P. Commentary on the Federal Law No. 144-FZ on 12 August 1995 "On operational-search activity" (itemized). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

16. Lugovik V. F. Prosecutor's supervision in departmental and legal regulation of operational-search activity: problems and solutions. In: Problems of increasing the efficiency of operational-search support of preliminary investigation and consideration of criminal cases in court. Materials of interdepartments round table, 10 June 2015, Moscow (in Russian).

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P on 18 February 2000. "In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Art. 5 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen B. A. Kekhman". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

19. Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: постановление Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 (ред. от 19.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Третьяков В. И., Корнаухова Н. Г.,
Новичихин П. Г., 2021

Третьяков Владимир Иванович,
начальник Волгоградской академии
МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Корнаухова Наталья Геннадьевна,
заместитель начальника
кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: nkornaukhova@mvd.ru

Новичихин Павел Геннадьевич,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: p_chih@mail.ru

18. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18-AD13-21 on 7 October 2013. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

19. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 63 on 6 February 2010 (as amended on 19 April 2019). "On approval of the Instruction on the procedure for admitting officials and citizens of the Russian Federation to state secrets". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

© Tretyakov V. I., Kornaukhova N. G.,
Novichikhin P. G., 2021

Tretyakov Vladimir Ivanovich,
head of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Kornaukhova Natalia Gennadievna,
deputy head of the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: nkornaukhova@mvd.ru

Novichikhin Pavel Gennadievich,
lecturer at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: p_chih@mail.ru

* * *

УДК 343.137.5
ББК 67.410.213.8
doi:10.25724/VAMVD.UOPQ

Л. А. Шестакова

**ВЛИЯНИЕ КАРАТЕЛЬНЫХ И РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ
ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКТРИН
НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮВЕНАЛЬНОГО
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ**

Используя исторический и сравнительно-правовой методы познания, автор статьи исследует процесс признания особого правового статуса несовершеннолетних граждан, которые в силу возрастных особенностей психики и незавершенного процесса социализации не в полной мере осознают характер и степень общественной опасности совершаемых ими действий и нуждаются в дополнительной правовой защите. Последовательно рассматривая доктрины индивидуализации обращения с правонарушителем, «наказания по заслугам», велферизма, «надлежащего правосудия», восстановительного правосудия, автор формулирует выводы относительно влияния этих концепций на формирование ювенального правосудия в России в разные исторические периоды. Автор статьи считает, что российская модель правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних развивается в рамках реабилитационной концепции восстановительного правосудия, но также сочетает в себе черты других исторически более ранних карательных и реабилитационных юридических доктрин. Данные обстоятельства позволяют отнести существующую в России модель ювенальной юстиции к смешанной.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, ювенальная юстиция, производство по делам несовершеннолетних, правовая доктрина, несовершеннолетний.

L. A. Shestakova

**INFLUENCE OF PUNISHMENT AND REHABILITATION
LEGAL DOCTRINES ON FORMATION JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA**

The author uses historical and comparative legal scientific methods in the article. The author examines the historical process of recognizing the special status of minors who need additional legal protection. The author studies the doctrines of individualization of the treatment of the offender, the punitive paradigm, welferism, "due process of law", restorative justice. The author formulates conclusions regarding the influence of these concepts on the formation of juvenile justice in Russia. The author concludes that the Russian model of juvenile justice is developing within the framework of the rehabilitation concept of restorative justice and has features of other punitive and rehabilitation legal doctrines. The Russian model is a mixed model of juvenile justice.

Key words: criminal proceedings, criminal procedure policy, juvenile justice, juvenile proceedings, legal doctrine, juvenile.

Философская доктрина ювенального правосудия сформировалась в процессе модернизационных преобразований в развитых государствах XVIII—XX вв. и стала результатом переосмысления законодателями наказания как единственной меры воздействия на общественные отношения. Широкое распространение гуманистических воззрений привело к признанию особого правового статуса несовершеннолетних граждан, которые в силу возрастных особенностей психики и неза-

вершенного процесса социализации не в полной мере осознают характер и степень общественной опасности совершаемых ими действий и нуждаются в дополнительной правовой защите.

Необходимо отметить, что процесс признания мировым сообществом особого статуса несовершеннолетних и осознание необходимости раздельного применения закона в отношении взрослых и младших членов социума был трудным и не всегда последовательным [1, с. 12—13; 2, с. 50]. Перво-

начально полуживотное состояние человека делало неизбежным преобладание биологического начала над социальным. Существенно позднее общество перешло от инстинктивного к осознанному пониманию необходимости защиты и воспитания своих будущих членов.

Первой правовой концепцией, на основе которой впервые были созданы ювенальные суды, стала концепция индивидуализации обращения с правонарушителем. Идеи данной доктрины первоначально реализовывались в практике судов по делам о несовершеннолетних, например в чикагском ювенальном суде (XIX в.) [3, с. 27]. Лучшие практические решения впоследствии нашли закрепление в законодательстве развитых стран [4, с. 29—30].

В основе обсуждаемой концепции лежал врачебный подход, в соответствии с которым преступное поведение фактически признавалось болезнью, вызванной внутренними психологическими проблемами правонарушителя. На протяжении всего процесса расследования и судебного рассмотрения уголовного дела подросток обследовался разными врачами и социальными работниками, изучались условия его жизни и воспитания, социальное окружение. На основе полученных данных делался вывод о возможности применения воспитательных или реабилитационных мер. Дела о преступлениях несовершеннолетних рассматривались отдельно от преступлений взрослых, часто утром до рассмотрения других назначенных дел. Кроме того, задержанные несовершеннолетние доставлялись в особое помещение суда, где они ожидали рассмотрения своего дела отдельно от взрослых лиц. Особым образом выглядели и сами залы судебных заседаний, где не было «клеток», а подсудимый помещался сбоку от скамьи подсудимых.

В России ювенальная юстиция возникла в 1910 г. [5]. В Законе от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании» закреплялись основные положения концепции индивидуализации обращения с правонарушителем [3, с. 43—46]. Для лиц от 10 до 17 лет предусматривалось производство о разумении и судебное производство о виновности. По завершении следствия уголовное дело передавалось прокурору, и далее, с его заключением — в суд. В распорядительном заседании суда показания давали родители несовершеннолетнего и сам обвиняемый. После дачи своих пояснений несовершеннолетний удалялся из зала судебных заседаний. По резуль-

татам рассмотрения дела суд мог вынести определение о прекращении судебного преследования, если обвиняемый действовал без разумения, либо о возвращении уголовного дела прокурору. При прекращении уголовного дела суд также мог передать несовершеннолетнего под надзор родителей, поместить в приют или направить в особые помещения при арестных домах и тюрьмах на указанный в законе срок.

Основное заседание суда начиналось с заявления судьи или доклада попечителя о содеянном, оглашения полицейского протокола, опроса потерпевшего [6, с. 504—506]. Допрос несовершеннолетнего носил неформальный характер: подростку в понятных ему выражениях разъяснялась суть предъявленного обвинения, порядок судебного процесса и правовые последствия, грозившие ему за совершенное деяние. Зачастую при раскаянии обвиняемого в содеянном дальнейшее разбирательство по делу откладывалось на срок до 6 месяцев, а сам несовершеннолетний определялся под надзор попечителя, назначаемого судом [7, с. 559—564].

Представляется важным отметить, что концепция индивидуализации обращения с правонарушителем первоначально была поддержана и советской властью. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» уголовные дела несовершеннолетних больше не рассматривались в судах. Тюремное заключение для несовершеннолетних и малолетних исключалось [8, с. 8—10]. Рассмотрение правонарушений, совершенных несовершеннолетними, проходило в комиссиях, сам процесс разбирательства был непубличным и неформальным. Зачастую допускалось присутствие врачей, педагогов, психологов и других социальных работников, которые собирали на несовершеннолетнего характеризующий материал. Основной мерой ответственности становилось направление в одно из так называемых убежищ Народного комиссариата общественного призрения либо освобождение от уголовной ответственности. Лишь в исключительных случаях, при рецидивах, комиссия по делам несовершеннолетних могла передать дело на рассмотрение суда.

Результаты Первой и Второй мировых войн сформировали общественный запрос на широкое применение наказания, в том числе для несовершеннолетних. В тот момент стало очевидным, что применение концепции индивидуализации обращения не позволяет снизить рост преступности,

защитить общество от преступлений, а потерпевшим — получить возмещение ущерба, нанесенного преступлением [3, с. 33—35]. Пришло время философии «наказания по заслугам» (карательной парадигмы).

В развитых правовых системах реализация положений новой карательной парадигмы началась с установления четких правил назначения наказаний, формирования системы наказаний и мер пресечения, в том числе связанных с изоляцией от общества. Тенденция к отказу от реабилитационного идеала проявилась также в сужении судебного усмотрения при назначении наказаний, ограничении или отказе от условно-досрочного освобождения [9, с. 74—75].

В России период господства философии «наказания по заслугам» начался в 30-е гг. XX в. Одним из первых шагов законодателя в этом направлении стало снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет в случаях, если такие несовершеннолетние были уличены в совершении убийства или попытке совершения убийства, причинения насилия, телесных повреждений, различных увечий, краж (ст. 12 УК РСФСР 1926 г.). К таким лицам закон разрешал применять все виды наказаний, в том числе смертную казнь [10]. В этот период также действовали многочисленные приказы, инструкции и директивы, многие из которых были тайными. Содержание этих документов было выдержано «в духе» карательной парадигмы. В частности, несовершеннолетним-рецидивистам назначались более длительные сроки лишения свободы, возраст обвиняемых устанавливался без документальных данных, не выяснялись причины совершенного преступления, взрослые не привлекались к ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, подготовительные заседания проходили формально, часто отсутствовала защита [3, с. 37—38].

Однако ко второй половине XX в. к философии «наказания по заслугам» нарастало отрицательное отношение. Фактически назначение наказания стало единственной целью юстиции, сама система наказаний перестала развиваться — не осуществлялся поиск новых и более эффективных наказаний применительно к несовершеннолетним. Становилось очевидным, что нельзя руководствоваться только логикой ответного насилия, поскольку даже легализованное насилие в виде наказаний неизбежно порождает новое насилие [11, с. 458—459].

Со второй половины XX в. во многих странах произошел почти повсеместный переход к новой реабилитационной парадигме — концепции «вел-

феризма», или «социальной концепции преступности», или «государственной заботы и защиты» (название данной концепции не имеет точного перевода на русский язык). Причины роста преступности несовершеннолетних идеологи этой концепции видели преимущественно в неудовлетворительных результатах социальной и экономической политики государства. Кризис духовности, рост безработицы, обнищание населения толкали людей на совершение преступлений. На преступность несовершеннолетних влияли социальные и психологические факторы: разрушение семейного быта, отсутствие отца или матери в семье, родительский алкоголизм и наркомания, особенности характера и духовное состояние несовершеннолетнего и др.

Значительное внимание в доктрине «велферизма» уделялось социальной диагностике личности несовершеннолетнего. Отчеты социальных служб дополняли расследование полиции, в судебном производстве ювенального суда использовались понятные для несовершеннолетнего слова и выражения [12, с. 92—94].

К основным нормативным нововведениям концепции «государственной заботы и защиты» можно отнести следующие: повышение возраста уголовной ответственности, снижение числа деяний, квалифицируемых как преступления, создание реабилитационных центров и служб пробации для несовершеннолетних, создание специализированных ювенальных судов, закрепление приоритета назначения наказаний, не связанных с лишением свободы применительно к несовершеннолетним [13, с. 48].

Однако уже к 70-м гг. XX в. в западноевропейских странах произошел переход к менее либеральной реабилитационной концепции — доктрине «справедливого возмездия», или «надлежащего правосудия». К основным нововведениям данной концепции относились: большая формализация процедуры рассмотрения дел несовершеннолетних, что способствовало реализации процессуальных прав несовершеннолетнего; уменьшение правовой значимости социальных досудебных дел несовершеннолетних; наличие процессуальных гарантий для несовершеннолетних при рассмотрении их дел по существу, ограничение гласности уголовного судопроизводства; появилась возможность обжаловать приговор суда; закон предусматривал возможность вынесения обвинительного приговора с назначением реального наказания для несовершеннолетнего [14].

В России период господства обсуждаемых концепций пришелся на конец XX в., который ознаме-

новался принятием УПК РСФСР 1960 г. В этот период принимается важное решение ввести в предварительное следствие элемент состязательности и допустить защитника к участию в деле с момента окончания предварительного следствия [15]. Нормативные правовые акты указанного периода явно обозначили тенденцию к гуманизации уголовного судопроизводства и института уголовной ответственности применительно к несовершеннолетним. УПК РСФСР 1960 г. достаточно подробно урегулировал вопросы отправления правосудия по делам несовершеннолетних в главе 32. В частности, по данной категории дел обязательным признавалось участие защитника. Недостижение возраста уголовной ответственности признавалось основанием, исключающим производство по делу. При прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего предусматривалась возможность передачи материалов в комиссию по делам несовершеннолетних. Достаточно подробно регламентировалась и процедура применения принудительных мер воспитательного воздействия в случаях, если исправление несовершеннолетнего, совершившего преступление, было возможно без применения наказания [16, с. 485—486].

Исторически последней концепцией, которая в настоящее время оказывает существенное влияние на ювенальную юстицию многих стран мира, является концепция восстановительного правосудия, или альтернативного разрешения споров. Появление этой концепции было обусловлено «эмоционализацией» права — изменением взгляда на роль эмоций в праве. Во всем мире уголовное право изменилось в направлении восстановительного правосудия, «возвращения эмоций» в уголовные дела [17].

Концепция восстановительного правосудия получила научную и общественную поддержку в начале восьмидесятых годов XX в. (в России лишь в начале XXI в.). Эта концепция представляет собой совокупность учений о способах борьбы

с противоправными деяниями, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, восстановления мира в общине, возмещения вреда потерпевшему [18, с. 22—24]. Следует подчеркнуть, что на уровне национального права восстановительная модель принимает различные формы, однако одним из самых характерных и распространенных элементов этой модели является институт посредничества, или медиации [3, с. 62]. В Российской Федерации реализация идей этой доктрины пока не вышла за пределы законопроектов и научных предложений, поскольку идеи этой концепции не нашли поддержки на федеральном уровне. Тем не менее, технологии восстановительного правосудия даже без законодательного закрепления стали применяться в отдельных регионах, районах и судах, «вклиниваясь» в официальную процедуру расследования и рассмотрения уголовных дел. Однако в большинстве регионов внедрение ювенальных и восстановительных технологий, не получив широкого распространения и поддержки, преобразовалось во внеучебную воспитательную работу с молодежью [19].

Российская модель правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних в настоящее время развивается в рамках реабилитационной концепции восстановительного правосудия, но также сочетает в себе черты других исторически более ранних карательных и реабилитационных юридических доктрин. Применение к несовершеннолетним мер пресечения и наказаний, связанных с лишением свободы, сочетается в российском законодательстве с расширением процессуальных прав несовершеннолетнего, участием в процессе защитника, педагогов и психологов, возможностью применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия и др. Данные обстоятельства позволяют отнести существующую в России модель ювенальной юстиции к смешанной.

1. Бычков А. Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве. Москва: Юрлитинформ, 2011. 176 с.

2. Исаков С. А., Абдуразакова Д. М. Виды наказаний для несовершеннолетних преступников и особенности их назначения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 50—55.

3. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам

1. Bychkov A. N. Participation of the teacher in the Russian criminal proceedings. Moscow: Jurlitinform; 2011: 176 (in Russian).

2. Isakov S. A., Abdurazakova D. M. Types of punishments for juvenile criminals and the peculiarities of their appointment. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 50—55, 2018 (in Russian).

3. Shestakova L. A. Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the

несовершеннолетних в Российской Федерации. Москва: Юрлитинформ, 2015. 280 с.

4. Мельникова Э. Б., Карнозова Л. М. Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2002. 144 с.

5. Исакова Т. В. Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства российской империи до современных реалий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-ocherk-razvitiya-yuvenalnogo-ugolovnogo-pravosudiya-v-rossii-ot-zakonodatelnyh-novell-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 15.01.2021).

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 606 с.

7. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград: Изд-во Юрид. кн. скл. «Право», 1916. 603 с.

8. Барило Т. С. Комиссии по делам несовершеннолетних. Киев: Наукова думка, 1976. 214 с.

9. Козочкин И. Д. Общая характеристика и некоторые основные тенденции развития американского уголовного права в области учения о наказании // Государство и право. 2015. № 9. С. 72—84.

10. Скрипченко Н. Ю. Развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский периоды) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Гусейнов А. А. Этика: учеб. для вузов. Москва: Гардарики, 1998. 472 с.

12. Штыкова Н. Н. Ювенальная юстиция в США, Англии и России XIX—XX вв.: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Штыкова. Нижний Новгород, 2001. 185 с.

13. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Шестакова. Самара, 2015. 242 с.

14. Платек М. Восстановительное правосудие — теория, порожденная практикой. URL: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/pltk_n4.htm (дата обращения: 07.01.2021).

15. Колоколов Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Инновации неизбежны //

Russian Federation. Moscow: Jurlitinform; 2015: 280 (in Russian).

4. Melnikova E. B., Karnozova L. M. Juvenile justice — protective and restorative. Textbook. Moscow: Prospect; 2002: 144 (in Russian).

5. Isakova T. V. A brief outline of the development of juvenile criminal justice in Russia: from legislative novels of the Charter of criminal justice of the Russian empire to modern realities. Actual problems of Russian law, 2014. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-ocherk-razvitiya-yuvenalnogo-ugolovnogo-pravosudiya-v-rossii-ot-zakonodatelnyh-novell-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva>. Accessed: 15 January 2021 (in Russian).

6. Foinitskiy I. Ya. Course of criminal proceedings. Vol. 2. Ed. A. V. Smirnova. Saint Petersburg: Alfa; 1996: 606 (in Russian).

7. Rozin N. N. Criminal proceedings. Petrograd: Publishing house of juridical book store "Law"; 1916: 603 (in Russian).

8. Barilo T. S. Commission on juvenile affairs. Kiev: Naukova Dumka; 1976: 214 (in Russian).

9. Kozochkin I. D. General characteristics and some of the main trends in the development of American criminal law in the field of the doctrine of punishment. State and law, 72—84, 2015 (in Russian).

10. Skripchenko N. Yu. Development of legislation on the use of compulsory measures of educational influence in relation to juvenile criminals (pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods). Issues of juvenile justice, 2008. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

11. Guseinov A. A. Ethics. Textbook for universities. Moscow: Gardariki; 1998: 472 (in Russian).

12. Shtykova N. N. Juvenile justice in the USA, England and Russia of XIX—XX centuries: historical and legal analysis. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2001: 185 (in Russian).

13. Shestakova L. A. Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation: genesis, modernity and prospects. Dissertation of the Candidate of juridical sciences. Samara; 2015: 242 (in Russian).

14. Platek M. Restorative justice — theory generated by practice. Available from: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/pltk_n4.htm. Accessed: 7 January 2021 (in Russian).

15. Kolokolov N. A. Acquaintance with the materials of the criminal case. Innovation is inevitable. Russian investigator, 2014. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

Российский следователь. 2014. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. Москва: Наука, 1970. 616 с.

17. Хельмут К. Медиация, восстановительное правосудие и социальная реинтеграция правонарушителей: последствия мер, альтернативных уголовному наказанию // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-vosstanovitelnoe-pravosudie-i-sotsialnaya-reintegratsiya-pravonarushiteley-posledstviya-mer-alternativnyh-ugolovnomu> (дата обращения: 15.01.2021).

18. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Арутюнян. Москва, 2012. 262 с.

19. Шестакова Л. А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Марийский юридический вестник. 2016. Т. 1, № 2 (17). С. 55—58.

16. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. II. Moscow: Nauka; 1970: 325 (in Russian).

17. Helmut K. Mediation, restorative justice and social reintegration of offenders: the consequences of alternative measures to criminal punishment. Actual problems of economics and law, 2015. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-vosstanovitelnoe-pravosudie-i-sotsialnaya-reintegratsiya-pravonarushiteley-posledstviya-mer-alternativnyh-ugolovnomu>. Accessed: 15 January 2021 (in Russian).

18. Harutyunyan A. A. Mediation in the criminal process. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2012: 262 (in Russian).

19. Shestakova L. A. The concept of restorative justice as the basis of juvenile justice. Mary Law Vestnik, 55—58, 2016 (in Russian).

© Shestakova L. A., 2021

© Шестакова Л. А., 2021

Шестакова Любовь Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева,
кандидат юридических наук;
e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Shestakova Lyubov Alexandrovna,
associate professor at the department
of the criminal procedure
and criminalistics of the faculty of law
of Samara National Research University
named after academic S. P. Korolev,
candidate of juridical sciences;
e-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

* * *

УДК 342.5(09)
ББК 67.400.6-1
doi:10.25724/VAMVD.UPQR

П. А. Астафичев

**ИНСТИТУТ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ
И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ
В СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ**

Статья посвящена исследованию ряда историко-правовых проблем, связанных с развитием в советской России социалистического конституционализма, избирательной системы и народного представительства. Доказывается, что советская государственно-правовая система была изначально «народной»: если бы большевиков не поддерживали широкие народные массы, они не смогли бы одержать победу в гражданской войне, удержать политическую власть, добиться заявленных целей. Народ в молодой советской республике не понимался как совокупность всех граждан в единстве, обладающих всеобщим и равным правом на выборы своих представителей в парламент. Речь шла о власти идеологических единомышленников, которые заботятся о реализации неких объективных потребностей угнетенных социальных классов. Учредительное собрание в 1917 г. в отсутствие поддержки Временного правительства не могло ни учредить, ни сохранить, ни обеспечить полноценную конституционную демократию на основе легитимной публичной власти. Но демократический путь развития избирательной системы и народного представительства в долгосрочной перспективе является объективным и неотвратимым. Особенно ярко это проявилось в условиях действия Конституции СССР от 1977 г. и горбачевской перестройки, а также продолжает наблюдаться в современном российском обществе.

Ключевые слова: советская демократия, социалистический строй, народное представительство, парламентаризм, революция, политический плюрализм.

P. A. Astafichev

**POPULAR REPRESENTATION IN RUSSIAN LAW:
THE SPECIFICS OF FORMATION AND THE MAIN STAGES
OF DEVELOPMENT IN THE SOVIET STATE LEGAL SYSTEM**

The article is devoted to the study of a number of historical and legal problems associated with the development in Soviet Russia of socialist constitutionalism, the electoral system and popular representation. The study proves that the Soviet state-legal system was originally «popular»: if the Bolsheviks were not supported by the broad masses, they would not have been able to win a civil war, retain political power, and achieve their stated goals. The people in the young Soviet republic was not understood as the totality of all citizens in unity, possessing a universal and equal right to elect their representatives to parliament. It was about the power of ideological like-minded people who care about the realization of certain objective needs of the oppressed social classes. The Constituent Assembly in 1917, in the absence of the support of the Provisional Government, could neither establish, nor preserve, nor ensure a full-fledged constitutional democracy based on legitimate public authority. But the democratic path of development of the electoral system and popular representation in the long term is objective and inevitable. This was especially vividly manifested in the conditions of the USSR Constitution of 1977 and Gorbachev's perestroika, and also continues to be observed in modern Russian society.

Key words: Soviet democracy, socialist system, popular representation, parliamentarism, revolution, political pluralism.

Советское государство и право с современных позиций подвергается весьма неоднозначной оценке. Есть группа авторов, которые предпочитают, главным образом, критический взгляд на данный

период государственно-правовой истории, аргументируя это признаками тоталитаризма, господства принуждения, воспитания страхом и манипулирования общественным мнением в идеологическом фар-

ватере марксистско-ленинского характера [1, с. 68]. Не менее активна в оценках другая часть современных мыслителей, которые квалифицируют советские времена весьма положительно, сожалея об утраченных ценностях советского конституционного строя. Их аргументация опирается на факты социальной солидарности, дисциплины, ответственности и порядка. Эгалитаризм советской эпохи воспринимается ими как потерянные возможности, в то время как имущественное и вообще социальное неравенство современного общества подвергается критике [2, с. 274]. Наконец, значительное число современников предпочитает «смешанную» модель обращения в советское прошлое ретроспективной части своего мировоззрения: какую-то государственно-правовую практику (например, расстрел Николая II и членов его семьи) [3, с. 15] они, безусловно, подвергают осуждению; другие же практики и институты (например, исключительно коллегиальное рассмотрение дел в судах по Конституции СССР от 1977 г.) [4, с. 44] считают необходимым поддерживать или возрождать.

В сущности, последний подход в целом верен, хотя он и содержит в себе некую теоретико-методологическую «ловушку»: мыслитель как бы избавляется от необходимости общей оценки советского государственно-правового строя, опираясь на дифференцированный анализ вместо комплексного подхода. Предлагаемая читателю статья представляет собой опыт, прежде всего, дифференцированного исследования: речь идет, главным образом, о *народном представительстве* в советской России, не о советском государстве и праве *в целом*. Вместе с тем, анализируя один из институтов советской демократии, нельзя полностью избежать оценки *самой* советской демократии, следовательно — советской государственно-правовой системы *как таковой* [5, с. 26; 6, с. 33; 7, с. 86]. Таким образом, в указанную теоретико-методологическую «ловушку» рискует попасть и это исследование, по крайней мере в той его части, в какой институт народного представительства находится в органической взаимосвязи с государством и правом.

Прежде всего подчеркнем, что советская государственно-правовая система была изначально «народной». Если бы большевиков не поддерживали широкие народные массы, они не смогли бы одержать победу в гражданской войне, удержать политическую власть, добиться заявленных целей и утвердить в обществе ортодоксальное идеологическое мировоззрение (хотя, конечно, государственно-принудительная машина сыграла в этом

немалую роль, причем явно не в полном соответствии с ее демократическим предназначением).

Идея «народности» поддерживалась и раньше: например, она была одной из ключевых в государственно-правовой концепции С. С. Уварова [8, с. 83]. Но триада «православие, самодержавие и народность» к началу XX в. воспринималась как ультраконсервативная и контрреволюционная. Большевики от идеи «народности» полностью не отказались, трансформировав ее в концепцию диктатуры пролетариата и обладания суверенной властью другими беднейшими слоями населения. При таком понимании народовластия суверенитет фактически принадлежал народным массам (как и в большинстве демократических стран). Отличие состояло в *социально-классовом подходе к конституционной институционализации власти народа*, что было чуждо «буржуазным демократиям» зарубежных стран того времени.

Народ в молодой советской республике не понимался как совокупность всех граждан в единстве, обладающих всеобщим и равным правом на выборы своих представителей в парламент. Речь шла о власти *идеологических единомышленников, которые заботятся о реализации неких объективных потребностей угнетенных социальных классов*. Принцип народного государства официально был признан на конституционном уровне только в 1977 г. с принятием соответствующей Конституции СССР. Все предыдущие советские конституции (от 1918, 1924 и 1936 гг.) эту конституционную максиму официально отрицали. Вслед за этим советское народное представительство на первоначальных стадиях своего генезиса представляло собой реализацию мандата доверия именно беднейших слоев населения, трудящихся, но не форму обеспечения всеобщего права граждан. Эксплуататоры и другие конституционно отрицаемые классы лишались права на власть и на представительство.

В связи с этим Н. А. Бердяев подчеркивал, что для России, в отличие от западноевропейских стран, характерна «лишенность сознания прав личности и ее достоинства» ввиду фактора «инертности консерватизма» [9, с. 14]. По мнению данного ученого, у нас в России «долгое время было рабство и варварство, а потом наступил революционно-реакционный хаос» [10, с. 178]. В русской государственности, по мнению Н. А. Бердяева, «скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма» [9, с. 50]. Однако «вовлечение России в мировой круговорот означает конец ее замкну-

того провинциального существования, ее славянофильского самодовольства и западнического рабства» [9, с. 61]. В конечном итоге советское народное представительство во второй половине XX в. получило надлежащее конституционное признание, приобрело адекватные конституционно-правовые формы, а в период «развитого социализма» и начала перестройки представляло собой уже весьма совершенный конституционный институт.

Но и в этот период времени соревновательный процесс контролировался и сдерживался курирующей деятельностью партии, которая официально и юридически считалась руководящей и направляющей силой советского общества. Селекция народных представителей осуществлялась вне конституционно-правовых форм и задолго до официального начала движения избирательного процесса. Конституция СССР от 1977 г. при этом специально оговаривала необходимость «свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты». Допускалась агитация «на собраниях, в печати, по телевидению и радио». Таковым оказался своего рода итог развития советской представительной демократии: его завершение знаменовали сначала Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР», затем — Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР». Однако к этому результату привела длительная эволюция советского народного представительства.

Согласно Конституции РСФСР от 1918 г. право на представительство, с одной стороны, юридически избавлялось от ряда дискриминирующих признаков (вероисповедание, национальность, оседлость); с другой — подвергалось значительным ограничениям вследствие критериев *отношения к труду* (лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли или живущие на нетрудовой доход), *социального статуса* (монахи, духовные служители церквей [11, с. 27], служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего дома), *предпринимательской деятельности* (частные торговцы, торговые и коммерческие посредники). Основой избирательного права служил критерий «добывания средств к жизни производительным и общественно полезным трудом», к чему приравнивались «лица, занятые домашним хозяйством для обеспечения возможности производительного труда» [12, с. 5].

Выборы в Советы должны были проводиться «согласно установленным обычаям», но в присутствии избирательной комиссии и представителя

местного Совета. Нахождение на выборах «представителя Советской власти» было обязательным, за исключением случаев «технической невозможности», при которой его заменял председатель избирательной комиссии (за отсутствием такового — председатель избирательного собрания). Материал по производству выборов поступал в Совет, который в целях проверки выборов назначал мандатную комиссию. Так называемые спорные кандидаты могли быть утверждены или не утверждены Советом. При отказе в утверждении выборы должны были осуществляться снова. Кассация советских выборов была возможна вплоть до ВЦИК Советов, который являлся окончательной инстанцией. При такой системе представительства вполне логичным было и право избирателей (которые «посылали» в Совет своего депутата) в любое время досрочно его отозвать и произвести новые выборы [13, с. 8]. Подробный порядок организации выборов определялся соответствующей инструкцией ВЦИК Советов.

Данная система создавала существенные юридические гарантии для идеологической фильтрации претендентов на мандат народного доверия [14], что достигалось путем наличия на выборных собраниях представителей Советской власти, а также установления законом соответствующих полномочий мандатных комиссий, первичных Советов и вышестоящих советских инстанций вплоть до ВЦИК. Избирательное собрание находилось под оперативным надзором, что предполагало выбор гражданами только идеологически лояльных представителей [15, с. 7]. Если же собрание настаивало на «своей» кандидатуре — такого кандидата можно было официально не утвердить, не говоря уже о персональной идеологической «обработке» оппозиционно настроенных граждан, будь то убеждение или принуждение.

Такая система обеспечивала «двойную страховку» от прохождения в выборные органы неугодных для действующей власти кандидатов — явную и скрытую. Но выборы все же были. В стране с многовековыми традициями монархического абсолютизма и сословных привилегий, с недавно отмененным крепостным правом и только зарождающимся общегражданским обществом, после череды войн и революций — это явление выглядело даже в чем-то весьма прогрессивным, хотя с современных позиций его сложно оценивать положительно. Здесь имели место, конечно, выборы не многопартийные, не свободные и не плюралистические.

Вместо демократического принципа господства свободной избирательной системы обеспечивалась

ленинская идея правления хорошо подобранного, сплоченного и организованного в единственную партию меньшинства политических единомышленников, которое, однако, нуждалось в конституционной легитимности и широком доверии народных масс. Смысл этих событий довольно точно отражает знаменитая фраза В. Володарского (М. М. Гольдштейна) о том, что «массы в России никогда не страдали парламентским кретинизмом», а если они «ошибутся с избирательными бюллетенями», то «им придется взяться за другое оружие» [16, с. 263].

Первые выборы в Советы противопоставлялись выборам в Учредительное собрание. Октябрьская революция 1917 г. свергла Временное правительство, но большевики одновременно не отказались от модели Учредительного собрания, идея которого была тогда весьма популярна в обществе. Примечательно, что система выборов в Учредительное собрание была значительно более демократичной, чем порядок формирования Советов, однако выборы в Учредительное собрание по многим избирательным округам оказались результатами, причем законодательство не определяло, при наличии какого кворума состав Учредительного собрания может считаться правомочным.

Это обстоятельство позволяло большевикам какое-то время сохранять институциональную конструкцию Учредительного собрания, которое, однако, Октябрьскую революцию не признавало и считало власть большевиков нелегитимной. Учредительное собрание провело свое единственное заседание 5 января 1918 г. в Таврическом дворце Петрограда при наличии кворума в 410 депутатов. Открывший заседание Я. М. Свердлов предложил к обсуждению и поддержке Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, но Учредительное собрание большинством в 237 голосов отказалось даже обсуждать данный вопрос повестки дня [17]. В конечном итоге возобладали силовые методы, и Учредительное собрание было распущено декретом ВЦИК от 6 января 1918 г. [18]. Именно тогда были произнесены ставшие впоследствии широко известными слова анархиста А. Г. Железнякова о том, что «караул устал» [19]. Это символизировало революционное отношение к выборному парламентаризму, демократическому народному представительству, плюрализму политического мнения и всеобщей, равной и тайной избирательной системе [20, с. 9].

Обратим внимание на ряд важных норм Положения о выборах в Учредительное собрание, которое было утверждено Постановлением Временного правительства от 20 июля 1917 г.:

— избирательное право предоставлялось с 20 лет;

— правом голосования обладали мужчины и женщины;

— организация выборов возлагалась на Всероссийскую, окружные, столичные, уездные, городские комиссии по делам о выборах, а также на участковые избирательные комиссии. Окружные комиссии состояли под председательством председателя губернского (областного) земского собрания или его заместителя; уездные комиссии — под председательством административного судьи; в Петрограде и в Москве столичные комиссии — под председательством городского головы или его заместителя. Участковые комиссии избирались управами (городскими, поселковыми, волостными земскими) в количестве четырех членов, сверх этого в их состав входили на правах членов по одному лицу от каждой группы избирателей, которая заявила кандидатский список (постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г. «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание»).

Это, по сравнению с Конституцией РСФСР от 1918 г., позволяло заблокировать или, во всяком случае, минимизировать давление на избирателей в ходе выдвижения списков кандидатов и последующего голосования граждан [21, с. 283—285], хотя с позиций современного избирательного законодательства данное нормативно-правовое установление считалось бы противоправным: действующий Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» запрещает должностным лицам исполнительной власти не только возглавлять избирательные комиссии, но вообще быть их членами.

Следующим важным этапом развития советской системы представительной демократии было принятие Конституции СССР от 1936 г. и ее конкретизирующих положений законодательства о выборах. Советы депутатов трудящихся квалифицировались как «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов завоевания диктатуры пролетариата» (ст. 2 Конституции СССР от 1936 г.). Государство конституировалось как страна «рабочих и крестьян», где власть принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов. С этой точки зрения просматривалась преемственность конституций от 1918, 1924 и 1936 гг., однако то обстоятельство, что Советы «возросли и окрепли», давало основания для расширения некоторых существенных

компонентов советского народного представительства. Юридической формой выражения этого послужила обособленная глава XI Конституции СССР об избирательной системе, в которой, во-первых, закреплялись принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; во-вторых, устанавливался механизм выдвижения кандидатов в избирательных округах; в-третьих, регулировались обязанность депутатов отчитываться перед избирателями и право граждан на досрочный отзыв своего представителя.

Это означало в целом признание советской Россией основных демократических форм избирательной системы при выборе конституционного законодателя в пользу мажоритарного представительства и конструкции императивного депутатского мандата. Сами по себе мажоритарная система и принцип императивного мандата не могут считаться критериями демократичности выборов: в условиях применения данных систем конституционную демократию можно обеспечить с той же степенью эффективности, что и в случае с пропорциональным представительством и свободным мандатом депутата. Значительно более важным обстоятельством было, на наш взгляд, юридическое признание советской Россией всеобщего, равного и тайного избирательного права.

Конституция СССР от 1936 г. упразднила многие избирательные цензы, которые были учреждены Конституцией РСФСР от 1918 г. Более того, в Конституции СССР от 1936 г. появилась важная оговорка об избирательном праве — «независимо от прошлой деятельности». Не следует думать, что это действительно исключило кампанию того времени против «врагов народа» (отчасти в 1936 г. она лишь «набирала обороты»), но, во всяком случае, данное юридическое ограничение несколько сдерживало соответствующую политическую активность на публичном и конституционном уровне.

Партия и советское правительство официально заявили о своем намерении «простить» гражданам «прошлую деятельность», если последние приняли социалистическую революцию и стали «трудящимися». Вслед за этим граждане приобретали избирательные права. Кроме того, в качестве дискриминирующих конституционный законодатель в 1936 г. указал такие обстоятельства, как раса, национальная принадлежность, пол, вероисповедание, образование, оседлость, социальное происхождение, даже имущественное положение. Полностью исключало избирательную правосубъектность лишь состояние «умалишен-

ности» либо недостижение соответствующего возраста. Разумеется, избирательным правом пользовались только граждане страны.

СССР позиционировал себя как страну, решительно преодолевающую архаичные избирательные цензы и установившую подлинно всеобщее избирательное право. Имущественный ценз был бы совершенно немыслимым в условиях советского строя, если только не считать возможными его зеркально противоположные формы (по Конституции РСФСР от 1918 г., в выборах запрещалось участвовать лицам, которые прибегают к наемному труду с целью извлечения прибыли, частным торговцам, торговым и коммерческим посредникам). СССР по праву гордился подлинным равноправием мужчин и женщин, отсутствием дискриминации по национальному признаку при одновременном учете многонационального состава советского народа. В связи с этим в советском законодательстве наблюдались *весьма ограниченные* избирательные цензы, их *минимально необходимый* состав.

Современное избирательное законодательство России, напротив, имеет тенденцию к эскалации, комбинированию и модернизации избирательных цензов с целью *эффективно повлиять* на политический процесс. В XX в. это считалось недопустимым, потому что нарушало бы фундаментальные конституционные принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Общая тенденция мирового политического процесса состоит в сокращении избирательных цензов, в движении от ограниченного к всеобщему избирательному праву, но не наоборот [22].

Движение в направлении всеобщих, равных и тайных выборов в 1936 г. было весьма примечательным, хотя к тому времени советская власть действительно уже довольно прочно укрепилась в стране, больше не нуждалась в прямой политической поддержке на уровне первичных выборов в Советы путем присутствия на избирательных собраниях представителей Советской власти и права утверждения Советом избранных депутатов. Теперь, по Конституции СССР 1936 г., правом выставления кандидатов обладали общественные организации и общества трудящихся: коммунистические партийные организации, профессиональные союзы, кооперативы, организации молодежи и культурные общества. Все эти лица к 1936 г. находились под надлежащим партийным контролем, они не могли представлять политическую угрозу советскому обществу, потому что были полностью лояльными по отношению к коммунистической идеоло-

гии. Только вслед за *всеобщим институциональным контролем над политической лояльностью* стали созреть условия для *всеобщих, равных и тайных выборов*.

Однако можно ли считать демократичными и свободными выборы, которые опираются на критерий политической лояльности по отношению к «действующей власти»? Это очень важный вопрос, в том числе для современной России. Если под «политической лояльностью» понимать признание государственного суверенитета, стремление к обеспечению прочности и устойчивости государственной организации, национальной безопасности и правопорядка такого рода «лояльность» необходима в демократическом обществе и является условием самого его существования. Если же «лояльность» требует консолидации с определенным идеологическим течением и группой политических единомышленников при наличии альтернативных путей политической деятельности и групп граждан, придерживающихся другого мнения, — налицо тоталитарный и недемократический конституционный строй.

Обществу объективно *нужна конструктивная оппозиция*, которая является законной, мирной и парламентской, выражается через состязательный избирательный процесс и межпартийную политическую конкуренцию. В свою очередь, обществу *не нужна деструктивная оппозиция*, которая противоправно стремится к государственным переворотам, бунтам, мятежам или массовым беспорядкам. Советская республика в 1936 г. еще не была готова к организации парламентской конструктивной оппозиции и межпартийной конкуренции, однако с признанием всеобщего, равного и тайного избирательного права Союз ССР неизбежно «направил вектор» своего дальнейшего политического генезиса в данном направлении. Это закономерный и объективный процесс, сложности дальнейшего обеспечения которого наблюдаются и в наши дни. Начало данному процессу было положено отчасти процедурой выборов в Учредительное собрание в 1917 г., в некоторой степени — выборами на основе Конституции СССР от 1936 г.

Подчеркнем, что состав Учредительного собрания в 1917 г. был многопартийным, избирательный процесс — состязательным, но именно это обстоятельство побудило большевиков к роспуску такого представительного органа, поскольку он *препятствовал завоеваниям социалистической революции* и не мог (в качестве альтернативы революции) гарантировать *всеобщую и обязательную*

для всех систему конституционной законности. Примерно через 20 лет, после того как «созрело» новое поколение советских людей, СССР отчасти вернулось к опыту организации демократических выборов, сохраняя при этом главную цементирующую основу в виде обязательной коммунистической идеологии. Иное воспрепятствовало бы социалистической организации советского общества.

Учредительное собрание в 1917 г., в отсутствие поддержки Временного правительства, не могло ни учредить, ни сохранить, ни обеспечить полноценную конституционную демократию на основе легитимной публичной власти. Но демократический путь развития избирательной системы и народного представительства в долгосрочной перспективе является объективным и неотвратимым: через некоторое время советская власть, пусть и рожденная, и вдохновленная революционными событиями, была вынуждена пойти в этом конституционно-регулирующем направлении. Особенно ярко это проявилось в условиях действия Конституции СССР от 1977 г. и горбачевской перестройки, а также продолжает наблюдаться в современном российском обществе.

В связи с этим представляется весьма важным опыт правового регулирования организации выборов в период с 1977 по 1988 г. Он характерен юридическим действием двух весьма близких друг другу по методологии и содержанию законов от 6 июля 1978 г. и от 1 декабря 1988 г., которые базировались на положениях одной и той же Конституции СССР, но предопределяли своим нормативным воздействием совершенно разные выборы: в первом случае — «брежневские» (традиционные, безальтернативные и лишь «одобряющие политику партии и правительства»), во втором — «горбачевские» (политико-инновационные, альтернативные и «первые демократические в СССР»: это была беспрецедентная ломка общественных представлений о том, какими вообще должны быть выборы в советской стране). Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» лишь «слегка подтолкнул» избирательную систему к дальнейшей демократизации по сравнению с нормативно-правовым регулированием Закона СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР», что дало поистине синергетический эффект. Полагаем, что этому результату в значительной степени предшествовал вышеуказанный опыт государственно-правовой истории нашей страны.

1. Макарова Е. А. Тоталитаризм и ценность личной свободы в учении Н. А. Бердяева // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. Москва: ИГиП РАН, 1996. С. 68—74.

2. Тилежинский Е. В. Равенство и социализм // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2004. № 42. С. 274—279.

3. Серов Д. О., Федоров А. В. Расстрел бывшего императора Николая II и его семьи (1918 г.): историко-правовые аспекты // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 15—24.

4. Ляднова Э. В. Право граждан на участие в отправлении правосудия в истории конституционного развития России (1918—1995 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 44—47.

5. Страшун Б. А. Социализм и демократия. Социалистическое народное представительство. Москва: Междунар. отношения, 1974.

6. Чеботарев Г. Н. Демократия и народное представительство // Реформирование отечественного избирательного законодательства: проблемы и перспективы. Тюмень: Вектор Бук, 2006. С. 33—36.

7. Садовникова Г. Д. Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии? // Государство и право. 2009. № 12. С. 86—89.

8. Виноградов И. А. Гоголь и Уваров: православие, самодержавие, народность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 83—91.

9. Бердяев Н. Судьба России. Москва: Издание Г. А. Лемана и С. А. Сахарова, 1918.

10. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Сварог и К, 1997.

11. Хмуркин Г. Г. К вопросу о числе репрессированных «за веру»: анализ концепции Н. Е. Емельянова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 27—39.

12. Коханец Л. А. Структура советской власти по Конституции 1918 года // Мир науки и образования. 2018. № 2 (14).

13. Дмитриевцева А. А. Выборы в Советы в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1917—1928 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

14. Саламатова М. С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12—17.

1. Makarova E. A. Totalitarianism and the value of personal freedom in the teachings of N. A. Berdyaev. In: Problems of a value approach in law: tradition and renewal. Moscow: IGiP RAS; 1996: 68—74 (in Russian).

2. Tilezhinsky E. V. Equality and Socialism. Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatischev, : 274—279, 2004 (in Russian).

3. Serov D. O., Fyodorov A. V. Execution of the former emperor Nicholas II and his family (1918): historical and legal aspects. Journal of Russian law, 15—24, 2018 (in Russian).

4. Lyadnova E. V. The right of citizens to participate in the administration of justice in the history of the constitutional development of Russia (1918—1995). State power and local self-government, 44—47, 2009 (in Russian).

5. Strashun B. A. Socialism and democracy. Socialist popular representation. Moscow: International relations; 1974 (in Russian).

6. Chebotarev G. N. Democracy and popular representation. In: Reforming domestic electoral legislation: problems and prospects. Tyumen: Vector Buk; 2006: 33—36 (in Russian).

7. Sadovnikova G. D. People's representation in modern Russia: anachronism or a promising direction for the development of democracy? State and law, 86—89, 2009 (in Russian).

8. Vinogradov I. A. Gogol and Uvarov: Orthodoxy, autocracy, nationality. Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation, 83—91, 2001 (in Russian).

9. Berdyaev N. Fate of Russia. Moscow: Edition of G. A. Leman and S. A. Saharov; 1918 (in Russian).

10. Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. The origins and meaning of Russian communism. Moscow: Svarog and K; 1997 (in Russian).

11. Khmurkin G. G. To the question of the number of repressed "for faith": an analysis of the concept of N. E. Emelyanov. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 27—39, 2020 (in Russian).

12. Kokhanets L. A. The structure of Soviet power according to the 1918 Constitution. World of Science and Education, 2018 (in Russian).

13. Dmitrievtseva A. A. Elections to the Soviets in the Tambov province in the first decade of Soviet power (1917—1928). Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2012 (in Russian).

14. Salamatova M. S. Electoral behavior of the peasantry in the 1920s. Humanities in Siberia, 12—17, 2013 (in Russian).

15. Журавлев В. В. Присяга как идеологический текст: к истории практики оформления отношений власти и политической лояльности на востоке России в период гражданской войны // Содружество. 2017. № 1. С. 210—221.

16. Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. Москва: РОССПЭН, 1997.

17. Третьяков В. Г., Дятлова Н. И. Учредительное собрание или Советы? (к 100-летию роспуска Учредительного собрания) // Культура. Наука. Образование. 2018. № 4. С. 19—33.

18. Ленин В. И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10. С. 20—28.

19. Эрлихман В. Караул устал! // Родина. 2018. № 1. С. 26—30.

20. Соколов В. В. Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении советской России — СССР (1918—1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010.

21. Патрикеева О. А. Учредительное собрание России: поиск оптимальной системы выборов (март — сентябрь 1917 г.) // Революции в отечественной и мировой истории. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2017.

22. Пунтус С. А. Исторический опыт и современное состояние избирательных цензов в России и за рубежом (сравнительно-правовая характеристика) // Проблемы наук теории и истории государства и права. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. С. 35—43.

© Астафичев П. А., 2021

Астафичев Павел Александрович,
профессор кафедры конституционного
и международного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор

15. Zhuravlev V. V. Oath as an ideological text: to the history of the practice of formalizing relations of power and political loyalty in eastern Russia during the civil war. Commonwealth, 210—221, 2017 (in Russian).

16. Protasov L. G. All-Russian Constituent Assembly: the story of birth and death. Moscow: ROSSPEN; 1997 (in Russian).

17. Tretyakov V. G., Dyatlova N. I. Constituent Assembly or Soviets? (on the 100th anniversary of the dissolution of the Constituent Assembly). Culture. Science. Education, 19—33, 2018 (in Russian).

18. Lenin V. I. It is about the dissolution of the Constituent Assembly at a meeting of the All-Russian Central Executive Committee. Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Kutafin Moscow State Law University), 20—28, 2017 (in Russian).

19. Erlichman V. Karaul is tired! Homeland, 26—30, 2018 (in Russian).

20. Sokolov V. V. Soviet military leaders in official propaganda and public opinion of Soviet Russia — the USSR (1918—1925). Abstract of dissertation of the candidate of historical sciences. Oryol; 2010 (in Russian).

21. Patrikeeva O. A. Constituent Assembly of Russia: search for the optimal election system (March — September 1917). In: Revolutions in domestic and world history. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Industrial Technologies and Design; 2017 (in Russian).

22. Puntus S. A. Historical experience and the current state of electoral qualifications in Russia and abroad (comparative legal characteristics). In: Problems of the sciences of the theory and history of state and law. Krasnoyarsk: IPK SFU; 2008 (in Russian).

© Astafichev P. A., 2021

Astafichev Pavel Alexandrovich,
professor at the department of constitutional
and international law
of Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor

* * *

УДК 351.741
ББК 67.401.133.12
doi:10.25724/VAMVD.UQRS

П. Н. Жигалов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ
С ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В статье исследуются проблемы организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел на транспорте с иными субъектами обеспечения транспортной безопасности, его формы, принципы, информационное обеспечение и правовое регулирование. Сделан вывод о том, что обязательным критерием, позволяющим эффективно организовать взаимодействие субъектов при обеспечении транспортной безопасности, является наличие необходимой нормативно-правовой базы, которая урегулирует объем их прав и обязанностей, а также их правовой статус. Кроме того, нормативно-правовая база должна четко определять механизм внутриорганизационного и внешнеорганизационного взаимодействия подразделений органов внутренних дел на транспорте с другими субъектами обеспечения транспортной безопасности, что, в свою очередь, повысит качество их взаимодействия, даст возможность более рационально использовать силы и средства, продуктивно решать задачи по выявлению и раскрытию преступлений.

Ключевые слова: транспортная безопасность, организация взаимодействия, органы внутренних дел на транспорте, субъекты транспортной безопасности, информационное обеспечение, правовое регулирование.

P. N. Zhigalov

**INTERACTION OF DEPARTMENTS OF THE INTERNAL AFFAIRS
ON TRANSPORT WITH OTHER SUPPORT SUBJECTS
TRANSPORTATION SECURITY AT THE MODERN STAGE**

The article examines the problems of organizing the interaction of departments of internal affairs bodies in transport with other subjects of transport security, its forms, principles, information support and legal regulation. It is concluded that a mandatory criterion for effectively organizing the interaction of subjects while ensuring transport security is the presence of the necessary regulatory framework that will regulate the scope of their rights and obligations, as well as their legal status. In addition, the regulatory framework should clearly define the mechanism of intra-organizational and external-organizational interaction of departments of the internal affairs bodies in transport with other subjects of transport security, which, in turn, will increase the quality of their interaction, make it possible to more efficiently use forces and means, and effectively solve tasks to identify and solve crimes.

Key words: transport security, organization of interaction, internal affairs bodies in transport, subjects of transport security, information support, legal regulation.

Возможность решения задач, связанных с обеспечением транспортной безопасности, обусловлена совместной деятельностью различных субъектов правоотношений в данной сфере, именно поэтому рассмотрение вопросов взаимодействия подразделений органов внутренних дел (ОВД) на транспорте с иными субъектами обеспечения транспортной безопасности, а также определение его направлений приобретают особую актуальность.

Организация деятельности ОВД на транспорте — сложная сфера, где невозможно обойтись без внутриорганизационного (между подразделениями и службами ОВД на транспорте) и внешнеорганизационного взаимодействия (между подразделениями и службами ОВД на транспорте и иными органами исполнительной власти). Отличительной чертой первого является то, что сегодня сотрудниками ОВД на транспорте выполняется ряд

управленческих функций, связанных между собой и объединенных общей целью, а также функций, призванных реализовывать административно-правовые режимы, которые нацелены на повышение эффективности деятельности ОВД на транспорте в части обеспечения общественного порядка, а также личной безопасности человека и гражданина. Внешнеорганизационное взаимодействие возникает преимущественно тогда, когда инициатива исходит от одного из его субъектов, т. е. если есть потребность в расширении полномочий, мобилизации ресурсов, необходимых для достижения какой-либо правовой цели и добывания нужного объема информации, чтобы должным образом гарантировать в подведомственной сфере общественную безопасность [1, с. 157].

Субъектами правоотношений при внешнеорганизационном взаимодействии выступают правоохранительные органы и иные органы исполнительной власти, а также юридические лица, имеющие в своем распоряжении арсенал средств, без которых невозможно выполнить названные ранее задачи.

Скажем несколько слов о правоотношениях, возникающих между субъектами внутриорганизационного и внешнеорганизационного взаимодействия. Эти правоотношения детерминированы особенностями правового положения субъектов и имеют следующие отличительные черты:

- 1) требуются для реализации субъектами стоящих перед ними задач;
- 2) носят волевой характер, поскольку должны привести к цели взаимодействия;
- 3) находятся в пределах той деятельности субъектов, которая ведется в рамках их взаимодействия;
- 4) могут быть постоянными, повторяться спустя определенное время, возникать только один раз [2, с. 131].

Важно отметить при этом, что организация эффективного взаимодействия невозможна без четкой нормативно-правовой базы, которая установит необходимый и достаточный объем прав и обязанностей субъектов и их правовой статус. Взаимодействие, реализуемое подразделениями ОВД на транспорте, можно разделить на две категории. Каждую из них будут определять принципы, лежащие в основе взаимодействия.

1. Нормативно-правовое взаимодействие — взаимодействие, в рамках которого принимаются необходимые нормативные правовые акты, делающие его обязательным для органов исполнительной власти, устанавливающие круг полномочий для субъектов, регламентирующие ту процедуру,

в соответствии с которой оно будет осуществляться. Примером может быть оценка степени уязвимости объектов транспортной инфраструктуры. Согласно Федеральному закону «О транспортной безопасности» ее должны периодически производить специализированные организации в сфере обеспечения транспортной безопасности, организации и структуры федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации и федерального органа исполнительной власти, который формирует государственную политику и осуществляет нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел, принимая во внимание требования по обеспечению транспортной безопасности на основе публичного договора [3].

2. Статусное взаимодействие — взаимодействие, происходящее, когда орган исполнительной власти, а также входящие в него структуры реализуют комплекс своих полномочий. Если он не имеет возможности делать это с помощью собственных ресурсов, ему приходится организовывать взаимодействие с какими-либо другими органами исполнительной власти. Вместе с тем оно не регламентируется специальной нормой, а реализуется на основе правового статуса субъектов. Примером могут служить правоотношения, установленные Федеральным законом «О полиции» [4]: подразделения ОВД на транспорте обеспечивают безопасность авиационных перевозок гражданской авиации.

Сосредоточим свое внимание на внутриорганизационном взаимодействии. Его организация (согласование деятельности субъектов, осуществляемое посредством оказания управленческого влияния) — один из видов управленческой деятельности, которой, как правило, занимаются субъекты, имеющие набор властных полномочий, т. е. задача органа управления (органы управления). Ее решение состоит в разработке соответствующих ведомственных нормативных актов. Именно организация взаимодействия будет определять степень продуктивности работы всех его субъектов. При обеспечении транспортной безопасности внутриорганизационное взаимодействие выражается в координации действий подразделений и служб ОВД на транспорте, недопущении их несогласованности и дублирования функций, обеспечении совместного использования сил и средств.

Теория и практика сформировали базовые принципы, на которых основано взаимодействие ОВД на транспорте и территориальных ОВД. Это необходимо для решения всех стоящих перед ними задач, преодоления возникающих противоречий.

В числе таких принципов нужно назвать принципы научности, целенаправленности, планомерности взаимодействия, обеспечения баланса интересов всех субъектов, законности, согласованной деятельности в рамках имеющегося объема полномочий [5, с. 125; 6, с. 131].

В случае с внутриорганизационным взаимодействием всем руководителям и оперативным сотрудникам, проходящим службу в ОВД на транспорте, включая территориальные ОВД, следует:

— разрабатывать и реализовывать совместные планы, в том числе отдельные мероприятия, имеющие целью предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений;

— совместно проводить анализ состояния преступности и совершаемых правонарушений на вверенной территории, разрабатывать мероприятия по противодействию им;

— обмениваться информацией, представляющей оперативный интерес;

— общими усилиями вести разработку и вносить предложения (рекомендации), необходимые для реализации мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений;

— осуществлять комплекс совместных мероприятий по профессиональной подготовке оперативных сотрудников, проходящих службу в ОВД на транспорте, включая территориальные ОВД, в том числе лиц, которые на конфиденциальной основе оказывают содействие в работе по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений [1, с. 159].

В большинстве случаев взаимодействие между сотрудниками ОВД на транспорте и территориальных ОВД состоит в обмене информацией, представляющей оперативный интерес (сведения о готовящихся или совершенных преступлениях, лицах, находящихся в розыске, и т. д.), от скорости и регулярности которого в значительной степени зависит уровень раскрываемости преступлений. На практике обмен оперативной информацией происходит непрерывно, сегодня для этого имеются необходимые каналы связи. Важнейшим звеном здесь выступает информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) ОВД на транспорте, под которым понимаются информационные процессы, проводимые сотрудниками оперативных и иных подразделений (сбор, регистрация, хранение и передача оперативно значимой информации, носящей гласный и негласный характер). Отметим, что сегодня для повышения эффективности раскрытия преступлений, совершенных на объектах транспорта, нужно

использовать весь потенциал правоохранительных, надзорных и иных органов и организаций, что, соответственно, требует объединения их усилий [7, с. 193].

Информационное обеспечение ОРД ОВД на транспорте содержит большое количество элементов. Приведем основные из них:

1) данные, характеризующие оперативную обстановку, которая складывается на обслуживаемом объекте, система отслеживания изменений, происходящих в ней, своевременное поступление актуальной информации о совершенных преступлениях;

2) комплекс, включающий криминалистические, оперативно-розыскные и иные виды учетов, в том числе банки данных, содержащие сведения о преступлениях и лицах, которые их совершили;

3) обмен оперативной информацией между всеми ОВД и иными правоохранительными органами, а в случае необходимости и правоохранительными органами других стран;

4) доведение оперативной информации до всех заинтересованных структур, в том числе до негласного аппарата, общественности и т. д.

Информационное обеспечение деятельности ОВД на транспорте происходит при активном использовании информационных систем. В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] законодатель отмечает, что можно создавать и задействовать имеющиеся информационные системы для заведения дел оперативного учета, но только с одним условием — чтобы выполнять задачи, возложенные на органы, осуществляющие ОРД [9, с. 166].

Ранее мы уже говорили о том, что эффективность взаимодействия непосредственно зависит от уровня его организации. Здесь важно подчеркнуть, что субъекты взаимодействия должны иметь равный статус, в противном случае нужно вести речь о подчинении.

При организации взаимодействия необходимо наделить одного из субъектов дополнительными полномочиями «организатора». Их можно использовать тогда, когда возникнут обстоятельства, побуждающие субъектов к взаимодействию. Статус и функции участников нужно закрепить в соответствующих нормативных актах [10, с. 75]. Обратим внимание на некоторые нюансы. Так, если необходимо организовать взаимодействие между службами ОВД в целях поддержания общественного порядка, руководитель ОВД, используя свои полномочия, имеет возможность делегировать функции координации той из них, которая непосредственно занимается охраной общественного

порядка. Ей также могут быть переданы полномочия, касающиеся субъектов взаимодействия. В то же время на иные включенные в работу службы может быть наложена обязанность предоставления организатору всей информации, а также необходимых сил и средств. Если субъекты взаимодействия принадлежат к разным органам исполнительной власти, правовое положение организатора устанавливается путем издания нормативного акта.

Изложенное позволяет констатировать особую роль административно-правового регулирования в вопросах организации взаимодействия. Правоотношения, возникающие здесь, должны устанавливаться между теми субъектами и по тому регламенту, которые прописаны в соответствующем документе. Кроме того, для повышения эффективности взаимодействия нормативные правовые акты должны:

- определять, какие именно субъекты будут взаимодействовать;
- указывать объект взаимодействия, т. е. по какому поводу оно реализуется;

1. Долгополов А. А., Белоконь А. В. К вопросу об организации взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами обеспечения транспортной безопасности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 156—161.

2. Штырхунова Н. А., Абрамян С. К. Правовой статус органов внутренних дел на транспорте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 129—134.

3. О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Рева А. М. Некоторые аспекты взаимодействия оперативных аппаратов органов внутренних дел на воздушном транспорте с территориальными органами внутренних дел // Правоохранительная деятельность на транспорте: итоги и перспективы. Орел, 1999.

6. Бочаров Г. Н. Некоторые аспекты организации взаимодействия руководителей транспортных и территориальных органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка и безопасности // Правоохранительная деятельность на транспорте: итоги и перспективы. Орел, 1999.

7. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. Проблемные вопросы в правовом регулировании

— прописывать порядок и формы взаимодействия;

— регламентировать режим обмена информацией о состоянии объекта, в отношении которого реализуется взаимодействие;

— регламентировать период, в течение которого будут проводиться совместные мероприятия;

— устанавливать права и обязанности субъектов взаимодействия [1, с. 161].

Субъекты взаимодействия должны строго соблюдать требования, установленные в соответствующем нормативном акте, иначе пострадает результат их работы.

В завершение отметим, что если взаимодействие организовано на высоком уровне, это дает возможность более рационально использовать силы и средства, находящиеся в распоряжении его субъектов, эффективно выполнять задачи по выявлению и раскрытию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры.

1. Dolgoplov A. A., Belokon A. V. To the question of organizing the interaction of internal affairs bodies with other subjects of transport security. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 156—161, 2016 (in Russian).

2. Shtyrkhunova N. A., Abrahamyan S. K. Legal status of the internal affairs bodies in transport. Humanities, socio-economic and social sciences, 129—134, 2018 (in Russian).

3. Federal Law No. 16-FZ on 9 February 2007. "On transport safety". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Federal Law No. 3-FZ on 7 February 2011. "On the police". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

5. Reva A. M. Some aspects of the interaction of the operational apparatus of the internal affairs bodies in air transport with the territorial internal affairs bodies. In: Law enforcement activity in transport: results and prospects. Orel; 1999 (in Russian).

6. Bocharov G. N. Some aspects of the organization of interaction between the heads of transport and territorial bodies of internal affairs to ensure public order and security. In: Law enforcement activity in transport: results and prospects. Orel; 1999 (in Russian).

7. Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. Problematic issues in the legal regulation of the activities of internal affairs bodies in transport.

деятельности органов внутренних дел на транспорте // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 193—196.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Милякина Е. В., Росса А. А. Государственные интересы в сфере функционирования объектов морского транспорта и обеспечение их защиты органами внутренних дел. М.: ВНИИ МВД России, 2007. 206 с.

10. Дорофеев И. Н., Пестов Н. Н. Факторы, обуславливающие специфику деятельности органов внутренних дел на транспорте в современных условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2. С. 74—77.

© Жигалов П. Н., 2021

Жигалов Петр Николаевич,

начальник отдела уголовного розыска
Волгоградского линейного управления
МВД России на транспорте,
e-mail: pzhigalov3@mvd.ru

Bulletin of economic security, 193—196, 2019 (in Russian).

8. Federal Law No. 144-FZ on 12 August 1995. "On the operational-search activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

9. Milyakina E. V., Rossa A. A. State interests in the sphere of functioning of marine transport facilities and ensuring their protection by the internal affairs bodies. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007: 206 (in Russian).

10. Dorofeev I. N., Pestov N. N. Factors determining the specifics of the activities of the internal affairs bodies in transport in modern conditions. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 74—77, 2017 (in Russian).

© Zhigalov P. N., 2021

Zhigalov Peter Nikolaevich,

head of the criminal investigation department
of the Volgograd linear directorate
of the Ministry of the Interior
of Russia for transport;
e-mail: pzhigalov3@mvd.ru

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.
Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и приставные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (909) 387-73-34.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ подпись фамилия, инициалы⁵

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.